РФ
К-30

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАРЛА МАРКСА

В ОБЩЕДОСТУПНОМ ИЗЛОЖЕНИИ

КАРЛА КАУТСКОГО

ПЕРЕВОД С 15-ГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
(1917 г.)
А. О. ВАЙНШТЕЙНА

Под редакцией Э. Э. ЭССЕНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1925

32059
БИБЛИОТЕКА
Проверка 19

РЕДКИЙ ФОНД

Предисловие к первому изданию.

Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? — Nein!
Wir wollen weniger erhoben,
Und fleissiger gelesen sein [1]).

Ни к одному из современных писателей нельзя было бы применить этих слов Лессинга с большим правом и большим основанием, чем к Марксу. Автор настоящего труда, следя, в силу своей специальности, за немецкой экономической литературой, пришел к заключению, что никто не упоминается в ней так часто, как Маркс, учение которого является средоточием большинства дискуссий, происходивших в последнее время по вопросам экономического характера. Однако, этот факт отнюдь не вызывает в авторе предлагаемой книги чувства удовлетворения: хотя он и принадлежит к числу последователей марксистской «школы», — если только можно говорить о существовании таковой, — но он принужден констатировать, что большей частью те, которые пишут о Марксе, либо совершенно не знают сочинений последнего, либо читали их очень поверхностно. Если прибавить к этому, что большинство публицистов и ученых занимается исследованием трудов Маркса не с целью объективного, научного познания, а для обоснования тех или иных преходящих интересов, то нет ничего удивительного в том, что по поводу теорий Маркса в широких кругах общества распространены самые нелепые взгляды.

Маркс не мог ставить себе задачей опровергать каждое из этих ошибочных воззрений. Его отдельные взгляды являются составными частями единой стройной системы и могут быть поняты только в их общей связи; кто не постигнет этой связи, тот обречен на поверхностное усвоение отдельных положений учения Маркса. Поэтому от отмеченных выше нелепых взглядов нельзя отделаться несколькими словами; они могут быть устранены только путем ссылки на необходимость тщательного изучения сочинений

---

[1]) Кто не похвалит Клопштока?
Но станет ли его каждый читать? — Нет!
Мы хотим, чтобы нас превозносили меньше,
Но зато усерднее читали.

ДОМ ПРОПАГАНДИСТА

Маркса или путем обстоятельного изложения научного мировоззрения Маркса и Энгельса. Такое изложение мы в действительности находим в классическом полемическом сочинении Энгельса против Дюринга — книге, которая содействовала пониманию учения Маркса в бо́льшей степени, чем все краткие отдельные указания самого Маркса на то, как надо толковать тот или иной пункт его учения.

В немецкой литературе отсутствует, однако, такой труд, в котором экономическое учение Маркса было бы изложено и разъяснено в краткой, общедоступной форме. Попыток к подобного рода работе было сделано много, но все они остались не доведенными до конца.

Предлагаемая книга стремится восполнить существующий пробел или, по крайней мере, помочь его восполнению.

Она опирается, разумеется, на главный труд Маркса «Капитал» и следует ему в расположении материала. Другие сочинения Маркса по экономическим вопросам использованы только частично, при выяснении наиболее сложных вопросов или при указании на дальнейшие выводы из содержащихся в «Капитале» положений.

Цель настоящей книги заключается, главным образом, в том, чтобы познакомить с основными мыслями Маркса тех, у кого нет времени или возможности прочесть «Капитал»; но автор надеется, что его книга облегчит изучение Маркса и некоторым из тех, у кого «Капитал» имеется, и что она побудит очень многих заглянуть в подлинник, о котором они себе составили ложное представление или от ознакомления с которым их удерживали трудности первого отдела.

Нет ничего ошибочнее мнения, будто «Капитал» изложен сухим и малопонятным языком. Автор не знает ни одного экономического труда, который мог бы сравниться с «Капиталом» по ясности и живости изложения, достигающего повременам классического совершенства стиля.

И все-таки понять его очень трудно, в особенности некоторые его места. Однако, характер изложения тут абсолютно не при чем.

Принято думать, что политическая экономия, это — такая научная область, которую может усвоить каждый, без всяких предварительных знаний. На самом же деле она представляет одну из труднейших научных дисциплин, ибо едва ли найдется еще какое-либо другое явление столь же сложное, как общество. Правда, для понимания той совокупности общих мест, которую Маркс называет вульгарной экономией, достаточно познаний, приобретаемых каждым человеком в обычных условиях повседневной жизни. Но для понимания «Капитала» Маркса, который в форме критики политической экономии кладет фундамент новой исторической и экономической системы, необходимы не только известные предварительные исторические познания, но и знакомство

с теми фактами, которые вытекают из развития крупной промышленности.

Кому неизвестны — хотя бы частично — те факты, на основании которых Маркс устанавливает свои экономические законы, тот, во всяком случае, смутно поймет смысл этих законов, тот будет волей-неволей жаловаться на мистицизм и гегельянство Маркса. Самое доступное изложение нисколько ему не поможет.

В этом, по нашему мнению, заключается самый опасный момент для всякой попытки популяризации «Капитала». Маркс писал как нельзя популярнее. Там, где его понять трудно, корень зла заключается не *в языке,* а в предмете, о котором идет речь, и *в читателе.* Попытка механически заменить этот якобы малопонятный язык более понятным может иметь место только в ущерб точности; подобного рода популяризация неминуемо ведет к опошлению.

Этим определялась та задача, которую ставил себе автор настоящей книги. Она сводилась не к простой замене языка. Маркс, как уже было сказано выше, писал в такой популярной, сжатой и ясной форме, что уклонение от его выражений связано с риском искажения его мыслей. Поэтому автор цитирует некоторые отрывки из сочинений Маркса дословно. Они поставлены в кавычки и позаимствованы, поскольку нет ссылок на другие его труды, из «Капитала».

Моя задача заключалась прежде всего в том, чтобы обратить внимание читателя на факты, лежащие в основе теоретических положений. Это было необходимо в первом отделе. Маркс в большинстве случаев сам указал на эти факты, но в ряде случаев — только мимоходом, поэтому на них обычно не обращали внимания. Далее автор был вынужден подчеркнуть ряд фактов по своей личной инициативе. Это относится, главным образом, к первым параграфам первой главы. В настоящей книге пришлось ограничиться краткими указаниями. Подробное изложение содержащихся в основе «Капитала» фактов далеко превысило бы не только установленный объем данного сочинения, но и силы автора, и представляло бы собой не что иное, как историю развития человечества, начиная с первобытных времен. «Капитал» в значительной степени — исторический труд.

В тех отделах, в которых идет речь о современной промышленности, исторический характер «Капитала» становится очевидным для всякого. Они заключают в себе не только теоретические положения, но и исторические рассуждения по тем вопросам, которые раньше были освещены неполно или же вовсе не рассматривались. В этих отделах фактический материал, подтверждающий теоретические выводы, настолько богат, что их понимание доступно всем и не требует никакой предварительной подготовки. Здесь предо мною стояла другая задача. Ограниченный объем данной книги позволял остановиться только на важнейшем. И вот, несмотря

на это, надо было сохранить исторический характер теоретических положений и не допустить пробелов, которые придали бы некоторым из этих положений, имеющим смысл только при наличии известных исторических предпосылок, другую форму и неизбежно привели бы к неправильным выводам.

Настоящая книга не только содержит изложение учения Маркса, но она должна служить также руководством при изучении сочинений Маркса в подлиннике. Поэтому, автор считал себя вправе остановиться на тех вопросах, которым, по его мнению, до сих пор уделялось мало внимания или при изучении которых легко возникали недоразумения, подробнее, чем это требовалось бы для разъяснения тех или иных теоретических положений; напротив, другие вопросы он считал возможным затронуть кратко на том основании, что они уже всем известны, общепризнаны и не могут вызвать никаких недоразумений. Чтобы повысить практическую ценность этой книги, пришлось некоторые фактические данные, например, из области фабричного законодательства, продолжить за пределы той эпохи, которую охватил Маркс, и довести их до новейшего времени.

Сохраняя те наименования, которые Маркс присвоил отдельным понятиям, я по возможности избегал иностранных терминов. Совершенно устранить их не удалось. Культура и наука немецкого народа развивались не сами по себе: они позаимствовали ряд понятий, даже целые научные отрасли, а вместе с тем и ряд терминов, у других наций. Этим объясняется, что у нас в ходу множество иностранных слов, которые могут быть заменены лишь в ущерб отлетливости и сжатости изложения, или которые совершенно незаменимы. Иностранные термины принято переводить, заключая перевод в скобки. Автор не сочувствует этому способу. Если иностранный термин можно заменить переводным, то так и следует поступить. Если же этого сделать нельзя, то и перевод едва ли принесет пользу. В последнем случае задачей изложения является употреблять иностранные термины в такой связи, чтобы вдумчивый читатель без труда понял их смысл. Только малоизвестные иностранные термины переведены автором — там, где они встречаются в тексте впервые — дословно или по возможности точно и поставлены в скобки, но лишь с целью *облегчить* понимание иностранного термина, а отнюдь не для того, чтобы целиком заменить его.

Предшествующую литературу автор мог использовать только в ограниченной мере. Отметить следует, однако, французское издание извлечений из «Капитала» в обработке Девиля [1]), которое автору очень пригодилось. Автор считает своим долгом выразить здесь свою признательность Девилю за его любезное согла-

[1]) *Gabriel Deville.* Le Capital par Carl Marx, résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique. Paris, Henry Oriol, 324 p.

сие отказаться от издания немецкого перевода его труда в пользу этой книги.

Особенно подвинулась вперед подготовка к печати настоящей работы благодаря дружескому сотрудничеству и содействию Эдуарда Бернштейна, которому автор обязан не только советами и указаниями, а также критическим просмотром рукописи, но и самостоятельной обработкой некоторых глав. Так, например, большая и важная глава о крупной промышленности (во 2-м отделе) написана почти целиком им.

Это участие и поддержку автор отмечает с тем большей благодарностью, что он ясно сознает трудность стоящих перед ним задач. По поводу популярных изложений крупных, самостоятельных произведений человеческого ума можно сказать то, что у Лессинга говорит принц Конти о живописи:

«Эх! Жаль, что мы не можем писать картин непосредственно глазами: сколько теряется на длинном пути, ведущем от глаза через руки до кисти художника!».

Если два художника рисуют один и тот же предмет, то на каждой из обеих картин он будет выглядеть иначе. То, что заметит один, упустит другой; что одному покажется достойным внимания, тому другой не придаст никакого значения, а то, на что они оба взглянут различно, они изобразят также различно. Правильно усвоить оригинал трудно, еще труднее правильно воспроизвести его.

То, что здесь дает автор, это не фотографический снимок «Капитала» — подобный снимок воспроизвел бы оригинал в уменьшенном масштабе, с пунктуальной точностью, но бесцветно, — а картина с субъективным колоритом и субъективными штрихами.

Так как, во избежание трудностей, настоящее изложение носит нередко малодоказательный характер, то мы просим читателя иметь постоянно в виду, что к нему обращается не Маркс, а автор настоящей книги, *излагающий* перед ним учение Маркса. Пусть считают это скромной задачей. Автор этих строк будет, тем не менее, испытывать глубокое удовлетворение, если он выполнил ее удачно, если он внесет свою лепту в дело распространения тех истин, которые поведал миру неутомимый исследователь, выдающийся ученый и великий мыслитель, и которые являются плодом трудов всей его жизни.

К. Каутский.

Лондон, октябрь 1886 г.

Предисловие к четвертому изданию.

Со времени появления первого издания настоящей книги часть фактического материала, иллюстрирующего теоретические положения, сильно изменилась. Поэтому, мы охотно воспользовались случаем, который представился нам благодаря выпуску нового издания, чтобы изъять устаревшие и принять во внимание новейшие данные.

Я пересмотрел настоящую книгу и в стилистическом отношении, и различные места ее, которые мне показались не совсем понятными, я изложил в более ясной форме.

За исключением указанного, я не нашел нужным внести никаких изменений. По существу книга сохранила свой прежний облик.

Ее главной первоначальной целью было ознакомить немецкий пролетариат с учением Маркса. Однако, я с радостью узнал, что она содействовала, по крайней мере, некоторому ознакомлению с учением Маркса и тех наций, которые по разным причинам лишены возможности прочесть «Капитал» на своем родном языке. Настоящая книга переведена на шведский, чешский и польский языки. Подготовляются переводы и на другие языки.

Эти переводы — один из многочисленных симптомов того интереса, который в настоящее время проявляют пролетарии всех стран к учению Маркса, и того значения, которое приобрели идеи основателя Интернационала в глазах международного революционного пролетариата.

Возникает новая интернациональная рабочая ассоциация, более мощная и более значительная, чем прежняя. Ее не объединяет никакая внешняя организация. Та материальная связь, которая ее поддерживает, это — общие интересы пролетариев различных капиталистических стран; те духовные узы, которые ее сплачивают, это — без всякого преувеличения — идейное содержание «Капитала». Пусть и настоящая книга послужит небольшим вкладом в дело объединения пролетариев всех стран при помощи этих духовных уз.

К. Каутский.

Штуттгарт, октябрь 1892 г.

Предисловие к восьмому изданию.

Спустя два года после последнего просмотренного мною издания настоящей книги появился долгожданный третий том «Капитала», принесший нам так много новых, неожиданных мыслей. В изложение экономического учения Маркса необходимо было бы, разумеется, включить отныне также очерк основных положений третьего тома. Однако, это дело нелегкое, требующее большего досуга, чем тот, которым я располагал. Как раз после появления третьего тома мне пришлось всецело посвятить себя аграрному вопросу; едва я закончил эту работу, как я был поглощен теоретическими дискуссиями, вызванными ревизионистским направлением. Теперь как будто и этот новейший кризис марксизма изжит; но мне предстоит отдать все свои силы на выполнение той задачи, которая возникла еще в 1895 году и которую я вынужден был отложить на слишком долгий срок по вышеуказанным причинам. Я имею в виду издание обнимающего около 1.500—1.600 печатных страниц историко-критического изложения теорий прибавочной стоимости, составляющего часть рукописи Маркса, озаглавленной: «К критике политической экономии», — которую Энгельс предполагал опубликовать как труд, долженствующий заменить четвертый том «Капитала».

Обширная интернациональная переписка и революционная деятельность сильно урезывают то время, которым я мог бы располагать для подготовки издания этого грандиозного труда; ясно, что я вынужден отложить в сторону всякую работу, которая не представляется спешной.

Таким образом я лишен возможности заняться расширением «Экономического учения». На этот раз я ограничился тем, что еще раз просмотрел всю книгу, заменил устаревшие ссылки на законы об охране труда, статистические данные и тому подобное — более новыми сведениями и присоединил еще одну главу о «прибавочной стоимости и прибыли», в которой я кратко излагаю основу третьего тома — закон о средней норме прибыли.

В остальном я не нашел нужным сделать никаких изменений. Широко распространенное мнение, которое разделяют и некоторые марксисты, будто те взгляды, которые мы, марксисты, защищаем, основываются на первом томе «Капитала», совершенно опрокидываются и уничтожаются третьим томом. Это глубочайшее заблу-

ждение. После появления третьего тома «Капитала» я пересмотрел настоящую книгу и в теоретическом отношении мне не пришлось внести в нее ни малейших поправок. Впрочем, я заранее предвидел, что приду к такому выводу, потому что Энгельс прочитал и одобрил рукопись первого издания настоящей книги уже тогда, когда ему было известно содержание третьего тома. Если бы он натолкнулся на такие положения, которые опровергались бы в третьем томе, то он первый обратил бы на это мое внимание.

В той области, о которой по преимуществу идет речь в первом томе «Капитала», которая больше всего интересует социалиста и которой почти исключительно посвящена настоящая книга, а именно — вопросе о взаимоотношениях между капиталистами и рабочим классом, превращение прибавочной стоимости в прибыль не играет никакой роли; здесь можно вполне ограничиться законами стоимости и прибавочной стоимости. По этой причине и Маркс совершенно не коснулся в первом томе «Капитала» вопроса о прибыли.

Но, разумеется, отсюда вовсе не следует, как это многие утверждают, что Марксу, когда он писал первый том «Капитала», были известны только законы стоимости и прибавочной стоимости, и что его теория о нормах прибыли была им придумана позднее для того, чтобы найти выход из затруднительного положения, чтобы согласовать свою теорию стоимости с якобы противоречащими ей реальными явлениями. Не подлежит сомнению, что в то время, когда Маркс писал первый том, в его голове уже сложилась вся теория в целом, не исключая законов прибыли и земельной ренты, и если ему не удалось изложить их в законченном виде, то это объясняется той неизменной добросовестностью, с которой он принимался за изучение вновь накопившихся фактов, а вовсе не тем, что он не мог «одолеть» своего собственного учения.

Это станет ясным каждому, когда выйдут в свет «Теории прибавочной стоимости». В рукописи, относящейся к 1861 — 63 гг., уже развиты все теории третьего тома. Если бы третий том упразднял первый, то Маркс «одолел» бы этот том, появившийся в 1867 году, раньше, чем он его еще написал.

«Теории прибавочной стоимости» будут иметь для усвоения учения Маркса о прибавочной стоимости не меньшее значение, чем для понимания тех теорий, которые рассматриваются и подвергаются критике в этом сочинении. Я надеюсь, что мне удастся, не взирая на все препятствия, опубликовать в недалеком будущем этот венец жизненного творчества Маркса.

К. Каутский.

Берлин, май 1903 г.

ОТДЕЛ I

ТОВАР, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ

ГЛАВА I.

ТОВАР.

1. Характер товарного производства.

В «Капитале» Маркс занимается исследованием *капиталистического способа производства,* который в настоящее время является господствующим. Его интересуют не *законы природы,* лежащие в основе производства; это — задача механики и химии, а не политической экономии. С другой стороны, он не ограничивается выяснением тех видов производства, которые существуют у всех народов, так как большей частью это повело бы лишь к повторению общеизвестных истин, в роде того, что для всякого производства человеку необходимы почва, орудия и средства существования. Маркс рассматривает преимущественно законы развития определенного способа общественного производства, свойственного определенной эпохе (последним столетиям) и определенным нациям (европейским и происходящим из Европы; в последнее время этот способ производства получил распространение и среди других наций, например, среди японцев и индусов). Этот ныне преобладающий способ производства, капиталистический, с особенностями которого мы ближе познакомимся в дальнейшем, резко отличается от других способов производства, например, от феодального, существовавшего в Европе в средние века, или от первобытного коммунистического, характерного для начальной стадии развития всех народов.

Если мы обратимся к современному обществу, то увидим, что его богатство состоит из *товаров.* Товар, это — продукт труда, созданный не для *собственного потребления* производителя или его близких, а для *обмена* на другие продукты. Таким образом, продукт становится товаром не в силу своих *природных* свойств, а вследствие своего *общественного* характера. Поясним это на следующем примере. Пряжа, которую изготовляет из льна крестьянская девушка в первобытном хозяйстве и из которой затем ткут холст, служащий для удовлетворения нужд самой семьи, — *предмет потребления,* а не *товар.* Если же ткач выделывает пряжу, чтобы обменять ее у соседа-крестьянина на пшеницу, или если фабрикант ежедневно производит большое количество

пряжи для продажи, то в этих случаях пряжа является товаром. Она не перестает быть и предметом потребления, но таким, который играет определенную общественную роль, т.-е. подлежит обмену. По наружному виду пряжи нельзя судить о том, товар ли она или нет. Ее природные свойства могут быть совершенно одинаковы как в том случае, когда ее изготовляет крестьянская девушка для своего приданого, так и в том случае, когда ее выделывает на фабрике работница, которой, может быть, не придется воспользоваться ни одной ниткой этой пряжи. Только на основании общественной роли, *общественной функции* пряжи можно определить — товар она или нет.

В капиталистическом обществе большинство продуктов труда принимает форму товаров: если в настоящее время еще не все продукты труда стали товарами, то это объясняется тем, что у нас еще сохранились остатки прежних способов производства. За этим очень незначительным исключением *все продукты труда приобретают теперь форму товаров.*

Нам будет непонятен современный способ производства, если мы не уясним себе, что такое товар. Поэтому мы начнем с рассмотрения сущности товара.

По нашему мнению, мы значительно упростим эту задачу, если мы сперва отметим наиболее характерные отличия товарного производства от других видов производства. Нам будет тогда легче разобраться в тех взглядах, которые высказывает Маркс, исследуя вопрос о товаре.

Уже на самых ранних ступенях истории человечества люди добывали себе средства существования, соединяясь в более или менее обширные группы; следовательно, производство носило постоянно *общественный* характер. Маркс отметил это еще в своих статьях «Наемный труд и капитал», напечатанных в «Новой Рейнской Газете» в 1849 году.

«В производстве, — говорит там Маркс, — люди воздействуют не только на природу. Они производят, трудясь совместно и взаимно обмениваясь своим трудом; чтобы производить, они вступают в определенные отношения друг к другу и только в пределах их общественных отношений они могут воздействовать на природу, могут производить.

«В зависимости от тех или иных особенностей средств производства изменяются, понятно, общественные отношения, существующие между производителями, и условия, при которых последние обмениваются своим трудом и принимают участие в совокупном процессе производства. Так, например, с изобретением огнестрельного оружия неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, стала иной та общественная связь, в рамках которой отдельные личности составляют армию и могут действовать как армия, приобрели другой характер и отношения между различными армиями.

Попутно заметим, что приведенный пример наглядно показывает, как изменение средств производства — замена лука и стрел огнестрельным оружием — влечет за собой изменение способа распределения продукта производства.

Рассмотрим теперь другую, более развитую форму общественного производства, например, *индусскую земледельческую сельскую общину*. От первобытного коммунизма, когда-то господствовавшего в Индии, в настоящее время остались только жалкие следы, но еще Неарх, адмирал Александра Македонского, сообщал (Страбон, XV, I, 66), что в его время в ряде местностей Индии земля составляла коллективную собственность и обрабатывалась сообща, причем собранные после жатвы земледельческие продукты распределялись между сельчанами. По словам Эльфинстона, такие общины существовали в некоторых частях Индии еще в начале текущего столетия. На Яве до сего времени сохранился сельский коммунизм в форме периодических переделов пахотной земли между сельчанами, которые получают определенные наделы не на правах частной собственности, а только во временное пользование на известный срок. В Передней Индии пахатная земля стала большей частью частной собственностью отдельных сельчан, но лес, пастбища и невозделанная земля обычно являются собственностью общины и находятся в общем пользовании всех ее членов.

Главным образом нас интересует в тех сельских общинах Индии, которые еще не подверглись разрушительному влиянию английского владычества и не стали еще жертвой введенной там англичанами податной системы, существующая в них форма *разделения труда*. Мы обнаружили последнее уже у индейцев; однако, оно еще более развито в индусской сельской общине.

На-ряду с общинной администрацией, которая называется «патель», если она состоит из одного лица, и «панч», если она составляет коллегию из нескольких — чаще всего пяти—лиц, в каждой хозяйственной коммуне Индии имеется еще целый ряд должностных лиц: «карнам» или «матсадди»—счетовод, ведающий и руководящий финансами общины и расчетами как между отдельными ее членами, так между ней и другими общинами и государством; «таллиер» занимается расследованием преступлений и проступков, охраняет безопасность путешественников при их переезде в соседнюю общину, дает им надежную охрану, сопровождающую их до границы; «тоти» — оберегатель полей и землемер, надзирающий за тем, чтобы соседние общины не вторгались на пограничную территорию данной общины — обстоятельство, которое в особенности легко может случиться при разведении риса; надсмотрщик за каналами должен следить за их исправностью, за тем, чтобы в надлежащее время открывались и закрывались шлюзы и чтобы каждый участок получал воду в достаточном количестве, что имеет особенно большое значение для рисовых плантаций; брамин, совершающий религиозные обряды; школьный

1988
Библиотека Звенигородской Партийной школы
Б-КА ЗВЕНИГОРОДСКОГО

учитель, обучающий детей читать и писать; астролог, определяющий благоприятные и неблагоприятные дни для посева, жатвы, молотьбы и других важных работ; кузнец, плотник, колесный мастер, гончар, стиральщик, цирюльник, пастух, врач, «девадаши» (танцовщица), а иногда даже певец.

Все перечисленные лица должны работать на общину и ее членов и вознаграждаются за это либо определенным участком земли, либо известными отчислениями от жатвы. Таким образом даже при этой высоко развитой форме разделения труда мы наблюдаем *совместность различных видов труда и распределение продуктов.*

Возьмем еще один общеизвестный пример: патриархальную крестьянскую семью, удовлетворяющую свои потребности собственными силами; эта общественная форма возникла из того способа производства, который был нами только-что рассмотрен на примере хозяйственной коммуны Индии и который можно проследить на исследованных наукой ранних ступенях развития всех культурных народов.

Такая крестьянская семья также не распадается на отдельных, изолированных друг от друга индивидуумов, а представляет сотрудничество и совместную деятельность многих видов труда, изменяющихся в зависимости от возраста, пола и времени года. Отдельные члены семьи возделывают пашню, молотят, пасут скот, доят коров, заготовляют дрова, прядут, ткут, шьют, вяжут, занимаются столярничеством, резьбой и т. д. Различные работы выполняются сообща и тесно связаны друг с другом; здесь, как и в предъидущих примерах, отдельные рабочие *не обменивают* своих продуктов, а последние распределяются между ними в соответствии с местными условиями.

Предположим теперь [1]), что средства производства описанной нами земледельческой общины настолько усовершенствовались, что для обработки земли нужно меньше рабочих, чем раньше. Часть рабочих освобождается и, если позволят технические средства, может быть использована, скажем, для разработки находящихся на территории общины залежей кремня, для изготовления кремневых инструментов и для производства оружия. Допустим, что производительность труда в этой общине очень высокая и что поэтому инструменты и оружие изготовляются в гораздо большем количестве, чем это необходимо общине.

Представим себе далее, что кочующее племя пастухов, переходя с места на место, входит в соприкосновение с этой общиной. Производительность труда у пастухов тоже повысилась настолько, что они разводят скот в большем количестве, чем это нужно им

[1]) Ряд фактов доказывает, что первоначальное товарное производство действительно развивалось так, как нами ниже указано, но, разумеется, в более сложной форме; однако, мы не собираемся излагать истории товарного производства, а хотим лишь отметить его отличительные свойства, которые легче всего познаются путем сравнения с другими способами производства.

самим. Само собой разумеется, что они охотно согласятся обменять излишек скота на излишек инструментов и оружия, которым располагает земледельческая община. Излишек скота и излишек инструментов становятся благодаря такому обмену *товарами*.

Товарообмен является естественным следствием того, что производительные силы превысили в своем развитии тесные пределы потребностей первобытной общины. Первоначальный коммунизм задерживает, начиная с известной ступени технического развития, прогресс средств производства. Последние требуют *расширения* круга общественных работ; но, в виду того, что отдельные общины чуждались друг друга и вели самостоятельное существование, они не могли планомерно расширить своего производства, а должны были обмениваться излишками своих продуктов.

Как отразился товарообмен на способе производства внутри общин, как товарное производство стало производством *независимых друг от друга работников,* которым средства производства и продукты их труда принадлежали на правах *частной собственности* — этого мы не будем касаться. Мы хотим установить только следующее: товарное производство — это *общественное* производство; оно не только немыслимо вне общественных отношений, но ведет даже к *расширению общественного производства* за пределы предшествовавшего ему (т.-е. товарному производству) коммунистического производства (племени, общины и патриархальной семьи). Но общественный характер товарного производства явно не обнаруживается.

Представим себе гончара и земледельца сперва как членов индусской коммунистической общины, а затем как двух производителей товаров. В первом случае оба одинаково работают на общину: один доставляет ей горшки, другой — земледельческие продукты; один получает взамен известное количество земледельческих продуктов, а другой — горшков. Во втором же случае каждый из них работает совершенно самостоятельно, но работает (может быть, в той же мере, как и раньше) не только на себя, но также и на других. Затем они обменивают свои продукты, и возможно, что один получит столько же земледельческих продуктов, а другой столько же горшков, сколько они получали в общине. Как будто не произошло никаких существенных изменений, а между тем оба процесса резко отличаются друг от друга.

Каждому ясно, что в первом случае о согласовании различных отраслей труда заботится общество; оно заставляет работать одного на другого и с точностью определяет долю участия одного в продукте труда другого. Во втором же случае каждый работает, повидимому, на себя, и тот способ, посредством которого один получает продукт другого, вытекает как будто не из общественного характера их труда, *а из особенностей самого продукта.* Кажется, что в данном случае гончар и земледелец не работают друг на друга и что поэтому их работа не представляется необхо-

*

димой для общества, а что горшки и земледельческие продукты обладают мистическими свойствами, которыми обусловливается их обмен в известной пропорции. Отношения между *людьми,* вытекающие из общественного характера производства, создают при господстве *товарного производства* впечатление отношений между вещами, а именно между продуктами труда. Пока производство было непосредственно обобществлено, оно регулировалось и определялось обществом, и взаимоотношения между производителями были очевидны. Но как только труд стал частным, самостоятельным делом каждого производителя, как только производство перестало поэтому быть планомерным, отношения между производителями стали казаться отношениями между теми предметами, которые они производили. С тех пор определение отношений между производителями перестало зависеть от них самих; эти отношения начали развиваться помимо воли человека, общественные силы переросли их; наивное мировоззрение минувших веков считало их *божественными силами,* а позднейшие «просвещенные» столетия — силами *природы.*

Таким образом те, которые упускают из виду взаимоотношения между производителями, вынуждены приписывать реальным товарам мистические свойства. Подобно тому, как фетишист измышляет для своего фетиша такие свойства, которые не коренятся в его природе, так и буржуазный экономист смотрит на товар как на реальный предмет, обладающий, однако, сверхреальными свойствами. Маркс называет это «фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от всякого товарного производства» [1]).

Фетишизм товара — и, как мы увидим ниже, также капитала — впервые выявил Маркс. Фетишизм не только затрудняет, но делает прямо-таки невозможным познание свойств товара; нельзя получить ясного представления о стоимости товара, не уяснив себе, что такое фетишизм товара. Поэтому глава «товарный фетишизм и его тайна» [2]) является, по нашему мнению, одной из важнейших глав «Капитала», заслуживающей особенного внимания читателя. К сожалению, именно эту главу игнорируют не только противники, но нередко и сторонники учения Маркса.

2. Стоимость.

После того, как мы выяснили фетишистический характер товара, дальнейшее изучение свойств товара не представляет особенных затруднений.

---

[1]) «Капитал», Госиздат, 1923, т. I, стр. 40. Все ссылки на «Капитал» позаимствованы из русского перевода «Капитала» под редакцией В. Базарова и И. Степанова, Госиздат, 1923 г. (*Прим. перев.*)

[2]) «Капитал», т. I, стр. 38.

Как мы видели, товар предназначается для обмена. Но отсюда следует, что он удовлетворяет человеческой потребности — безразлично, действительной или только воображаемой. Никто не станет обменивать свой продукт на такой, который для него совершенно бесполезен. Следовательно, товар должен быть полезной вещью, т.-е. должен обладать *потребительной стоимостью;* последняя же определяется *физическими* свойствами товара. Потребительные стоимости составляют вещественное содержание богатства, каковы бы ни были его общественные формы. Следовательно, потребительная стоимость не является свойством, присущим исключительно товару. Существуют потребительные стоимости, которые не являются товарами, например, как мы это выяснили выше, продукты коммунистической общины; более того, имеются потребительные стоимости, которые не являются даже продуктами труда, например, плоды в девственном лесу, вода в реке. Однако, нет товаров, которые не имели бы потребительной стоимости.

Когда потребительные стоимости становятся товарами, т.-е. когда они обмениваются друг на друга, то это всегда происходит в определенном количественном соотношении, последнее составляет их *меновую стоимость;* она может изменяться в зависимости от времени и местности, но для данного времени и для данной местности она представляет определенную величину. Если мы обмениваем 20 метров полотна на 1 костюм и в то же самое время 20 метров на 40 килограмм кофе, то мы можем с уверенностью рассчитывать на то, что, если условия не изменятся и обмен состоится, мы за 1 костюм получим 40 килограмм кофе. Меновая стоимость костюма получает совершенно иное выражение, когда мы его обмениваем на полотно, чем когда мы его обмениваем на кофе. Но как бы ни были различны эти выражения, меновая стоимость в одно и то же время и в одной и той же местности всегда одинакова по своему содержанию. Для разъяснения этого общественного явления возьмем пример из мира реальных предметов. Если мы говорим, что данный предмет весит 16 килограмм, или 32 германских фунта, то из этого следует, что обоим этим выражениям присуще определенное содержание — определенный *вес* предмета. Точно так же и в различных выражениях потребительной стоимости товара заключается определенное содержание, которое мы называем его *стоимостью.*

Здесь мы имели дело с самым главным, основным понятием политической экономии, без которого немыслимо уяснить себе правильно механизм господствующего ныне способа производства.

Что такое стоимость товаров? — вот вопрос, на который мы должны ответить.

Возьмем два товара, скажем, пшеницу и железо. Меновое отношение между ними можно всегда выразить в виде математического равенства, например, один гектолитр пшеницы = 100 клгр. железа. Но каждому ученику народной школы известно, что

математические действия можно производить только над однородными величинами; так, из 10 яблок можно вычесть 2 яблока, но отнюдь не 2 ореха. Следовательно, в товарах — пшенице и железе — должно содержаться нечто им обоим общее, позволяющее сравнивать их между собой: это и есть их стоимость. Но является ли это общее природным свойством товаров? Как потребительные стоимости, они обмениваются именно потому, что их природные свойства *различны, а не одинаковы*. Эти свойства служат *поводом* к обмену, но они не могут определить той *пропорции*, в которой этот обмен происходит.

Если мы отвлечемся от потребительной стоимости товаров, то у них остается лишь *одно* свойство, а именно то, что они — продукты труда.

Если же мы отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то мы отвлечемся также и от тех различных определенных форм труда, которые их создали; тогда они будут уже не продукты труда столяра, ткача и т. д., а продукты *человеческого труда вообще*. И как таковые, они — стоимости.

Итак, товар имеет стоимость только потому, что в нем овеществлен абстрактный человеческий труд. Как же измерить величину стоимости товара? Очевидно, количеством содержащегося в нем труда, создающего стоимость; а количество самого труда измеряется его продолжительностью.

«Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного во время его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее и неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара» [1]). Однако, здесь идет речь не об *индивидуальном*, а об *общественном* труде. Припомним, что товарное производство представляет собой систему работ хотя и самостоятельных, но выполняемых в *общественной* связи. «Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет, подобно всякой другой, одну и ту же человеческую рабочую силу, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или *общественно*-необходимое рабочее время. Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 5.

уровне умелости и интенсивности труда»[1]). Если изменяется производительность труда, то изменяется также общественно-необходимое рабочее время, а вместе с ним и стоимость.

Время, необходимое для изготовления определенного продукта, играет, разумеется, большую роль при всяком способе производства; так, при коммунистическом способе производства оно определяет соотношение между различными видами совместного труда.

Возьмем, например, индусскую коммунистическую сельскую общину. Предположим, что два кузнеца занимаются в ней исправлением земледельческих орудий. Допустим затем, что какое-либо изобретение сильно повысило производительность их труда и что поэтому для исправления определенного числа земледельческих орудий в данный промежуток времени достаточно иметь одного кузнеца. Тогда второй кузнец не нужен будет больше для исправления земледельческих орудий и ему предложат другую работу, скажем, изготовление оружия или украшений. Между тем, производительность земледельческого труда остается, примерно, прежняя; следовательно, для удовлетворения потребностей общины в земледельческих продуктах необходимо затратить столько же рабочего времени, как и прежде.

И при этих условиях все члены общины получат такую же долю земледельческих продуктов, как и раньше. Но в виду того, что производительность труда кузнеца удвоилась, на исправление земледельческих орудий теперь расходуется не *две* доли земледельческих продуктов, а *одна*. Изменение в соотношении различных видов работы здесь очень простое, наглядное. Но оно становится загадочным, когда кузнец и землепашец не работают сообща, а сталкиваются друг с другом лишь при посредстве своих продуктов. Изменение производительности труда кузнеца представляется тогда изменением менового соотношения между продуктами кузнеца и другими продуктами, т.-е. изменением их стоимости.

Уже *Рикардо* установил, что величина стоимости товара определяется количеством труда, затраченного на его изготовление. Но он проглядел *общественный* характер труда, заключающийся в товаре, в его стоимости, т.-е. он не проник в фетишизм товара. Кроме того, он не разграничил ясно и отчетливо ту сторону труда, которая создает стоимость товара, от той стороны труда, которая создает потребительную стоимость товара. О фетишизме товара мы уже говорили. Рассмотрим теперь отмеченный Марксом двойственный характер содержащегося в товаре труда.

Мы видели, что товар имеет потребительную стоимость и меновую стоимость. Вещество товара дается природой. Стоимость его создается трудом; трудом же создается и его потребительная стоимость. Спрашивается: в каком случае труд создает стоимость и в каком случае он создает потребительную стоимость? С одной

[1]) «Капитал», т. I, стр. 5.

стороны, труд — производительная затрата человеческой рабочей силы вообще; с другой стороны, он является определенной человеческой деятельностью, направленной к достижению особой цели. В первом смысле труд однороден во всякой производительной деятельности человека; во втором смысле он в различных производительных деятельностях различен. Так, например, работа землепашца и работа кузнеца одинаковы в том отношении, что та и другая связаны с затратой человеческой рабочей силы, как таковой, но каждая из них различна по своей цели, приемам, предмету, средствам и результату.

Определенная, целесообразная человеческая деятельность создает *потребительную стоимость.* Их различие составляет основу товарного производства. Товары обмениваются лишь тогда, когда они различны; никто не станет менять пшеницы на пшеницу или кос на косы, а обменит пшеницу на косы. Потребительные стоимости становятся товарами только тогда, когда в них заключается *качественно различный* полезный труд.

Как стоимости все товары различаются не качественно, а *количественно.* Они обмениваются потому, что различны их потребительные стоимости; при обмене их сравнивают и устанавливают между ними известное соотношение, потому что они одинаковы как стоимости. Труд создает стоимость не как определенная, целесообразная и качественно-отличающаяся от других деятельность, а только как однородная во всех отраслях производства затрата человеческой рабочей силы вообще. Воплощая в себе затраты рабочей силы вообще, различные виды труда, подобно стоимостям, различаются не качественно, а количественно. Это значит, что по отношению к образованию стоимости каждый труд рассматривается, как *простой, средний труд,* как расходование простой рабочей силы, которой в среднем располагает организм всякого человека. Сложный труд считается в этом смысле только умноженным простым трудом. Следовательно, меньшее количество сложного труда приравнивается к большому количеству простого труда. В соответствии с характером товарного производства процесс, устанавливающий соотношение различных видов труда, путем сведения каждого из них к простому труду, имеет общественный, но вместе с тем бессознательный характер. Не осознавшим фетишизма товаров кажется, что различные виды сложного труда сводятся к умноженному простому труду не в силу *общественных,* а в силу *естественных* причин. Мелкобуржуазные социалисты, стремясь раз навсегда установить стоимость товара и тем самым «очистить от шлака» и увековечить товарное производство, пытались на основании этих мнимых естественных условий определить, в какой мере каждый вид труда создает стоимость (сравни нормальный рабочий день Родбертуса). В действительности же здесь действуют общественные причины, которые меняются беспрерывно.

Нет понятия, по поводу которого было бы высказано так много ошибочных взглядов, как по поводу стоимости. Некоторые из них опроверг сам Маркс.

Одна ошибка совершается в особенности часто как сторонниками, так и противниками учения Маркса; мы имеем в виду смешение стоимости с богатством. Очень многие приписывают Марксу изречение: «Труд — источник богатства». Из предъидущих рассуждений ясно вытекает, что это изречение находится в прямом противоречии с основами учения Маркса и коренится в товарном фетишизме. *Стоимость*, это — историческое понятие, относящееся только к периоду товарного производства; стоимость, это — общественное отношение. Напротив, *богатство* есть нечто состоящее из вещей, — из потребительных стоимостей. Богатство создается при всех способах производства; существуют богатства, доставляемые одною только природою и не содержащие никакого труда; но нет богатства, которое было бы создано исключительно человеческим трудом. «Труд, — говорит Маркс, — не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, материального богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Вильям Петти, а земля — его мать» [1]).

С ростом производительности труда увеличивается, при прочих равных условиях, материальное богатство страны, и наоборот, с ее понижением оно уменьшается. Но сумма наличных стоимостей может в том и другом случае остаться прежней, если только не изменилось количество затраченного на них труда. Хороший урожай увеличивает богатство страны, но сумма товарных стоимостей, которые воплощены в этом урожае, может быть такая же, как и в предыдущем году, если количество затраченного при этом общественно-необходимого труда не изменилось.

Но если Маркс не говорил, что труд — единственный источник богатства, если это изречение основано на смешении потребительной стоимости и товарной стоимости, то отпадают и те выводы, которые делают из этого изречения, ссылаясь на Маркса. Теперь ясно, как неправы противники Маркса, упрекающие его в том, что он проглядел роль природы в производстве. Зато эти противники действительно проглядели кое-что, а именно — различие между веществом товара и теми общественными отношениями, которые оно выражает. «До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещественная видимость общественных определений труда, смущает некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор их относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, потраченный на производство вещи, то, само собой

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 10.

разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе» [1]).

Отсюда видно, что Маркс вовсе не «проглядел» роли природы в производстве потребительных стоимостей. Если он не принял ее во внимание при определении стоимости товара, то не вследствие забывчивости, а потому, что он имел в виду общественный характер товарного производства, игнорируемый теми экономистами, которые выводят законы об обществе из состояния безобщественности, из действий изолированного человека.

Другая довольно широко распространенная ошибка, в которую впадают при рассмотрении теории стоимости Маркса, заключается в смешении *силы* труда, созидающей стоимость, со стоимостью *рабочей силы*. Оба эти понятия необходимо строго различать. Труд, как источник стоимости, так же не имеет стоимости, как тяжесть не имеет веса, а тепло температуры. До сих пор мы говорили только о такой стоимости, которую *создает* простой или сложный труд, а не о той стоимости, которую имеет рабочая сила, и которая выражается в плате рабочему, носителю рабочей силы. До сих пор мы рассматривали только простое товарное производство и простой товарообмен. Рабочей силы, как товара, мы пока не принимали в расчет. На человеческой рабочей силе и ее стоимости мы остановимся подробнее впоследствии, а пока ограничимся приведенными краткими замечаниями, имеющими целью предупредить недоразумения.

Большинство возражений против теории стоимости Маркса проистекает из подобных же ошибочных взглядов, но нередко противники Маркса оспаривают положения, которых он никогда не выставлял, или высказывают необоснованные предположения, как, например, пресловутый упрек Марксу в догматизме.

Во избежание таких ошибочных взглядов нельзя забывать, что закон стоимости — научный закон.

Каждый естественно-научный или общественный закон представляет попытку объяснить явления, происходящие в природе или обществе. Но едва ли хоть одно из этих явлений обусловливается одной причиной. Самые разнообразные и самые сложные причины лежат в основе тех или иных явлений, и самые явления не обособлены, а перекрещиваются друг с другом в различных направлениях. Перед изучающим явления природы или общества стоит поэтому двоякая задача. Во-первых, он должен отделить, изолировать друг от друга отдельные явления; во-вторых, он должен разграничить причины, лежащие в основе этих явлений, отделив существенные от несущественных, постоянные от случайных. Оба вида исследования возможны только путем абстракции. Естествоиспытателю приходят здесь на помощь ряд бесконечно усовершенствованных приборов и методов наблюдения и опыта. Изучаю-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 50.

щий же общественные законы не может производить опытов, а другие средства научного познания, имеющиеся в его распоряжении, крайне несовершенны.

Итак, путем абстракции исследователь открывает закон, лежащий в основе изучаемых им явлений; не зная этого закона, он не может объяснить интересующих его явлений. Но этого мало: одна из причин может быть ослаблена или совершенно уничтожена действием другой; однако, было бы совершенно неправильно сделать отсюда вывод, что данная причина вообще не существует. Так, например, закон падения тел обнаруживается ясно только в безвоздушном пространстве, где, скажем, кусок олова и перо будут падать с одинаковой скоростью. В наполненном же воздухом пространстве результат получится иной вследствие сопротивления воздуха. Однако, это нисколько не опровергает закона падения тел.

То же самое происходит и со стоимостью. С тех пор, как товарное производство стало господствующей формой производства, те, которые знакомы с производством, не могли не заметить закономерности товарных цен. Изучение товарных цен привело к определению величины стоимости. Но подобно тому, как сила притяжения не является единственной причиной, обусловливающей падение тел, так и цена товара не определяется только его стоимостью. Как указывает Маркс, существуют товары, цены которых не только временно, но и постоянно стоят ниже их стоимости. Например, золото и бриллианты никогда не оплачивались по их полной стоимости. Так и рабочая сила, как товар, может, при известных обстоятельствах, в течение продолжительного времени оплачиваться ниже ее стоимости.

Маркс доказал, что в капиталистическом производстве под влиянием прибыли цены большинства товаров не только *могут*, но и *должны* стоять выше или ниже их стоимости. Тем не менее, и в этом производстве закон стоимости остается в силе; более того, указанные отклонения цен от стоимости товаров могут быть, в свою очередь, объяснены только с помощью закона стоимости. Мы не можем здесь вдаваться в подробности, ибо для этого необходимо знать законы капитала и прибыли, но впоследствии мы еще вернемся к этому вопросу.

Значительная часть возражений против теории стоимости Маркса покоится на смешении цены со стоимостью. Между тем оба понятия необходимо строго различать.

Но прежде всего, как уже было сказано выше, не следует подпадать под власть товарного фетишизма, т.-е. принимать общественные отношения, выраженные в товарном теле, за его природные свойства. Следует помнить, что товарное производство, это—вид общественного производства, при котором отдельные хозяйственные предприятия работают если не сообща, то один для другого, и что стоимость товаров — не отношение между *вещами*, а отно-

шение между *людьми,* скрытое под вещественной оболочкой товаров. Имея это в виду, не трудно будет понять основное положение Маркса, которое гласит: «Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда или количеством рабочего времени, общественно-необходимого для ее изготовления» [1]).

3. Меновая стоимость.

Мы уже говорили, что величина стоимости товара определяется рабочим временем, общественно-необходимым для его производства. Но она выражается иначе. Не говорят: «этот сюртук стоит 40 рабочих часов», а примерно: «он стоит столько же, сколько стоят 20 метров холста или 10 грамм золота».

Сюртук, рассматриваемый сам по себе, не есть товар; он становится таковым только тогда, когда его предназначают для обмена. Поэтому стоимость товара обнаруживается лишь тогда, когда его сравнивают с другим товаром, а именно с тем, на который его собираются обменять. Величина стоимости товара *определяется* количеством общественно-необходимого для его изготовления труда; но она *выражается* посредством отношения к величине стоимости или к величинам стоимости одного или нескольких других товаров, т.-е. посредством *менового отношения.* Буржуазная же экономия нередко утверждает, что меновое отношение товаров определяет величину их стоимости.

Поясним примером бессмысленность этого взгляда. Возьмем голову сахара: она имеет известный вес, но мы можем выразить его только путем сравнения с весом другого тела, например, железа. С этой целью мы кладем на одну чашку весов голову сахара, а на другую соответственное количество кусков железа, имеющих каждый определенный вес, например, 1 килограмм. Число кусков железа укажет нам вес сахара; но было бы неправильно думать, что сахар весит 10 клгр. потому, что на другую чашку весов мы положим 10 гирь весом в 1 клгр. каждая. Наоборот, мы должны были положить на весы столько гирь потому, что сахар весит 10 клгр. Тут ясно видно, о чем идет речь. Точно так же обстоит дело с *величиной* стоимости и *формой* стоимости.

Выражение веса тела представляет некоторое сходство с выражением стоимости товара, т.-е. той формой, в которой мы выражаем величину его стоимости. Когда мы говорим, что вес головы сахара составляет 10 клгр., то это значит, собственно говоря, что голова сахара имеет такой же вес, как 10 определенных кусков железа; таким же образом мы можем сказать о сюртуке, что он стоит, например, столько же, сколько стоят 20 метров холста.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 6.

Мы не могли бы установить между сахаром и железом, как телами, определенного отношения, если бы они не обладали общим *природным* свойством — тяжестью; точно так же мы не могли бы установить отношения между сюртуком и холстом, как товарами, если бы они не обладали одинаковым общественным свойством — тем, что они — продукты человеческого труда вообще, т.-е. стоимости. В равенстве «1 голова сахара весит столько же, сколько 10 клгр. железа» железо и сахар имеют два различных значения. Сахар выступает здесь в роли сахара, но железо не в роли железа, а как овеществление тяжести, как форма ее проявления. В этом равенстве мы принимаем в расчет особые вещественные свойства сахара и не принимаем с расчет вещественные свойства железа.

То же самое имеет место в равенстве «сюртук = 20 метрам холста». Оба, сюртук и холст — суть товары, следовательно, потребительные стоимости и стоимости. Но в приведенной *форме стоимости* только сюртук фигурирует *в меновом отношении как* потребительная стоимость, холст же только как форма проявления стоимости.

Мы можем определить вес сахара не только с помощью железных, но и медных, свинцовых и других гирь. Точно так же мы можем выразить стоимость сюртука не только в холсте, но и в любом другом товаре. В равенстве «1 сюртук = 20 метрам холста» мы совершенно не обращаем внимания на особую *природную форму* холста; как уже было сказано, холст фигурирует здесь только как стоимость, как воплощение человеческого труда вообще; здесь холст — форма проявления *стоимости* сюртука, а сюртук — *вещь*. Присущая сюртуку, как и всякому другому товару, двоякая стоимость — потребительная и товарная — отражается также на выражении его стоимости, в котором вещественная форма сюртука, как тела, проявляется только в виде *потребительной стоимости,* а вещественная форма холста, как товара, только в виде *товарной стоимости,* в виде формы стоимости.

Однако, потребительная стоимость одного товара (Маркс называет его эквивалентом) [1]) выражает стоимость другого товара только в том случае, если оба товара различны. Равенство «1 сюртук = 1 сюртуку» бессмысленно.

Но мы можем выразить стоимость сюртука не только в холсте, но и в любом другом, неодинаковом с ним товаре. И наоборот, мы можем выразить стоимость холста, как и всякого другого товара, в сюртуках. Мы можем составить такое равенство:

1 сюртук = { 20 метрам холста; 10 клгр. чаю; 40 клгр. кофе; 250 клгр. железа; ½ гектолитра пшеницы и т. д.

[1]) От латинских слов «aequus» — «равный» и «valere» — «стоить».

Но мы можем также перевернуть равенство и сказать:

20 метров полотна
10 клгр. чаю
40 клгр. кофе
250 клгр. железа
½ гектолитра пшеницы и т. д. } = 1 сюртуку.

Оба равенства как будто выражают одно и то же; действительно, как *математические* равенства они равнозначущи; но как различные формы выражения стоимости они с логической и исторической точек зрения неодинаковы.

На первых порах товарного производства продукты обменивались изредка и случайно. Этот период можно назвать периодом простого уравнения стоимостей; какой-либо товар ставился тогда в известное отношение только к *одному* другому товару, например, «1 бронзовый молот = 2 мешкам соли». Эту форму Маркс называет *простой или единичной формой стоимости*. Но, когда известный продукт труда, например, скот, обменивается на другие продукты труда не случайно, а *регулярно*, то выражение стоимости принимает форму первого из двух вышеприведенных равенств, например:

1 корова = { 2 плащам
1 мечу
1 поясу
10 парам обуви
3 губкам и т. д.

Эту форму стоимости, примеры которой мы находим еще у Гомера, Маркс называет *полной или развернутой формой стоимости*.

Но товарное производство развивалось еще дальше. Увеличивалось число продуктов труда, которые производились с целью обмена, т.-е. как товары, и регулярный обмен стал распространяться на все большее количество разнообразных товаров. Начали обменивать регулярно не только скот, но и мечи, пояса, кубки и т. д. Наиболее ходкий из этих товаров, как, например, скот, делался тем товаром, в котором чаще всего выражались стоимости товаров, а в конце концов даже единственным товаром, выражавшим стоимость остальных товаров. С этого момента начинает действовать вторая из вышеприведенных формул равенства—*всеобщая форма стоимости*.

Рассмотрим теперь внимательнее эквивалентную форму равенства. Как мы уже видели выше, эквивалентная форма представляется как овеществление человеческого труда вообще. Но в прежних примерах она выражалась в известном товаре лишь случайно и преходяще. Так, в равенстве «один сюртук = = 20 метрам холста» холст является только формой проявления стоимости. Но в равенстве «20 метров холста = 1 гектолитру пшеницы» или «20 метров холста = 1 сюртуку» пшеница и сюр-

тук овеществляют человеческий труд вообще, а холст фигурирует уже как потребительная стоимость. Иначе обстоит дело при всеобщей форме стоимости, когда эквивалентом служит *один только* товар, являющийся всеобщим эквивалентом. Он, как и все другие товары, имеет как потребительную, так и товарную стоимость. Но по отношению к нему все другие товары представляют теперь, очевидно, потребительные стоимости, он же сам служит *всеобщей и единственной формой* проявления стоимости, единым *общественным* овеществлением человеческого труда вообще. Он — товар, который *непосредственно* обменивается на все другие товары, и поэтому всякий его принимает. Все же другие товары теряют благодаря этому способность и возможность непосредственно обмениваться друг на друга. Всякий обмен двух товаров может совершиться только при посредстве *всеобщего эквивалента,* в котором, как в зеркале, отражаются все другие товарные стоимости.

4. Товарообмен.

Для товарообмена необходимы два условия: 1) обмениваемые товары должны быть потребительными стоимостями для тех, которым они *не принадлежат,* и не *должны быть потребительными стоимостями* для тех, которым они *принадлежат.* 2) Лица, обменивающие товары, должны признавать друг друга частными собственниками обмениваемых товаров. *Правовые отношения* частной собственности являются при обмене лишь отражением *волевых отношений,* обусловленных *экономическими отношениями.* Люди не начали обмениваться товарами, потому что они признавали друг друга частными собственниками отчуждаемых вещей; напротив, они стали признавать друг друга частными собственниками потому, что им пришлось обмениваться товарами. Первоначальная форма, при которой продукт труда перестает быть потребительной стоимостью для его владельца, следовательно, первичная форма товара, это *излишек* продуктов труда, превышающий потребности их владельцев. Эти продукты производятся сперва не для обмена, а для собственного потребления. Они становятся товарами только при обмене.

Что касается взаимного признания владельцами отчуждаемых продуктов того, что они являются их частными собственниками, то такое признание возможно лишь там, где вступают между собой в общение независимые друг от друга лица. «Однако, такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно-выросшей общины, будет ли это патриархальная семья, древне-индийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров возникает там, где оканчивается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары для внешних отношений, такое же

превращение совершается путем обратного действия и для внутренней жизни самой общины» [1]).

При зарождении обмена величина и форма стоимостей были еще слабо развиты и продукты обменивались сперва в случайных и очень неустойчивых количественных отношениях. Но постепенно обмен продуктов становится более регулярным общественным процессом. Люди начинают не только обмениваться излишками потребительных стоимостей, превышающих их собственные потребности, но и производить потребительные стоимости специально для обмена. Этим самым то отношение, в котором товары обмениваются, делается все более и более зависящим от условий их производства. *Стоимость товара становится* величиной, которая определяется необходимым для его производства рабочим временем.

Но поскольку продукты труда производились исключительно с целью обмена, обнаруживалась скрытая в природе товара двойственность, т.-е. его потребительная стоимость и стоимость.

Эта присущая каждому товару двойственность находит, как мы знаем, свое выражение в форме стоимости. В формуле «20 метров холста = 1 сюртуку» холст представляет потребительную стоимость (холст) и стоимость (равен сюртуку). В простой форме стоимости трудно выразить эту двойственность, т.-е. товар, который служит здесь эквивалентом, овеществлением человеческого труда вообще, выполняет эту роль лишь временно, случайно. В развитой же форме стоимости эта двойственность обнаруживается уже яснее, так как теперь эквивалентом могут служить и действительно служат многие товары, потому что они обладают общим свойством: они продукты труда или стоимости.

Но чем сильнее развивается товарообмен, тем больше продуктов труда становятся товарами, тем настоятельнее возникает потребность в *общем* эквиваленте. В начальной стадии обмена каждый обменивает то, что ему не нужно, непосредственно на то, в чем он нуждается. Однако, это становится все затруднительнее по мере того, как товарное производство начинает приобретать всеобщую форму общественного производства. Допустим, например, что товарное производство развито настолько, что портняжное, булочное, мясное и столярное производства составляют самостоятельные промыслы. Портной желает продать костюм столяру. Для портного костюм не имеет потребительной стоимости, для столяра — он ее имеет.

Но портной не нуждается в предметах столярного производства, так как мебели у него достаточно. Стулья и столы для столяра не имеют потребительной стоимости, а в данном случае и для портного. С другой стороны, портной нуждается в хлебе и мясе, ибо прошло то время, когда он дома выпекал хлеб и откармливал

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 55.

свиней. Говядина и хлеб, необходимые портному, для мясника и булочника не имеют потребительной стоимости, но в данный момент они не нуждаются в сюртуке; следовательно, портному грозит опасность умереть с голода, несмотря на то, что есть лицо, желающее приобрести у него сюртук. Он нуждается в таком товаре, который служил бы всеобщим эквивалентом, который, как непосредственное воплощение стоимости, имел бы для каждого потребительную стоимость.

Развитие обмена, вызывающее необходимость в таком эквиваленте, в то же самое время способствует созданию этого эквивалента. Поскольку владельцы различных товаров обмениваются различными товарами, многие из этих товаров сравниваются с одним общим товаром, общим для них эквивалентом. На первых порах этот товар служил общим эквивалентом временно. Когда же возникла потребность в том, чтобы какой-либо определенный товар постоянно служил всеобщим эквивалентом, связь между формой эквивалента и этим товаром стала более прочной. Какой род товара приобретал форму всеобщего эквивалента, это зависело от различных обстоятельств. В конце концов монополию служить всеобщим эквивалентом закрепили за собой благородные металлы; они стали *деньгами*. Отчасти это объяснялось тем, что как украшения и как материал для них, они были важным предметом обмена. Но решающее значение имело то обстоятельство, что природные свойства золота и серебра отвечали общественным функциям (отправлениям) общего эквивалента. Укажем здесь на две их особенности: 1) благородные металлы обладают постоянными качествами и не изменяются под влиянием воздуха и воды; следовательно, на практике неизменяемы; 2) их по желанию можно делить и вновь соединять. Поэтому они особенно пригодны для воплощения безличного общечеловеческого труда, для обозначения величин стоимостей, которые ведь различаются только количественно, а не качественно.

Золото и серебро получили монополию служить всеобщим эквивалентом только потому, что они были по отношению к другим товарам тоже *товарами*. Они стали деньгами потому, что они были *товарами*. Деньги — не изобретение одного или нескольких людей и не простой знак стоимости. Стоимость денег и их определенные общественные функции не являются чем-то производным. Благородные металлы стали денежным товаром благодаря той роли, которую они играли как товар в процессе обмена.

ГЛАВА II.

ДЕНЬГИ.

1. Цена.

Главная функция денег состоит в том, что они служат *мерой стоимости,* доставляют товарному миру материал для выражения стоимостей.

Не деньги делают товары однородными и соизмеримыми, а наоборот: именно потому, что товары, *как стоимости,* представляют овеществленный человеческий труд, они могут соизмеряться одним и тем же определенным товаром, превращающимся таким образом *в общую меру стоимостей,* т.-е. в деньги. Деньги, как мера стоимости, являются лишь необходимой формой проявления присущей товарам меры стоимости, *рабочего времени*[1]). Выражение стоимости товара в денежном товаре есть денежная форма товара или его цена. Например, один сюртук = 10 граммам золота.

---

[1]) По поводу этого положения Маркс делает следующее интересное замечание об утопии, еще до сих пор гнездящейся в умах многих экономистов: «Вопрос, — говорит он, — почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени — почему, например, банкнота не представляет двух рабочих часов — сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже предполагает необходимость раздвоения их на товары и денежный товар. Таков же вопрос, почему частный труд не может рассматриваться, как непосредственно общественный труд, т.-е. как его противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм таких проектов, как «рабочие деньги» на основе товарного производства («К критике политической экономии», 1859, стр. 61 немецкого издания. Это место перепечатано в немецком издании «Нищеты философии» Маркса, 1892, стр. 165). Здесь отмечу только, что, например, «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т.-е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на потребление общего продукта. Но Оуэну и в голову не приходило оставаться на почве товарного производства и в то же время стремиться к устранению его необходимых условий при помощи денежных фокусов» («Капитал», т. I, стр. 62, примеч. 50).

Цена товара есть нечто отличное от его природных свойств. Она не воспринимается ни зрением, ни осязанием. Хранителю товара приходится поэтому объявлять покупателям цену. Но для того, *чтобы выразить* стоимость товара в денежном товаре, т.-е. чтобы *определить* его цену, вовсе не нужны реальные деньги. Портному не надо иметь золота в кармане, чтобы объявить покупателю, что цена сюртука, который он продает, составляет 10 гр. золота. Следовательно, деньги функционируют как мера стоимостей только в виде *мысленно* представляемой величины.

Тем не менее, цены товаров всецело зависят от реального денежного товара. Портной может продать сюртук — мы оставляем здесь в стороне возможные побочные неблагоприятные обстоятельства — лишь в том случае за десять гр. золота, если в этом количестве золота действительно содержится столько общественно-необходимого труда, сколько в сюртуке. Если же портной исчислил стоимость сюртука не в золоте, а в серебре или меди, то в этом случае цена получит другое выражение.

Когда два различных товара, например, золото и серебро, одновременно служат мерой стоимости, то стоимость всех товаров получает два различных выражения: золотые цены и серебряные цены. Но всякое изменение соотношения между стоимостями золота и серебра влечет за собой колебание цен. Двойная мера стоимости в сущности противоречит функции денег, как меры стоимости. Там, где по закону масштабом цен должны служить два товара, в действительности эту роль выполняет только один из них.

Золото и серебро еще в настоящее время функционируют как два законных масштаба цен в некоторых государствах. Но опыт доказал нелепость этой законодательной меры.

Стоимости золота и серебра, как и всякого товара, подвержены постоянным колебаниям; если закон допускает, чтобы оба они функционировали на равных основаниях, если разрешается платить по желанию одним или другим металлом, то платят тем из них, стоимость которого ниже; тот же, стоимость которого выше, увозят за границу, где он может быть продан более выгодно.

Итак, в тех странах, в которых узаконен биметаллизм, фактически служит масштабом стоимостей только один из денежных товаров, и именно тот, стоимость которого понижается; другой же денежный товар, стоимость которого повышается, оценивается, как и все остальные товары, в другом металле (цена которого выше стоимости) и функционирует как *товар,* а не как *масштаб стоимостей*. Чем больше изменений происходит в стоимостях золота и серебра, тем яснее обнаруживается несостоятельность биметаллизма [1]).

---

[1]) Защита биметаллизма, которая была еще очень сильна в последних десятилетиях прошлого века, потеряла теперь всякие шансы на успех и совершенно заглохла. Одна страна за другой переходит к золотой валюте; так, например, в последнее время она введена в Австрии (1892),

Ради упрощения вопроса Маркс в «Капитале» исходит из близкого к действительности предположения, что золото — единственный денежный товар в современных капиталистических странах [1]).

Цена каждого товара выражается в определенном количестве золота. Путем сопоставления различных количеств золота, представляющих цены разнообразных товаров, устанавливается масштаб цен. Естественным масштабом металлов является их вес. Поэтому весовые названия металлов (фунт, ливр — во Франции, талант — в древней Греции, ас — у римлян и т. д.) были первоначальными наименованиями единиц масштаба цен.

Итак, на-ряду с функцией меры стоимостей, деньги выполняют еще функцию масштаба цен. Как мера стоимостей, деньги превращают стоимости товаров в определенные, мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен, деньги измеряют различные количества золота, определенный вес которого принимается за единицу — например, 1 фунт золота.

Различие между мерой стоимостей и масштабом цен станет ясным, если мы предположим, что стоимость золота колеблется.

Допустим, что единица *масштаба цен* равна 10 граммам золота. Какова бы ни была стоимость золота, 20 гр. золота будут всегда стоить в два раза больше, чем 10 гр. Следовательно, падение или повышение стоимости золота не оказывает влияния на масштаб цен.

Возьмем теперь золото, как меру *стоимостей*. Стоимость 1 сюртука равна, скажем, 10 граммам золота. Но допустим, что стоимость золота понизилась, — так как теперь в одно и то же общественно-необходимое рабочее время добывается в два раза больше золота, чем раньше,—а производительность труда портного не изменилась. Что произойдет тогда? Цена сюртука повысится, разумеется, до 20 гр. золота. Таким образом, изменение стоимости золота ясно отражается на функции его, как меры стоимостей.

Японии (1897), России (1898), Соединенных Штатах (1900). В Англии она существует еще с конца 18-го столетия, в Германии, как известно, с 1871 г., в Голландии с 1877 г. В Бельгии, Франции, Швейцарии она существует фактически, номинально же в этих странах сохранилась двойная валюта.

Британские и Голландские колонии также перешли на золотую валюту. Наибольшую выгоду от перехода Германии на двойную валюту извлекли бы те, которые, получив ссуды во время господства золотой валюты, могли бы погасить их затем серебром. Большинство долгосрочных ссуд, это — гипотечные ссуды. Поэтому в переходе на двойную валюту заинтересованы главным образом аграрии.

[1]) Стоимость денежного запаса в благородных металлах (монеты и слитки) в капиталистических государствах составляла в 1831 г.: золота— 2.232.000.000 марок, серебра — 8.280.000.000 марок; в 1880 г.: золота — 13.170.000.000 марок, серебра — 8.406.000.000 марок.

С 1880 — 1908 г.г. во всем мире было отчеканено золотых монет на 30 миллиардов марок, а серебряных монет свыше чем на 20 миллиардов марок. Таким образом золото является в настоящее время значительно преобладающим денежным товаром.

Масштаб цен, как и масштаб, например, длины, может быть установлен произвольно. Но этот масштаб нуждается в общем признании. Сперва масштабом цен служили общеупотребительные названия весовых единиц и их подразделений, а позднее он стал фиксироваться *законодательным путем*. Различные весовые доли благородных металлов были окрещены официальными именами, не совпадавшими с их весовыми названиями. Так, мы не говорим: «одна семидесятая часть фунта золота», а говорим: «двадцатимарковая монета». Цена выражается теперь не в *весовых количествах золота*, а в установленных законом *счетных названиях*.

Следовательно, цена есть величина стоимости товара, выраженная в деньгах; но в то же самое время она выявляет меновое отношение товара к денежному товару, к деньгам. Стоимость товара обнаруживается не сама по себе, изолированно, а только в меновом отношении к другому товару. Но на это отношение могут влиять, помимо величины стоимости, еще и другие условия. Тем самым дана возможность отклонения цены товара от величины его стоимости.

Если портной говорит, что цена изготовленного им для продажи сюртука составляет 10 гр. золота, то это значит, что он в любой момент отдаст сюртук за 10 гр. золота. Но с его стороны было бы очень неосторожно утверждать, что каждый охотно уплатит ему за сюртук 10 гр. золота. Конечно, обмен сюртука на золото неизбежен, поскольку сюртук является товаром. Товар стремится к золоту, и цена товара — страстные взгляды, атакующие блестящего щеголя. Но на товарном рынке дело обстоит не так, как в романах. На некоторые продукты ищущее себе подруги золото не обращает никакого внимания, и они влачат безрадостную жизнь залежалых товаров.

Рассмотрим теперь ближе погоню товара за золотом.

2. Продажа и купля.

Последуем за нашим портным на рынок. Изготовленный им сюртук он продает и получает взамен 30 рублей. На эти деньги он покупает бочонок вина. Мы имеем здесь дело с двумя противоположными превращениями: сперва с превращением товара в деньги, а затем с обратным превращением денег в товар. Но товар, оказавшийся в руках портного в конце сделки, не тот, что первоначальный товар. Первый (сюртук) не имел для его владельца потребительной стоимости, последний (вино) имеет для него потребительную стоимость. Первый был ему полезен, как *стоимость*, как *продукт абстрактного человеческого труда*, как возможность обменять его на другой продукт абстрактного человеческого труда, на золото. Второй — вино — полезен ему своими *вещественными* свойствами, как продукт не абстрактного, а конкретного труда, труда винодела. Таким образом, формула простого

обращения товаров гласит: «товар — деньги — товар»; это значит: продавать, чтобы покупать.

Из этих двух превращений — «товар — деньги» и «деньги — товар» — первое, как известно, самое сложное. Купить товар, когда имеются деньги, менее затруднительно, чем продать товар и выручить за него деньги. А деньги при господстве товарного производства необходимы каждому товаровладельцу, ибо чем больше развито общественное разделение труда, тем одностороннее труд человека и тем разностороннее его потребности.

«Отчаянный прыжок (salto-mortale) товара», его превращение в деньги происходит только в том случае, если он — потребительная стоимость, если он служит удовлетворению какой-либо потребности. И только после того как товару действительно удается превратиться в деньги, возникает вопрос: в какое количество денег?

Впрочем, на этом вопросе мы здесь не будем останавливаться. Мы его рассмотрим при исследовании законов образования цены. Пока нас интересует форма превращения «товар — деньги», независимо от того, увеличивается или уменьшается при этом величина стоимости товара.

Предположим, что портной продал свой сюртук земледельцу. То, что с точки зрения портного является продажей, с точки зрения земледельца является куплей, ибо каждая продажа есть вместе с тем купля, — и наоборот.

Но откуда взял деньги земледелец? Он получил их, скажем, за свое зерно. Если мы проследим тот путь, который совершил денежный товар, золото, покинув рудник и переходя затем от одного товаровладельца к другому, то мы увидим, что каждая перемена им владельца была результатом продажи.

Превращение «сюртук — деньги» является членом не одного, а двух рядов превращений. Первый ряд гласит: «сюртук—деньги—вино»; второй ряд гласит: «зерно — деньги — сюртук». Начало первого ряда превращения (сюртук) является вместе с тем и концом второго ряда превращения.

Допустим, что винодел купил на те 30 рублей, которые он получил за вино, котел и уголь. В этом случае превращение «деньги — вино» будет последним членом ряда «сюртук—деньги—вино» и первым членом двух других рядов: «вино—деньги—уголь» и «вино — деньги — котел».

Каждый из этих рядов превращения составляет кругооборот «товар — деньги — товар». Следовательно, начинается с товарной формы и кончается товарной формой. Но кругооборот одного товара сплетается с кругооборотом других товаров. Весь процесс этих бесчисленных, сплетающихся между собой кругооборотов представляет в целом *товарное обращение*.

Товарное обращение существенно отличается от непосредственного обмена продуктами, от простой меновой торговли. Последняя возникла вследствие превышения производительными

силами потребностей первобытной коммунистической общины. Благодаря обмену продуктами система общественного труда вышла за пределы общины. Это повело к тому, что различные общины и члены различных общин стали работать друг для друга. Но простой обмен продуктами, в свою очередь, препятствовал развитию производительных сил, и это препятствие было устранено товарным обращением.

Простой обмен продуктами требует, чтобы тот, кто отчуждает свои продукты, в то же самое время приобрел продукты от того, кому он их отчуждает. Это ограничение устраняется при товарном обращении. Правда, каждая продажа является одновременно и куплей. Так, если портной продал сюртук, то кто-то другой его купил. Но, во-первых, портной совершенно не обязан тотчас же израсходовать своих денег. Он может положить деньги в ящик, где они будут лежать до тех пор, пока ему снова не захочется приобрести ту или иную вещь. Во-вторых, никто и ничто не заставляет его купить что-либо у земледельца, которому он продал сюртук, или на том самом рынке, на котором он его продал.

Следовательно, при товарном обращении отпадают те ограничения в отношении времени, места и лиц, которые присущи меновой торговле.

Но существует еще одно различие между меновой торговлей и товарным обращением. Простой обмен продуктами заключается в отчуждении *излишков,* причем способы производства первобытного коммунизма, непосредственно контролируемые его участниками, на первых порах не подвергаются изменению.

Напротив, с развитием товарного обращения производственные отношения усложняются и становятся менее доступными для надзора и контроля. Отдельные производители перестают зависеть друг от друга, но зато усиливается их зависимость от общественных условий, учесть которых они, однако, не в состоянии.

Поэтому общественные силы уподобляются слепо действующим силам природы, и, когда нарушается их равновесие, возникают катастрофы не менее ужасные, чем ураганы и землетрясения.

Зародыши таких катастроф развиваются на почве товарного обращения. Самая *возможность* продавать, ничего затем не покупая, служит источником товарных застоев, кризисов сбыта. Но для того, чтобы эта возможность могла стать *действительностью,* производительные силы должны выйти за пределы простого товарного обращения.

3. Денежное обращение.

Вспомним вышеуказанный товарный кругооборот: «зерно — деньги — сюртук — деньги — вино — деньги — уголь». Этот процесс сообщает движение и деньгам, но их движение является круго-

вым. Деньги, исходившие от землепашца, постепенно удалялись от него все дальше и дальше. «Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их *обращение*» [1]).

Денежное обращение есть *результат* кругооборота товаров, а не его *причина*, как это думают многие. Товар, как потребительная стоимость, выпадает (при простом товарном обращении, где о профессиональной торговле и перепродаже не может быть речи, это происходит уже в самом начале) из сферы обращения и переходит в сферу потребления, и его место в кругообороте заступает новая потребительная, но равная ему товарная стоимость. В кругообороте «зерно — деньги — сюртук» зерно исчезает из обращения уже после первой стадии «зерно — деньги», и к продавцу зерна переходит равная стоимость, но другая потребительная стоимость: «деньги — сюртук».

Деньги, как средство обращения, не выпадают из сферы обращения, а постоянно рыщут в ней.

Отсюда возникает вопрос: сколько денег может поглотить товарное обращение?

Мы знаем, что каждый товар, еще до того, как он соприкасается с реальными деньгами, приравнивается к определенному количеству денег, называемому его ценой. Поэтому, если известна стоимость золота, то можно вычислить цену каждого товара и сумму цен всех товаров. Сумма же цен всех товаров представляет определенную идеальную (воображаемую) сумму золота. Но для того, чтобы товары обращались, идеальная сумма золота должна превратиться в реальную (действительную); таким образом масса обращающегося золота определяется суммой цен обращающихся товаров. (Необходимо иметь в виду, что пока мы говорим только о простом товарном обращении, которому кредитные деньги, взаимные погашения счетов и т. п. еще неизвестны).

Эта сумма цен колеблется, при неизменности самих цен, вместе с массой обращающихся товаров, а при неизменности массы товаров, вместе с их ценами — независимо от того, вызвано ли это колебание изменением рыночных цен или же изменением стоимости золота или товаров, всех или только некоторых.

Но отдельные продажи товаров не всегда изолированы друг от друга, а также не всегда происходят *одновременно*.

Вернемся к нашему прежнему примеру. Мы имеем следующий ряд превращений: «5 гектолитров зерна—30 марок—1 сюртук—30 марок — 40 литров вина — 30 марок — 20 центнеров угля — 30 марок». Сумма цен этих товаров составляет 120 марок, но для всех четырех продаж достаточно 30 марок, которые четыре раза меняют свое место, совершая четыре последовательных оборота.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 82.

Допустим, что все четыре продажи произошли в течение одного дня; тогда денежная масса, обращавшаяся в течение одного дня в известном месте, составит $^{120}/_{4}$ 30 марок; следовательно, общая формула денежного обращения гласит:

$$\frac{\text{сумма цен всех товаров}}{\text{число денежных оборотов}} = \text{денежной массе, функционирующей в качестве средства обращения в течение определенного промежутка времени.}$$

Время обращения отдельных денежных единиц в стране, разумеется, неодинаково; одни лежат в сундуке годами, другие делают в течение одного дня, может быть, тридцать оборотов. Но средняя скорость денежного обращения представляет все-таки определенную величину.

Скорость обращения денег зависит от скорости товарного кругооборота. Чем скорее выпадают товары из обращения, т.-е., чем скорее они потребляются и заменяются новыми, тем скорее обращаются деньги. И наоборот: чем медленнее кругооборот товаров, тем медленнее обращение денег, тем меньше их видно. Поверхностные люди думают, что здесь играет роль недостаток денег, который якобы и является причиной застоя товарного обращения. Правда, такой случай возможен, но при современных условиях он едва ли может иметь длительный характер.

4. Монета. Бумажные деньги.

Торговля терпела, разумеется, большие неудобства в связи с тем, что при каждой продаже и покупке приходилось проверять достоинство и вес каждого куска денежного металла. Это неудобство было затем устранено тем, что общепризнанное авторитетное учреждение стало гарантировать определенное достоинство и точный вес каждого куска металла. Таким образом возникла монета, которую государство чеканит из слитков различных металлов.

Форма монеты вытекает из той *функции,* которую выполняют деньги, как *средство обращения.* Но раз деньги приняли форму монеты, они начинают вести в пределах процесса обращения самостоятельное, независимое от *реального содержания монеты* существование. Государство удостоверяет, что такая-то монета содержит определенное количество золота или равна этому количеству золота, и при наличии известных условий этого достаточно, чтобы монета функционировала как средство обращения, заменяя собой реальное золото в обозначенном на ней количестве. Это называется, прежде всего, самим процессом обращения монеты. Чем дольше она в ходу, тем больше она стирается, тем больше отклоняется ее номинальное (обозначенное на ней) содержание от ее реального содержания; старая монета легковеснее той (одинакового

с ней достоинства), которая только-что выпущена монетным двором; тем не менее обе монеты, как средства обращения, представляют при известных обстоятельствах одинаковую стоимость.

Еще резче обнаруживается разница между номинальным и реальным содержанием металлических денег в разменной монете. Низшие металлы, например, медь, были первыми деньгами, и лишь впоследствии их вытеснили благородные металлы. Медь, а там, где введена золотая валюта, и серебро, перестали служить мерилом стоимостей, но медные и серебряные деньги продолжают еще функционировать, как средства обращения при незначительных сделках. Они соответствуют известным весовым количествам золота; стоимость разменной монеты изменяется вместе со стоимостью золота, но совершенно не зависит от колебания стоимости серебра и меди. Отсюда видно, что при известных условиях содержание металлических денег нисколько не отражается на достоинстве их, как монет, и государство может произвольно установить, какое количество золота представляет та или иная медная или серебряная монета. Дальнейшим шагом в этом направлении является замена металлических денег бумажными знаками, т.-е. приравнение ничего не стоющей бумажки к известному количеству золота.

Так возникли *государственные бумажные деньги;* их не следует, однако, смешивать с кредитными деньгами, происхождение которых совсем другое.

Бумажные деньги могут заменить золотые деньги только в качестве средства обращения, но не в качестве мерила стоимости, потому что они только *представляют* известное количество золота. На бумажные деньги, поскольку они являются средством обращения, распространяются те же законы, как и на металлические деньги, вместо которых они употребляются. Бумажные деньги не могут заменить большего количества золота чем то, которое способно поглотить товарное обращение.

Если последнее требует 100 миллионов рублей, а государство выпускает в обращение 200 миллионов рублей, то, напр., на 40 рублей бумажными знаками можно будет купить столько же, сколько на 20 рублей золотом. Выраженные в бумажных деньгах цены будут, таким образом, вдвое выше цен, указанных в золоте. Чрезмерный выпуск бумажных денег обесценивает их. Так в царской России огромный, не прекращавшийся в течение 50 лет выпуск бумажных денег привел к тому, что они все время стояли ниже своего металлического достоинства [1]). Самый разительный пример полного обесценения бумажных денег вследствие чрезмерных выпусков представляли ассигнации времен Великой Французской Революции, когда за 7 лет (1790 — 1797) было выпущено в обращение свыше 45581 миллионов франков.

---

[1]) До осуществления денежной реформы 1897 г. Ред.

5. Остальные функции денег.

Мы рассмотрели происхождение простого товарного обращения и выяснили, в связи с этим, значение денег, как *мерила стоимости* и как *средства обращения*. Но деньги выполняют еще ряд других функций.

Товарное обращение неизбежно вызывает настойчивое стремление к накоплению денежного товара, золота. Свойства денег соответствуют свойствам товарного производства: подобно тому, как последнее является формой *общественного производства*, которое находится в руках независимых друг от друга частных производителей, так и деньги представляют *общественную силу*, которая, однако, не принадлежит обществу в целом, а составляет *частную собственность*. Чем больше сумма денег, которой располагает человек, тем больше его общественная сила, тем больше благ, удовольствий и продуктов чужого труда имеется в его распоряжении. Золото всемогуще; оно единственный товар, который каждому нужен, который все охотно принимают. Поэтому, вместе с товарным обращением возникает и растет неудержимая тяга к золоту.

Но накопление золота становится, по мере развития товарного производства, не только потребностью, но и *необходимостью*. Чем больше продуктов превращается в товар, чем в меньшем количестве производятся они для собственного потребления, тем необходимее деньги. Чтобы существовать, каждый должен постоянно покупать, а чтобы покупать—должен продавать; но производство товаров связано с потерей времени, а продажа их зависит от различных случайностей. Для поддержания товарного производства и для приобретения средств существования самому производителю нужен запас денег. Деньги требуются и для выправления задержек в обращении товаров. Мы видели выше, что количество обращающихся денег зависит от цен товаров, количества последних и скорости их обращения. Каждый из этих факторов изменяется беспрерывно; обращающаяся денежная масса подвержена, поэтому, постоянным колебаниям. Откуда же берутся деньги, в которых деловые люди испытывают нужду, и куда деваются деньги, составляющие излишек?

Денежные сокровища, возникающие в различных местах, представляют резервуар для прилива и отлива денег; этим уравновешиваются препятствия, нарушающие правильное течение товарного обращения.

На первых порах товарного обращения непосредственно обмениваются, как и при простом обмене, два товара, с тем лишь различием, что один из товаров, *денежный товар*, играет теперь роль постоянного всеобщего эквивалента. Однако, с развитием товарного обращения возникают обстоятельства, благодаря кото-

рым между моментом отчуждения товара и моментом получения соответствующей его цене суммы денег проходит некоторое время: товар оплачивается либо до того, как его получают, либо, что бывает гораздо чаще, *после* того, как его получают. Поясним это примером. Возьмем итальянского ткача XIII века. Пряжу, которую он обрабатывает, он приобретает в соседней деревне. Но изготовленная им материя переправляется в Германию; пока ее туда доставят и там ее продадут и пока вырученные деньги попадут в Италию, пройдет, скажем, четыре месяца. Но в то время, как ткач изготовил материю, его сосед — прядильщик изготовил пряжу и немедленно продал ее ткачу; однако, ткач получит деньги за свой товар только через 4 месяца. Что тогда произойдет? Ткач купил пряжу, но он уплатит за нее только через 4 месяца. Отношения между покупателем и продавцом изменяются. *Продавец становится кредитором, а покупатель должником.* Но и деньги выполняют теперь другую функцию. Они являются уже не посредником обращения товара, а самостоятельно замыкают его круговорот. Они уже не средство обращения, а *платежное средство,* вытекающее из обязательства доставить в известный срок определенную сумму стоимостей.

Но такое обязательство возникает не только в процессе товарного обращения. Чем больше развивается товарное производство, тем более усиливается стремление перевести определенные потребительные стоимости на деньги, являющиеся всеобщим выразителем стоимостей. Натуральные государственные подати заменяются денежными, оплата труда служащим натурой — денежным вознаграждением и т. п. Функция денег, как платежного средства, выходит здесь за пределы товарного обращения. Вернемся к нашему прежнему примеру. Ткач покупает пряжу у прядильщика, не имея возможности сейчас же уплатить за нее. Но в денежных делах не церемонятся. Прядильщик рассуждает: что написано черным по белому, в том сомневаться не приходится. Поэтому, он предлагает ткачу написать долговую расписку, в которой последний обязуется заплатить прядильщику через 4 месяца ту сумму денег, которая соответствует стоимости проданной ему пряжи. Но у прядильщика, в свою очередь, имеются платежи, которые он погашает, за отсутствием наличных денег, долговой распиской ткача. Следовательно, эта расписка *функционирует как деньги;* возникает новый род бумажных денег: *кредитные деньги* (векселя, чеки и т. п.).

Возможен еще такой случай: ткач купил у прядильщика пряжу за 5 червонцев, а прядильщик купил у ювелира браслет для своей жены за 6 червонцев. В то же самое время ювелир купил у ткача материю за 4 червонца. Сроки всех трех платежей совпадают. В назначенный день прядильщик, ткач и ювелир собираются для расчета. Прядильщик должен уплатить ювелиру 6 червонцев и одновременно получить от ткача 5 червонцев. Он уплачивает

ювелиру 1 червонец и остальную сумму переводит на ткача. Но ткач должен получить от ювелира 4 червонца; поэтому он дает ему только 1 червонец. Таким образом, благодаря взаимным расчетам, три платежа на общую сумму в 15 червонцев произведены только при помощи 2 червонцев.

В действительности дело обстоит, конечно, гораздо сложнее, чем в только-что описанном примерном случае. Но на практике товаровладельцы рассчитываются большею частью посредством взаимных расчетов и число этих расчетов увеличивается по мере развития товарного обращения. Концентрация платежей в определенном месте и в определенное время породила особые учреждения и методы взаимных расчетов, например, «virements» в средневековом Лионе. Жиро-банки, «clearinghouses» (рассчетные палаты), объединения касс служат той же цели. Только те платежи, которые не могут быть погашены взаимными расчетами, производятся в золоте.

Кредитная система делает излишним образование сокровищ, как самостоятельной формы обогащения. При развитой кредитной системе не приходится прятать денег в землю, сундуки или ящики. Их можно отдавать в ссуду. При кредитной системе необходимо только *временное* накопление сокровищ, накопление того количества денег, которое требуется в день наступления срока расплаты с долгами.

Но накопление сокровищ удается не всегда. Вспомним нашего ткача. Он обязался уплатить долг прядильщику через 4 месяца потому, что он надеялся продать за это время свой товар. Но допустим, что он не нашел покупателя на свой товар; следовательно, он не может погасить долга в срок. Прядильщик же в свою очередь рассчитывал на этот платеж; в надежде на него, он тоже взял на себя некоторое обязательство, скажем, по отношению к ювелиру, а ювелир по отношению к третьему лицу. Мы видим, таким образом, что от платежеспособности одного зависит платежеспособность других, и в тем большей мере, чем больше развита система последовательных и взаимных расчетов. Предположим теперь, что не *один*, а *целый ряд* производителей не в состоянии, вследствие всеобщего перепроизводства, продать своих товаров. Их неплатежеспособность влечет за собой неплатежеспособность других, уже продавших свои товары. Долговые расписки обесцениваются; все начинают требовать расплаты наличными деньгами, всеобщим эквивалентом; возникает денежный голод, *денежный кризис*, который, начиная с известной ступени развития кредитной системы, становится неизменным спутником всякого промышленного и торгового кризиса. Это служит лучшим доказательством того, что при господстве товарного производства деньги не могут быть заменены простой долговой распиской.

Деньги имеют две арены обращения: *внутренний* рынок, на территории данного государства, и *мировой рынок*. Формой монеты

и знаком стоимости деньги могут служить только *внутри* данного государства, но не при сношениях с другими государствами. *На мировом рынке* они снова приобретают свой первоначальный вид слитков благородного металла, золота и серебра. Оба металла до сих пор играют на всемирном рынке роль мерила стоимостей в то время, как на внутренних рынках мерилом стоимостей является только *один* денежный товар.

Можно, впрочем, сказать, что с тех пор, как Маркс написал свой «Капитал», золото приобрело несомненную тенденцию стать единственным денежным товаром и на мировом рынке. Самая главная функция мировых денег, это — быть *платежным средством* при выравнивании международного баланса для покрытия разницы между ввозом и вывозом.

ГЛАВА III.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

1. Что такое капитал?

Во второй главе мы исследовали — каким образом товарное обращение развивается из обмена продуктами.

Пойдем дальше. При простом товарном обращении товаровладелец сперва продает свой товар, а затем покупает другие товары. Но с течением времени из этой фазы товарного обращения — продажи ради купли — возникает новая фаза: *купля ради продажи*. Формула простого товарного обращения гласит, как известно: «товар — деньги — товар; формула новой фазы товарного обращения гласит: «деньги — товар — деньги».

Сравним обе формулы.

Фаза «товар — деньги — товар» имеет своей целью *потребление*. Я продаю товар, не являющийся для меня потребительной стоимостью, чтобы получить другие товары, представляющие для меня потребительные стоимости. Кругооборот «товар — деньги — товар» — вполне законченный. Вырученные от продажи деньги превращаются в товар, который потребляется, выпадает из обращения. Деньги окончательно затрачиваются, они удаляются в своем движении от своего прежнего владельца. Товар, которым закончился кругооборот, при нормальных условиях простого товарного обращения, а только о таковых и идет здесь речь, равен по своей стоимости тому товару, с которого начался кругооборот.

Иначе обстоит дело при кругообороте «деньги — товар — деньги». Он не имеет своей целью потребление; кругооборот заканчивается не товаром, а деньгами. Деньги, с которых начинается обращение, не затрачиваются, а лишь *авансируются* и снова возвращаются к своему первоначальному владельцу. Круговорот этот не имеет замкнутого характера, а беспрерывно продолжается; когда авансируемые деньги возвращаются, их снова бросают в обращение, они опять возвращаются, и так без конца. Движение денег, обусловленное кругооборотом «деньги — товар — деньги», безгранично.

Но чем же вызывается это движение? Побудительная причина кругооборота «товар — деньги — товар» ясна; но имеет ли смысл кругооборот «деньги — товар — деньги»? Если я продаю библию, чтобы на вырученные деньги купить себе хлеб, то товар, заканчивающий кругооборот, *не тот,* с которого этот кругооборот начался, хотя стоимость обоих товаров одинакова. Библия утолила мой религиозный голод и более мне не нужна, в особенности, если я выучил ее наизусть, и так как я не имею средств для утоления своего физического голода, то я продаю библию и покупаю хлеб. Если же я куплю на 100 рублей картофеля, чтобы продать его затем за те же 100 рублей, то в сущности ничего не изменится; весь процесс бессмыслен и бесполезен. Он имел бы смысл лишь в том случае, если бы сумма денег в конце обращения получилась *другая,* чем в начале. Но денежные суммы отличаются друг от друга только по своей *величине*. Следовательно, кругооборот «деньги — товар — деньги» имеет смысл только в том случае, если сумма денег, которой он заканчивается, больше той, с которой он начинается. В этом *увеличении* денежных сумм и заключается в действительности побудительная причина рассматриваемого кругооборота. Кто покупает, чтобы продать, тот желает продать *дороже*. Кругооборот «деньги — товар — деньги» протекает нормально только тогда, когда конечная денежная сумма *больше* исходной. Кругооборот же «товар — деньги — товар» протекает нормально, как известно, только тогда, когда стоимость товара, которым он заканчивается, равна стоимости товара, с которого он начинается.

Каждая купля есть продажа, и наоборот. Поэтому кажется, будто кругооборот «деньги — товар — деньги» ничем не отличается от кругооборота «товар — деньги — товар». Но мы уже убедились в том, что оба кругооборота *существенно* различны.

Возьмем прежний пример. Если я покупаю на 100 рублей картофеля, чтобы затем продать его, то я имею намерение продать его дороже, скажем, за 110 (100+10) рублей, т.-е. получить сумму, равную первоначальной с некоторым приращением. Обозначим товар буквой Т, первоначальную сумму буквой Д и приращение буквой д; тогда мы получим следующую полную формулу:

$$Д — Т — (Д + д).$$

Приращение д, присоединяющееся в конце этого кругооборота к первоначально авансированной стоимости, Маркс называет *прибавочной стоимостью.*

Ее ни в коем случае не следует смешивать с *формами ее проявления* — прибылью, процентом и т. п., подобно тому, как нельзя смешивать понятий стоимости и цены. Во избежание недоразумений подчеркнем, что пока мы касались, главным образом, *существа* политико-экономических понятий, а не *форм их проявления.*

Прибавочная стоимость составляет специфическую особенность кругооборота Д — Т — (Д+д). Стоимость при этой форме кругооборота приобретает, благодаря прибавочной стоимости, новый характер; она становится *капиталом*.

Только в этом *движении* может познаваться сущность капитала. Капитал есть *стоимость, порождающая прибавочную стоимость*. Кто упускает из виду это движение и захочет рассматривать капитал, как нечто неподвижное, тот все время будет наталкиваться на противоречия. Этим объясняется та путаница, которая наблюдается в распространенных учебниках политической экономии по вопросу о том, что такое капитал, какие *вещи* составляют капитал. Один подразумевает под капиталом орудия труда; с этой точки зрения и в каменном веке были *капиталисты*. Обезьяна, разбивающая камнем орехи, капиталист; бродяга, сбивающий своей палкой плоды с дерева, тоже капиталист, а его палка — капитал. Другие подразумевают под капиталом накопленный труд; по этой теории белки и муравьи имеют честь быть коллегами Ротшильда, Блейхредера и Круппа. А некоторые экономисты считают капиталом все то, что поощряет труд и делает его производительнее — государство, знание человека, его душевные качества.

Совершенно ясно, что подобные расплывчатые определения сводятся к общим местам, встречающимся разве в детских букварях, и ни в малейшей степени не содействуют познанию форм, законов и стремлений человеческого общества. Впервые Маркс совершенно изгнал из политической экономии общие места, которые до него почти безгранично господствовали во многих ее отделах, в особенности же в отделе, посвященном изложению своеобразных свойств капитала.

Мы видели, что капитал есть стоимость, создающая прибавочную стоимость, и его общая формула: Д — Т — (Д+д). Из этой формулы вытекает уже, и это в действительности подтверждается, что каждый новый капитал начинает свое движение в *форме денег*. Но она указывает также на то, что это движение необходимо обусловливает переход капитала из денежной формы в разнообразные формы товарного мира и обратный переход его из этих форм в деньги.

Далее, из этой формулы следует, что не всякие деньги и не каждый товар являются капиталом, что они становятся таковыми лишь в том случае, если они проделывают определенное *движение*. Но это движение, в свою очередь, связано с особенными историческими предпосылками, с которыми мы познакомимся впоследствии. Деньги, которые я затрачиваю на приобретение предметов потребления, например, хлеба или сюртука, так же мало функционируют в качестве капитала, как и тот товар, который я сам изготовил и продаю.

Конечно, средства производства, накопленный труд и т. д. составляют вещество капитала, но только при известных обстоя-

тельствах. Игнорируя последние, игнорируют особенности современного способа производства, напускают на последние тот туман, при котором легко болтать все, что угодно; вот почему ученые и неученые представители капитализма и слышать не хотят ни о теории капитала Маркса, ни о теории стоимости, на которую последняя опирается.

2. Источник прибавочной стоимости.

Мы знаем общую формулу капитала: Д—Т—(Д+д). Теперь мы должны выяснить происхождение прибавочной стоимости. Данная формула как будто указывает на то, что прибавочная стоимость создается актами купли и продажи, что, следовательно, прибавочная стоимость возникает на почве товарного обращения. Подобный, очень распространенный, взгляд основан главным образом на смешении *товарной стоимости с потребительной стоимостью.* В особенности неправильно утверждение, будто при обмене выгадывают обе стороны, так как каждый отдает то, что ему не нужно, и получает взамен то, в чем он нуждается.

Говорят: «я даю то, что для меня имеет меньшую стоимость, и получаю то, что имеет для меня большую стоимость». Такое объяснение происхождения прибавочной стоимости вытекает из весьма туманного представления о том, что такое стоимость. Чтобы удовлетвориться этим объяснением, необходимо, с одной стороны, забыть, что обмен товаров основывается не только на *различии их потребительных стоимостей,* но в то же время на *равенстве их товарных стоимостей.* С другой стороны, нужно обладать наивным добродушием, присущим большинству сторонников вульгарной экономии, чтобы принимать за чистую монету все то, что они болтают, и действительно уверовать в то, что, например, между деловыми операциями современного купца и первобытным обменом диких народов нет никакой разницы.

Но мы знаем, что прибавочная стоимость возникает не из *обмена,* а из *товарного обращения,* осуществляемого при посредстве *денег,* и что прибавочная стоимость выражается в приросте *денег.* Поэтому о «прибыли», при получении мною того, что имеет для меня потребительную стоимость, и при отдаче мною того, что не имеет для меня потребительной стоимости, не может быть речи в процессе, предусматриваемом формулой: Д — Т — (Д+д).

Мы имеем здесь дело с излюбленным приемом вульгарных экономистов, которые стремятся затруднить познание современных экономических отношений путем приравнения их к давно прошедшим временам.

Мы имеем здесь дело не с обменом, а с товарным обращением. Последнее, так же как и первое, не может создать при нормальных условиях прибавочной стоимости, если равные товарные стоимости противопоставляются равным же товарным стоимостям.

Но допустим, что законы товарного обращения нарушены; скажем, владельцам товаров дана привилегия продавать свои товары с надбавкой в 10% к их первоначальной стоимости. Портной продаст тогда сюртук не за 30 рублей, а за 33 рубля. Но, увы! Боченок вина, за который он раньше платил 30 рублей, стоит теперь тоже 33 рубля. Следовательно, он ничего не выгадал.

Мы можем сделать еще попытку объяснить возникновение прибавочной стоимости тем, что не все товаровладельцы, а только некоторые из них ухитряются покупать товары ниже их стоимости, а продавать выше их стоимости. Предположим, что купец приобрел у земледельца 40 мешков картофеля, стоящих 100 рублей, за 90 рублей и продает их портному за 110 рублей. В результате этой сделки в руках купца оказывается несомненно бо́льшая стоимость, чем в начале ее. Но общая сумма всех стоимостей не изменилась. Мы имеем в начале сделки стоимости: 100 рублей (земледельца) + 90 рублей (купца) + 110 рублей (портного) = 300 рублей. В конце сделки мы имеем: 90 рублей (земледельца) + 110 рублей (купца) + 100 рублей (портного) = 300 рублей.

Следовательно, увеличение стоимости в руках купца произошло не вследствие увеличения общей стоимости, а вследствие уменьшения стоимости в руках других. Если я эту увеличенную стоимость в руках купца назову прибавочной стоимостью, то я должен буду назвать прибавочной стоимостью стоимость вещи, которую вор похитил из чужого кармана.

С исторической точки зрения присвоение прибавочной стоимости действительно происходило таким образом и заключалось в присвоении чужих стоимостей либо при посредстве товарного обращения *торговым капиталом,* либо непосредственно *ростовщическим капиталом.* Но оба эти вида капитала могли возникнуть лишь вследствие *нарушения* принципов товарного обращения, вследствие открытого и грубого попрания его основного закона о том, что стоимости обмениваются только на равные стоимости. Таким образом, пока капитал был исключительно торговым и ростовщическим капиталом, он *противоречил* экономической организации и моральным воззрениям того времени. В древности и в средние века купцы и в особенности ростовщики пользовались дурной славой; их одинаково клеймили как древне-языческие философы, так и отцы церкви, как папы, так и религиозные реформаторы.

При описании свойств млекопитающихся мы не возьмем за образец *несущего яйца* утконоса. Точно так же при изучении капитала, составляющего основу экономического строя современного общества, мы не можем исходить, так сказать, из допотопных видов его — ростовщического и торгового капитала. Только после того, как появились другие, более развитые формы капитала, возникли также переходные ступени, согласовывающие функции торгового и приносящего проценты капитала с законами

господствующей ныне формы товарного производства. Только с этих пор капитал, в силу необходимости, теряет характер простого обмана и явного грабежа. Познание торгового и ростовщического капитала возможно лишь после познания современной основной формы капитала.

Теперь не трудно понять, почему Маркс не затронул в первых двух томах «Капитала» вопроса о торговом и ростовщическом капитале и занялся исследованием *основных законов* капитала.

Мы также не будем останавливаться на торговом и ростовщическом капитале. Запомним только, что прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо ни купля, ни продажа не создают прибавочной стоимости.

Но, с другой стороны, прибавочная стоимость не может возникнуть вне пределов товарного обращения. Товаровладелец может личным своим трудом изменить характер товара и таким образом присвоить ему *новую* стоимость, которая определяется количеством затраченного на эту переделку общественно-необходимого труда; но стоимость *первоначального* товара от этого не повысится и прибавочная стоимость при этом не возникнет. Если ткач купит пряжу стоимостью в 100 рублей и изготовит из нее материю, то стоимость материи будет равна стоимости пряжи, увеличенной на стоимость, созданную трудом ткача. Стоимость пряжи, как таковой, труд ткача не увеличил.

Итак, мы стоим перед странной загадкой: прибавочная стоимость не создается товарным обращением, но она не возникает и помимо него.

3. Рабочая сила как товар.

Рассмотрим ближе общую формулу капитала: Д—Т—(Д+д). Она состоит из двух актов: Д—Т, куплю товара, и Т—(Д+д), продажу товара; согласно законам товарного обращения стоимость Д должна быть равна стоимости Т, а стоимость Т равна стоимости Д + д. Но это возможно лишь при условии самовозрастания Т; следовательно, Т должен быть таким товаром, который во время его потребления создает большую стоимость, чем его собственная стоимость. Загадка прибавочной стоимости будет решена, если мы найдем такой товар, потребительная стоимость которого обладает своеобразным свойством служить источником стоимости, товар, потребление которого создает стоимость. Тогда формула Д — Т — (Д + д) примет следующий вид: Д — Т. . . (Т + т) — (Д + д).

Но мы знаем, что товарные стоимости создаются исключительно трудом. Следовательно, приведенная формула может осуществиться лишь в том случае, *если рабочая сила — товар.*

«Под рабочей силой, или работоспособностью, — говорит Маркс, — понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [1]).

Итак, рабочая сила должна появиться на рынке в качестве товара. Что это означает?

Мы уже говорили о том, что товарообмен предполагает совершенно свободное право распоряжения товаром со стороны его владельца. Владелец рабочей силы должен, следовательно, быть свободным человеком. Иначе его рабочая сила не может фигурировать в качестве товара. Но его рабочая сила должна не только сделаться товаром, но и постоянно оставаться таковым; поэтому он может продать ее не навсегда, а лишь на определенный срок; в противном случае он станет рабом и из товаровладельца сам превратится в товар.

Еще одно условие должно быть выполнено для того, чтобы рабочая сила могла стать товаром. Мы знаем, что потребительная стоимость делается товаром лишь тогда, когда она не является таковой для своего владельца. Следовательно, и рабочая сила не должна быть потребительной стоимостью для рабочего, поскольку ей надо фигурировать на рынке как товар. Но потребительная стоимость рабочей силы заключается в том, что она сама создает другие потребительные стоимости, а для этого необходимо обладание средствами производства.

Там, где рабочий имеет в своем распоряжении средства производства, он не продает своей *рабочей силы*, а сам применяет ее и продает *продукты* своего труда. Рабочий должен быть отделен от средств производства, прежде всего от важнейшего из них, — от земли, чтобы рабочая сила смогла стать товаром.

Рабочий должен быть свободен во всех отношениях, свободен от всякой личной зависимости, но в то же самое время лишен необходимых средств производства; таковы предпосылки, без которых владелец денег не может превратить их в капитал. Эти предпосылки не даны природой и не присущи всякой общественной форме. Они являются результатом длительного исторического процесса, и лишь сравнительно поздно они достигли такого развития, что стали влиять на структуру общества. С XVI столетия начинается история жизни современного капитала.

Итак, мы познакомились с товаром, создающим прибавочную стоимость. Но как велика его собственная стоимость?

Она определяется, как и стоимость всякого другого товара, *рабочим временем, общественно-необходимым для производства, а следовательно и производства ее.*

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 137.

Рабочая сила предполагает существование рабочего. Последнее в свою очередь нуждается для своего восстановления в известной сумме *средств существования*. Необходимое для восстановления рабочей силы рабочее время равно, следовательно, рабочему времени, которое общественно необходимо, чтобы создать это определенное количество средств существования. Ряд обстоятельств определяет величину этой суммы. Чем больше рабочей силы затрачивается рабочим, чем дольше и напряженнее он работает, тем больше средств существования необходимо ему для возмещения затраченных сил, для того, чтобы на следующий день он работал так же продуктивно, как и днем раньше. С другой стороны, потребности рабочих различных стран неодинаковы и зависят от культурных и природных условий той или иной страны. Так, норвежский рабочий нуждается в большей сумме средств существования, чем индусский; изготовление питания, одежды, жилища, отопления, и вообще всего того, в чем нуждается первый, для того, чтобы существовать, требуют большей затраты рабочего времени, чем производство средств существования индусского рабочего. Далее, в стране, где, например, рабочие ходят босиком или неграмотны, их потребности менее значительны, чем в тех странах, где рабочие более культурны, носят обувь, читают газеты и книги, даже если нет никаких климатических и других различий. «Итак, в *противоположность другим товарам*, — говорит Маркс,—определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент» [1]). Затем, как известно, собственник рабочей силы смертен, в то время, как капитал стремится сделаться бессмертным. Поэтому необходимо, чтобы и рабочий класс был бессмертен, т.-е., чтобы рабочие *размножались*. Следовательно, сумма необходимых для сохранения рабочей силы средств существования включает в себя средства существования детей рабочих, а при известных обстоятельствах и их жен. Наконец, к числу издержек производства рабочей силы необходимо отнести расходы на обучение рабочего и приобретение им известной ловкости в определенной отрасли труда. Впрочем, для большинства рабочих эти издержки крайне невелики. Все эти условия ведут к тому, что стоимость рабочей силы рабочего класса в одной и той же стране и в одно и то же время представляет определенную величину.

До сих пор мы говорили не о цене, а о стоимости, не о прибыли, а о прибавочной стоимости. Здесь также следует иметь в виду, что мы говорим о *стоимости* рабочей силы, а не о *заработной плате*. Однако, на одну из особенностей вознаграждения рабочей силы мы считаем нужным указать сейчас же. По воззрению вульгарной экономии, капиталист уплачивает рабочему заработную плату вперед, ибо в большинстве случаев он вознаграждает его труд еще до того, как он продал продукты его труда. На самом же деле рабочий кредитует капиталиста своей рабочей силой.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 141.

Предположим, что я купил картофель, чтобы переработать его в спирт, и уплатил за него после того, как изготовил спирт, но до того, как я последний продал. Было бы смешно утверждать, что я заплатил земледельцу за его картофель вперед потому, что изготовленный из него спирт еще не продан. Напротив, земледелец кредитует мне картофель до того момента, пока я не изготовлю из него спирт. Если я говорю, что я покупаю за наличные деньги, то тем самым говорю, что я плачу за товар тогда, когда я его покупаю. Купцов очень удивили бы слова того мудрого экономиста, который стал бы утверждать, что всякий, кто оплачивает продукты после того, как он их потребил, не только платит наличными деньгами, но даже платит *вперед*. Однако, вульгарные экономисты не стесняются до сих пор подносить рабочим подобную чепуху. Если бы рабочие за свой товар — свою рабочую силу — получали наличными деньгами, то это должно было бы происходить в тот момент, когда этот товар становится собственностью капиталиста, следовательно, *в начале каждой недели, а не в конце ее*. При современной системе оплаты труда рабочие не только кредитуют капиталиста, но вынуждены сами жить в долг и поэтому молчаливо терпеть жульничества торговцев, снабжающих их фальсифицированными продуктами. Чем длиннее период выплаты рабочей платы, тем это хуже для рабочих. Двухнедельный, а тем более месячный расчет ставит наемного рабочего в невыносимое положение.

Но какова бы ни была система выплаты заработной платы, рабочий и капиталист постоянно противостоят друг другу — при нормальных условиях — как два товаровладельца, взаимно обменивающихся равными стоимостями. Капитал движется здесь не наперекор законам товарного обращения, а согласно этих законов.

Из того, что рабочий и капиталист противостоят друг другу, как два товаровладельца, ученые защитники капитализма делают вывод, что тот и другой *свободные, равные* и *лично независимые* лица, что они принадлежат к одному и тому же классу, что они — *братья*. «Рабочий и капиталист, — говорят эти ученые, — вымениваются между собой *одинаковые* стоимости; тысячелетнее господство справедливости, свободы, братства, счастья и мира наступило со времени возникновения наемного труда; ужасы рабства, тирании, эксплоатации и кулачного права отошли в вечность».

Так защищает буржуазная наука интересы капитала.

ОТДЕЛ II

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

ГЛАВА I.

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА.

В первом отделе мы имели дело преимущественно с товарным рынком; мы видели, как товары обмениваются, продаются и покупаются, как деньги выполняют самые различные функции и как они становятся капиталом, когда на рынке появляется в виде товара рабочая сила.

Капиталист купил рабочую силу и, захватив с собой свое новое приобретение, покидает рынок, где рабочая сила ему бесполезна, и направляется *в мастерскую*, где он может потребить, использовать ее. Последуем за ним. Оставим в стороне область *товарного обращения* и перейдем в область *производства*. Здесь мы обнаружим следующее:

«Потребление рабочей силы, это — самый труд» [1]). Капиталист потребляет рабочую силу, которую он купил; он заставляет продавца этой силы работать на него, производить товары.

Труд, производящий товары, имеет, как мы уже знаем, две стороны: он создает потребительные стоимости и создает товарные стоимости. Как создатель потребительной стоимости труд является не особенностью товарного производства, а необходимостью, постоянно ощущаемой человечеством, независимо от той или иной общественной формы. В этом смысле в процессе труда выявляются три момента: 1) *сознательная и целесообразная человеческая деятельность*, 2) *предмет труда* и 3) *средства труда*.

Труд есть сознательная и целесообразная деятельность человека, воздействие его на данный природой материал, которому он придает пригодную для человеческих потребностей форму. Зачатки такой деятельности наблюдаются уже в *животном* мире, но лишь на известной ступени *человеческого* развития она окончательно перестает быть инстинктивной и становится целесообразной. Всякий труд — затрата не только мускульной, но и мозговой и нервной энергии. Справедливо говорит Маркс: «Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 148.

трудового процесса необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом она необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил» [1]).

Тот предмет, на который воздействует рабочий, мы называем *предметом труда,* а различные вспомогательные средства — механические, физические и химические свойства известных тел, которые употребляет человек для того, чтобы в соответствии со своими целями заставить их действовать на предмет труда, называются *средствами труда.* Результат обработки предмета труда с помощью орудий труда называются *продуктом* труда. Средства труда и предмет труда составляют *средства производства.*

Столяр, изготовляя стол, обрабатывает дерево. Если предмет труда не дан природой непосредственно (как, например, дерево в девственном лесу), а добывается с некоторой затратой труда (если, например, дерево нужно срубить и доставить в мастерскую), то он называется *сырым материалом* (сырьем). Клей, лак, краски, употребляемые при отделке стола, — все это сырье. В нашем примере дерево, это — *главный материал;* клей, краска, лак — *вспомогательный материал;* пила, рубанок и т. п. — *средства труда;* стол — *продукт труда.*

«Является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяется и ее назначение» [2]).

Так, например, домашний скот может служить *продуктом труда* (при скотоводстве), *средством труда* (рабочий скот) и *сырым материалом* (убойный скот).

Средства труда играют в истории человечества огромную роль. От них зависит, прежде всего, форма производства, а последняя обусловливает, в свою очередь, характерные для нее общественные отношения с соответственной правовой, религиозной, философской и художественной надстройкой.

При каждом способе производства средства производства (предмет и средства труда) и рабочая сила являются главными элементами производства потребительных стоимостей, т.-е. неотъемлемой основой *трудового процесса.* Однако, *общественный характер* этого процесса при различных способах производства неодинаков.

Рассмотрим, как протекает трудовой процесс при капиталистическом способе производства.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 149.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 154.

Для товаропроизводителя производство *потребительных стоимостей* служит только средством к производству *товарных стоимостей*. Товар, это — единство обеих стоимостей; поэтому нельзя производить стоимостей, не производя в то же самое время потребительных стоимостей. Всякий товар имеет своим назначением удовлетворение какой-либо человеческой потребности; он должен быть кому-нибудь полезен; иначе никто не захочет его приобрести. Но то обстоятельство, что всякий товар есть и потребительная стоимость, представляет для товаропроизводителя неизбежное зло, а не конечную цель его деятельности.

Итак, процесс товарного производства является одновременно процессом производства *потребительных стоимостей* и *товарных стоимостей;* он есть *единство трудового процесса и процесса образования стоимостей.*

Все вышесказанное относится к товарному производству вообще. Теперь же мы остановимся на специальном виде товарного производства: на производстве товаров при помощи *купленной рабочей силы* с целью извлечения *прибавочной стоимости.*

Как будет протекать *трудовой процесс* в данном случае?

Общий характер процесса труда не изменится, конечно, от того, что рабочий совершает его для капиталиста, а не для самого себя.

Представим себе, напр., ткача, работающего на себя. Ткацкий станок принадлежит ему; он сам закупает пряжу и может трудиться, сколько и когда это ему будет угодно; продукт его труда— его личная собственность. Но допустим, что он обеднел и вынужден продать свой ткацкий станок. На какие средства ему жить? Ему не остается ничего другого, как наняться к капиталисту и работать на него. Капиталист покупает его рабочую силу, ткацкий станок, пряжу и заставляет его ткать на себя. Возможно, что капиталист купит тот самый станок, который ткач продал из нужды. Во всяком случае, ткач работает так же, как и раньше; трудовой процесс, повидимому, нисколько не изменился.

Однако, на самом деле здесь произошло два существенных изменения: во-первых, ткач работает уже не на самого себя, а на капиталиста, контролирующего его работу и следящего за тем, чтобы он работал проворнее и быстрее. Во-вторых, продукт труда принадлежит уже не ему, а капиталисту.

Таковы ближайшие изменения в трудовом процессе, вызванные господством капитала в процессе производства.

Но как протекает в данном случае *процесс образования стоимости?*

Вычислим сперва величину стоимости товара, изготовленного купленной капиталистом рабочей силой с помощью им же купленных средств производства.

Предположим, что капиталист покупает рабочую силу на один день. Рабочее время, общественно-необходимое для производства нужных рабочему средств существования, составляет, скажем,

6 часов. Представим себе далее, что такое же рабочее время и в таком же количестве овеществлено в 3 рублях, и что капиталист покупает рабочую силу по полной ее стоимости, т.-е. уплачивает рабочему *3 рубля за один рабочий день* [1]).

Допустим, что, по мнению капиталиста, хлопчато-бумажная пряжа — очень ходкая потребительная стоимость и может найти широкий сбыт. Поэтому он принимается за изготовление пряжи, приобретает средства производства — ради упрощения примера мы ограничимся одним веретеном — и закупает хлопок. Пусть в одном килограмме хлопка содержатся 2 рабочих часа, т.-е. он стоит 1 рубль. Вообразим, далее, что из одного килограмма хлопка можно изготовить 1 килограмм пряжи и что после обработки 100 клгр. пряжи изнашивается одно веретено, а после обработки 1 клгр. пряжи $^1/_{100}$ веретена. В одном веретене заключается, скажем, 20 рабочих часов, т.-е. оно стоит 10 рублей. В один рабочий час можно обработать, примерно, 2 клгр. хлопка, а в 6 часов — 12 клгр. хлопка, — мы имеем здесь в виду нормальные, средние, общественно-необходимые условия производства.

Как велика будет в данном случае стоимость 1 килограмма пряжи?

Прежде всего, примем в расчет, что стоимость потребленного при изготовлении пряжи хлопка и изношенности части веретена переходит в продукт целиком. *Потребительная стоимость* хлопка и части веретена изменилась, но их *стоимость* осталась та же. Для большей ясности мы будем рассматривать отдельные трудовые процессы, необходимые для производства законченного продукта, как

---

[1]) Указанные цифры, как и многие другие, взяты, конечно, произвольно, для большей наглядности. Несмотря на то, что это само собой разумеется, многие уверяют, что *Маркс* заимствовал подобные примеры из *действительной* жизни. На что были способны комментаторы «Капитала», показывает следующий факт: в 57 томе «Прусских ежегодников» («Preussische Jahrbücher»), издаваемых господином фон-Трейчке, некий доктор Штегеман поместил весьма поверхностную статью об «основных экономических воззрениях Карла Маркса». Изложив «принцип стоимости», в котором автор усматривает одно из основных *требований* Маркса, он продолжает (стр. 227): «Маркс *утверждает*, что достаточно приблизительно 6 часов ежедневной работы для производства всех необходимых человеческому обществу средств существования, если только *каждый* будет работать *по мере своих сил*». Ничего подобного в «Капитале» не говорится. Если господин Штегеман не был бы таким фантазером и проявил бы большее внимание, то на стр. 209 2-го немецкого издания «Капитала» (см. русский перевод, Госиздат, т. I, стр. 190) он прочитал бы, что, вычислив, на основании данных, сообщенных одним из манчестерских фабрикантов, ту работу, которую *действительно* выполняли рабочие на одной из ткацких фабрик в 60-х годах XIX века, Маркс пришел к заключению, что при 10-часовом рабочем дне общественно-необходимое рабочее время ткача едва достигало 4 часов, а остальные 6 часов с лишним шли на создание прибавочной стоимости. Впоследствии мы увидим, что рабочее время, общественно-необходимое для поддержания сил рабочего, есть величина сильно колеблющаяся.

последовательные стадии единого трудового процесса. Предположим, что прядильщик сам разводит хлопок и что добытый хлопок немедленно перерабатывается в пряжу; пряжа является, таким образом, продуктом труда плантатора-прядильщика, и ее стоимость измеряется рабочим временем, общественно-необходимым для добычи хлопка и переработки его в пряжу. Стоимость продукта нисколько не изменится и в том случае, если, при прочих одинаковых условиях, необходимых для его изготовления, трудовые процессы будут совершаться различными лицами. Итак, стоимость обработанного хлопка и использованной части веретена полностью содержится в стоимости пряжи. Для упрощения нашего примера мы откидываем вспомогательные материалы.

К этой *перешедшей* в пряжу стоимости *присоединяется* еще стоимость труда прядильщика. Предположим, что в один рабочий час обрабатывается 2 клгр. хлопка, а рабочий час содержит стоимость 50 коп.

Следовательно, 1 клгр. пряжи равен стоимости 1 клгр. хлопка ($=$ 1 рубль) $+$ $^1/_{100}$ веретена ($=$ 10 коп.) $+$ $^1/_2$ рабочего часа ($=$ 25 коп.), а всего $=$ 1 руб. 35 коп.

Значит, в 6 часов можно изготовить 12 клгр. пряжи стоимостью в 16 руб. 20 коп. Но сколько же израсходовал капиталист на изготовление пряжи? За 12 клгр. хлопка он уплатил 12 руб., $^{12}/_{100}$ веретена $=$ 1 руб. 20 коп. и одна рабочая сила $=$ 3 руб., всего 16 руб. 20 коп.

Таким образом, *капиталист не извлек пока никакой пользы для себя;* купленный им товар — рабочая сила — не принесла ему пока никакой прибавочной стоимости.

Но капиталист не смущается. Он купил потребительную стоимость рабочей силы *на целый день;* он купил ее честно и открыто за ее настоящую цену, поэтому он считает себя в праве использовать ее потребительную стоимость полностью. Ему не приходит в голову сказать рабочему: «Я купил твою рабочую силу за ту сумму денег, которая содержится в 6 рабочих часах. Ты проработал для меня 6 часов; мы квиты, ступай себе!». Напротив, он скажет: «Я купил твою рабочую силу на целый день, и весь день принадлежит мне; поэтому скорей берись за работу, напряги все твои силы и не теряй ни одной минуты, которая принадлежит мне, а не тебе». И капиталист заставляет рабочего трудиться не 6 часов, а может быть 12 часов.

В конце дня капиталист снова делает подсчет. У него теперь 24 клгр. пряжи стоимостью в 32 руб. 20 коп. Расходы у него были следующие: 24 клгр. хлопка $=$ 24 руб., $^{24}/_{100}$ веретена $=$ 2 руб. 40 коп. и 1 рабочая сила $=$ 3 руб., всего 29 руб. 40 коп. Улыбаясь, он кладет свою расчетную книгу в сторону. Он выгадал, как он выражается, «заработал» 3 рубля. Он приобрел прибавочную стоимость, нисколько не нарушив законы товарного обращения. Хлопок, веретено, рабочую силу — все это он оплатил полностью. Прибавочную

стоимость он получил только потому, что он *потребил* купленные им товары не как *средства для личного наслаждения,* а как средства производства, и что он использовал потребительную стоимость купленной им рабочей силы *сверх известной границы.*

Всякий процесс товарного производства является *процессом образования стоимости,* независимо от того, выполняется ли он *купленной рабочей силой* или *собственной* работой.

Но *процесс образования стоимости* создает прибавочную стоимость и становится, поэтому, *процессом увеличения стоимости* только в том случае, если он продолжается *долее* известного времени, а именно, того времени, которое необходимо для возмещения стоимости купленной рабочей силы вновь создаваемой стоимостью.

Земледелец, обрабатывающий свое собственное поле, и ремесленник, работающий за свой счет, могут тоже трудиться больше, чем это необходимо для возмещения потребленных ими средств существования. Следовательно, и они могут создать прибавочную стоимость, и их труд может стать процессом увеличения стоимости. Но, когда этот процесс производится с помощью *купленной чужой* рабочей силой, он становится *процессом капиталистического производства;* последний с самого начала, по природе своей, в силу необходимости и преднамеренно является процессом увеличения стоимости.

ГЛАВА II.

РОЛЬ КАПИТАЛА В ОБРАЗОВАНИИ СТОИМОСТИ.

В I главе I-го отдела мы познакомились со впервые установленным Марксом двойственным характером производящего товары труда: с одной стороны труд — *определенная форма полезного труда, создающего потребительные стоимости,* а с другой стороны — *общечеловеческий, простой, средний труд, являющийся источником товарных стоимостей.* Отсюда вытекает двойственность товарного производства, представляющего единство *трудового процесса* и процесса образования стоимости, а при *капиталистической системе* — единство *трудового процесса и процесса увеличения стоимости.* В предыдущей главе мы изучили оба элемента трудового процесса: средства производства и рабочую силу; мы выяснили также, что эти элементы, как части капитала, выполняют в процессе увеличения стоимости различные роли, что средства производства принимают в образовании стоимости совершенно иное участие, чем рабочая сила.

Мы установили, что стоимость потребленных средств производства переносится на стоимость продукта и что это перенесение совершается в процессе труда и посредством труда. Но каким же образом? Труд должен в одно и то же время выполнять двойную задачу — создавать новую стоимость и переносить на продукт прежнюю стоимость. Это возможно лишь благодаря вышеуказанному двойственному характеру труда.

В качестве *создающей стоимость* общечеловеческой работы труд способствует возникновению новой стоимости; в качестве особого вида полезного труда, являющегося *созидателем потребительной стоимости,* он переносит стоимость средств производства на продукт.

Только благодаря особой форме труда прядильщика — прядению — стоимость хлопка и веретена может быть перенесена на пряжу; с другой стороны, прядильщик может создать такую же стоимость не только прядением, но и другим трудом, например, если он станет столяром; в последнем случае, однако, он не изготовит пряжи и не перенесет на свой продукт стоимости хлопка.

Двойственный характер труда, *создающего* стоимость и *переносящего* ее на продукт, обнаруживается очень ярко при выяснении того влияния, которое оказывает изменение производительности труда на образование и перенесение стоимости.

При прочих равных условиях увеличение или уменьшение производительности труда не изменяет величины стоимости, создаваемой в течение одного рабочего часа. Напротив, количество изготовленных в известное время потребительных стоимостей увеличивается или уменьшается в зависимости от колебаний производительности труда, и в соответствии с этим повышается или понижается способность труда переносить стоимость на продукт.

Предположим, что какое-либо изобретение удвоило производительность труда прядильщика, в то время как производительность труда плантатора хлопка осталась без изменений. Допустим, что в 1 клгр. хлопка содержатся 2 рабочих часа, т.-е. он стоит — сохраним наш прежний расчет — 1 рубль. Раньше в 1 час обрабатывалось 2 клгр. хлопка, а теперь 4 клгр.; следовательно, *ту самую новую стоимость*, которую раньше один рабочий час *присоединял* к стоимости 2 клгр. хлопка, он теперь присоединяет к стоимости 4 клгр. хлопка; согласно принятому нами исчислению, эта новая стоимость (стоимость рабочего часа) равна 50 коп. Но прядение *переносит* теперь на пряжу в один час *двойную стоимость хлопка:* прежде 2 руб., а теперь 4 руб.

Итак, мы видим, что сила труда, *сохраняющая* или *переносящая* стоимость, обнаруживает другие особенности, чем сила труда, *создающая* стоимость.

В виду того, что производство немыслимо без средств производства, всякий труд, производящий товары, не только *создает*, но и *сохраняет* стоимость, и не в том лишь смысле, что он переносит на продукт стоимость потребленных средств производства, но и в том смысле, что он спасает ее от разрушения. Как и все земное, средства производства не вечны; раньше или позже они приходят в ветхость, даже в том случае, если ими не пользуются. Некоторые из них, например, различные машины, изнашиваются даже скорее, когда они бездействуют, чем тогда, когда они в ходу; но вместе с потребительной стоимостью средств производства исчезает и их товарная стоимость. Если средства производства изнашиваются нормально в процессе производства, то утраченная ими стоимость переходит в стоимость продукта. Если же они изнашиваются, не будучи использованы в процессе производства, то их стоимость исчезает безвозвратно. Обыкновенно капиталист не обращает внимания на эту сторону труда, но она очень больно ударяет по его сознанию, когда он вынужден приостанавливать свое производство, напр., вследствие промышленного кризиса. Маркс сообщает, что по подсчету владельца одной из английских текстильных фабрик, сделанному в 1862 году, непроизводительные издержки, вызванные остановкою работ на фабрике вследствие

хлопчато-бумажного кризиса, составили за год 60.000 рублей; из них 12.000 рублей приходилось на порчу машин.

Стоимости средства производства переносятся на продукт различным образом. Одни — сырой и вспомогательный материал, напр., хлопок — утрачивают в процессе труда свою самостоятельную форму, другие — орудия труда, например, веретено, — сохраняют ее. Первые переносят на продукт *всю свою стоимость*, вторые — только известную *часть стоимости*. Если какая-нибудь машина, стоющая 1.000 рублей, изнашивается при нормальных условиях через 1.000 дней, то в течение одного рабочего дня переходит на изготовленный в это время продукт стоимость одного рубля.

Здесь мы также наблюдаем двойственность процесса труда. Как может перейти на определенный продукт $^1/_{1000}$ стоимости машины? Ведь для изготовления этого продукта пускают в ход не $^1/_{1000}$ машины, а всю машину. Такое возражение, действительно, делалось; но дело в том, что машина участвует в процессе производства целиком лишь постольку, поскольку последний является *процессом труда*, в процессе же *увеличения стоимости* она участвует *частично*. Как *потребительная стоимость* она поглощается процессом производства целиком, а как *стоимость* — только частично.

Но встречаются и обратные случаи: на продукт может перейти *вся стоимость* средства производства и вместе с тем только *часть его вещества*. Предположим, например, что для изготовления 100 клгр. пряжи необходимо, при нормальных условиях, 115 клгр. хлопка; вес непригодных для производства отбросов равен в данном случае 15 клгр. Следовательно, в изготовленные 100 клгр. пряжи вошли 100 клгр. хлопка, но на стоимость 100 клгр. пряжи перешла стоимость не 100, а 115 клгр. хлопка.

Средства производства переносят на продукт ту стоимость, которую они утратили в процессе труда. Они никогда не могут присоединить к продукту бóльшую стоимость, чем та, которой они сами обладают, как бы ни была велика их потребительная стоимость. Поэтому совершенно неправильно поступает вульгарная экономия, пытаясь вывести прибавочную стоимость и видоизмененные ее формы — процент, прибыль, ренту — из *потребительной стоимости* средств производства, из «услуг», оказываемых ими процессу труда. Стоимость средств производства, потребленных в процессе производства, переходит без всяких изменений в стоимость продукта. Однако, труд не только сохраняет стоимость, но и создает *новую стоимость*. До известного момента труд, создающий новую стоимость, только возмещает капиталисту стоимость, затраченную им на покупку рабочей силы. Но если работа продолжается долее этого момента, то труд создает излишек стоимости, т.-е. *прибавочную стоимость*.

«Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т.-е. в сырой материал, вспомогательные материалы

и средства труда, в процессе производства *не изменяет величины своей стоимости.* Поэтому я называю ее постоянной, неизменяющейся частью капитала, или короче — *постоянным капиталом.*

Напротив, та часть капитала, которая превращена в *рабочую силу,* в процессе производства *изменяет* свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того излишек, *прибавочную стоимость,* которая в свою очередь может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или короче—*переменным капиталом.* Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные (вещественные) и субъективные (личные) факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса увеличения стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал» [1]).

Стоимость постоянного капитала представляется неизменной величиной, конечно, лишь по отношению к процессу увеличения стоимости, ибо во время процесса производства она не изменяется; но она может измениться под влиянием других факторов. Также может измениться отношение между постоянным и переменным капиталом; этого вопроса мы коснемся в дальнейшем.

[1]) «Капитал», т. I, стр. 180 — 181.

ГЛАВА III.

СТЕПЕНЬ ЭКСПЛОАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

Предположим, что капитал в 5.000 рублей распадается на 2 части: денежную сумму — c, постоянный капитал, израсходованный на приобретение средств производства и составляющий 4.100 руб., и денежную сумму — v, переменный капитал, затраченный на покупку рабочей силы и составляющий 900 рублей.

Постоянный капитал в свою очередь распадается на 2 части: сырой материал и т. п., стоимость которого целиком переносится на продукт, и орудия труда и т. п., стоимость которых переносится на продукт только частично. В наших дальнейших рассуждениях мы отбросим это различие, так как оно нисколько не изменит результата, а лишь усложнит нашу задачу. Итак, ради упрощения вопроса, мы исходим здесь из того, что вся стоимость всего употребленного капитала снова появляется в продукте.

Капиталист купил средства производства и рабочую силу. В конце процесса производства стоимость затраченного капитала увеличится на прибавочную стоимость—m, составляющую 900 рублей. Следовательно, капиталист будет иметь стоимость

$$c + v + m = 4.100 + 900 + 900 = 5.900 \text{ руб.}$$

Из них 4.100 рублей — перенесенная, а 1.800 (900 + 900) рублей — вновь созданная стоимость.

Ясно, что величина стоимости постоянного капитала не влияет на величину извлекаемой прибавочной стоимости. Правда, без средств производства самое производство немыслимо, и чем продолжительнее производство, тем больше средств требует оно; поэтому производство известной суммы прибавочной стоимости вызывает необходимость использования определенного количества средств производства, и это количество зависит от технического характера процесса труда. Но *величина стоимости* затраченного количества средств производства не влияет на величину прибавочной стоимости.

Если на фабрике работает 300 человек, если стоимость одной рабочей силы в день 3 рубля, если стоимость, которую каждая

из них создает ежедневно, составляет 6 рублей, то все 300 рабочих создадут в 1 день стоимость в 1.800 рублей, из них 900 рублей прибавочной стоимости — независимо от того, равна ли стоимость израсходованных ими средств производства, скажем, двум, четырем или восьми тысячам рублей. Величина затраченного постоянного капитала не влияет ни *на образование,* ни *на изменение* стоимости в процессе производства. Поскольку, поэтому, идет речь о рассмотрении этих двух факторов в их чистом виде, мы можем пренебречь постоянным капиталом, приравняв его нулю.

Таким образом, мы будем иметь дело лишь с переменной частью затраченного капитала и с той частью стоимости продукта, которая вновь создана трудом и равняется стоимости затраченного переменного капитала + прибавочной стоимости, т.-е. $v + m$. Отношение прибавочной стоимости к затраченному переменному капиталу в данном случае = 900 : 900 = 100%.

Это относительное увеличение переменного капитала или относительную величину прибавочной стоимости Маркс называет *нормой прибавочной стоимости.* Ее не следует смешивать, как это часто делают, с *нормой прибыли.* Прибыль вытекает из прибавочной стоимости, но она не прибавочная стоимость.

Для того, чтобы создать стоимость, равную стоимости рабочей силы, рабочий должен проработать некоторое время, скажем, 6 часов в день. Это рабочее время, *необходимое* для поддержания сил рабочего, Маркс называет *необходимым рабочим временем.* Та часть рабочего дня, в течение которой рабочий трудится сверх необходимого рабочего времени и которое создает не стоимость для возмещения его рабочей силы, а прибавочную стоимость для капиталиста, Маркс называет *прибавочным,* избыточным *рабочим временем,* а затраченный в течение его труд — *прибавочным трудом.* Прибавочный труд относится к необходимому труду, как прибавочная стоимость относится к переменному капиталу; следовательно, норму прибавочной стоимости мы можем выразить следующей формулой: $\frac{m}{v}$ или $\frac{\text{прибавочный}}{\text{необходимый}}$ труд.

Прибавочная стоимость выражается в некотором количестве продуктов, которые Маркс называет *прибавочным продуктом.* Поэтому отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу можно выразить в пропорциональных долях продукта. Но при рассмотрении этого отношения мы имеем дело не с вновь созданной стоимостью, а с готовым *продуктом;* следовательно, на этот раз мы не можем отбросить постоянного капитала, так как он составляет часть общей стоимости продукта.

Предположим, что продукт 12-часового рабочего дня составляет 20 клгр. пряжи стоимостью в 30 руб., стоимость обработанного хлопка 20 руб. (20 клгр. по 1 руб.), стоимость изношенного веретена и т. п. 4 руб., а стоимость рабочей силы 3 руб., и пусть норма прибыли будет равна 100%. Таким

образом, стоимость пряжи в 30 руб. = 24 руб. *(c)* + 3 руб. *(v)* + 3 руб. *(m)*; так как стоимость всей пряжи содержится в 20 клгр. пряжи, то постоянный капитал содержится в 16 клгр. пряжи, переменный капитал в 2 клгр., а прибавочная стоимость тоже в 2 клгр.

Все 20 клгр. пряжи были изготовлены в течение 12 часов; следовательно, в 1 час — $1^2/_3$ клгр. пряжи. Те 16 клгр., в которых овеществлена стоимость постоянного капитала, производятся в 9 час. 36 мин.: те 2 клгр., в которых содержится стоимость переменного капитала, производятся в 1 час 12 мин., и в такое же самое время производятся те 2 клгр., в которых овеществлена прибавочная стоимость.

При подобном подсчете кажется, будто прибавочная стоимость создается не в течение 6 часов, как это было нами принято, а всего лишь в течение 1 часа 12 минут.

Фабриканты действительно ведут такой расчет и рьяно доказывают, что их прибыль создается в течение *последнего рабочего часа* и что если сократить рабочий день хотя бы только на 1 час, то всякая прибыль отпадает и промышленность рухнет. Еще в 1836 г. английские фабриканты и их ученые и неученые защитники, во главе с Синиором, выдвинули этот подсчет, как довод против законопроекта о сокращении рабочего дня. Тот же самый аргумент против нормальной продолжительности рабочего дня приводился также в Германии и Австрии, несмотря на то, что в Англии факты и опыт решительно доказали его несостоятельность. Английское законодательство сократило рабочий день во многих отраслях труда—об этом мы еще будем говорить—и промышленность там не погибла, а прибыль господ фабрикантов не потерпела заметного ущерба.

Вся изложенная аргументация основана на смешении потребительной стоимости со стоимостью. В последний час действительно создается *потребительная стоимость* 2 клгр. пряжи, но отнюдь не их *стоимость*. Ведь 2 клгр. пряжи не изготовлены из воздуха. В двух клгр. пряжи содержится не только 1 ч. 12 мин. труда прядильщика, но и стоимость 2 клгр. сырого материала — хлопка, — которую по нашему исчислению (1 клгр. хлопка = 1 руб., 1 руб. = 2-м рабочим часам) овеществляют 4 рабочих часа; кроме того, в эти 2 клгр. пряжи перешла с веретена и т. п., стоимость 48 минут общественно-необходимого рабочего времени. Следовательно, на изготовление выработанных в течение 1 ч. 12 мин. 2 клгр. пряжи в действительности потребовалось шесть рабочих часов. Если бы рабочий в нашем примере создал в 1 ч. 12 мин. всю прибавочную стоимость, представляющую фактически стоимость продукта 6-ти рабочих часов, то он мог бы в течение 12-часового рабочего дня создать стоимость, заключающую в себе 60 рабочих часов. И такому вздорному доводу фабрикантов многие верят!

В виду того, что этот аргумент в некоторых кругах общества находит отклик даже в настоящее время, мы осветим его еще с другой стороны. Вычислим норму прибавочной стоимости в том случае, если рабочий день сократится с 12-ти часов до 11 часов, а остальные условия останутся прежние [1]).

Мы будем иметь теперь не 24 рубля постоянного капитала, а только 22, так как обработано меньше хлопка ($18^1/_3$ клгр. = $= 18^1/_3$ рубля) и уменьшилось изнашивание орудий труда ($3^2/_3$ рубля); переменный капитал составит 3 рубля (мы предполагаем, что заработная плата за 11 часов останется такая же, как раньше за 12 часов), а прибавочная стоимость — $2^1/_2$ рубля; следовательно, норма прибавочной стоимости будет равна не 100%, а $83^1/_3$%.

Итак, мы имеем готовый продукт в виде $18^1/_3$ клгр. пряжи стоимостью в $27^1/_2$ рублей; постоянный капитал овеществлен в $14^2/_3$ клгр. пряжи, переменный капитал в 2-х клгр. пряжи, прибавочная стоимость в $1^2/_3$ клгр. пряжи; $14^2/_3$ фунта (постоянный капитал) сработаны в 8 часов 48 минут, 2 клгр. пряжи (переменный капитал) в 1 час. 12 мин. и $1^2/_3$ клгр. пряжи (прибавочная стоимость) в 1 час. Следовательно, после сокращения рабочего дня на 1 час, время изготовления прибавочного продукта, содержащего прибавочную стоимость, уменьшилось не *на 1 час, а лишь на 12 минут*. Расчет же фабриканта основан на нелепом предположении, что в то время, как за 11 рабочих часов произведено продукта меньше на $^1/_{12}$, средств производства (сырого материала и т. д.) израсходовано столько же, сколько раньше за 12 рабочих часов.

---

[1]) При этом мы исходим из предположения, что сокращение рабочего дня повлечет за собой сокращение производительности труда на $^1/_{12}$. В действительности же сокращение рабочего дня обычно вызывает увеличение силы, ловкости, выдержки, осмотрительности и внимания, короче говоря, трудоспособности рабочего, вследствие чего нередко случается, что рабочий в сокращенный рабочий день производит больше, чем раньше. Но это последствие сокращения рабочего дня мы оставляем, ради упрощения нашего вычисления, без внимания.

ГЛАВА IV.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ПРИБЫЛЬ.

Между *прибавочной стоимостью* и *прибылью* существует такое же различие, как между стоимостью и ценой. На практике, продавца (как и покупателя) интересуют *цены* товаров и законы, управляющие этими ценами, знание которых облегчает ему возможность производить коммерческие расчеты и спекулировать. Напротив, законами лежащей в основе цен *стоимости* интересуется экономист-теоретик, который не думает о том, чтобы как можно дешевле купить или как можно дороже продать, а изучает *общественные отношения,* возникающие на почве товарного производства.

Капиталист-практик, подобно торговцу, интересуется не прибавочной стоимостью, а прибылью. Ему нет дела до отношения между капиталом и трудом; он стремится извлечь максимальную прибыль. С какой затратой труда создается прибыль, это ему до известной степени безразлично. Ведь она создается не *его* трудом. Но, с другой стороны, она создается благодаря его *деньгам*. Поэтому он сопоставляет полученную им прибавочную стоимость не с количеством труда, затраченного на ее производство, а с той суммой денег, которую ему пришлось выложить. Выражая процесс создания прибавочной стоимости формулой: $Д—Т—(Д+д)$, мы можем сказать, что капиталист измеряет свою прибыль отношением $д : Д$. Но это отношение отнюдь не тождественно с отношением $v : m$, отношением переменного капитала и прибавочной стоимости. Капитал, затраченный владельцем предприятия, расходуется не только на оплату рабочей силы, но и на постройку фабричных зданий, машин и закупку сырых и вспомогательных материалов, короче говоря, представляет то, что Маркс называет «постоянным капиталом». Этим объясняется, что даже в тех случаях, когда прибыль и прибавочная стоимость вполне совпадают, норма прибыли все же не равна норме прибавочной стоимости. Норма прибавочной стоимости выражается формулой: $m : v$, а норма прибыли в этом случае выразится формулой: $m : c + v$.

Следует еще отметить, что во многих отраслях производства, в особенности в сельском хозяйстве, год составляет естественный

период производства, по окончании которого производство начинается опять сначала. Поэтому развилась привычка вычислять нормы прибыли на основании отношения полученной в течение *одного года* прибыли к затраченному *в том же самом году на* производство капиталу.

Итак, норма прибыли не может совпадать с нормой прибавочной стоимости.

В предыдущей главе мы привели в качестве примера капитал в 5.000 рублей, из которых 4.100 составляли постоянный капитал, а 900 рублей — переменный капитал; прибавочная стоимость была равна тоже 900 рублям. В этом случае норма прибавочной стоимости = 900 : 900 = 100%, а норма прибыли =

$$\frac{900}{4100+900}=\frac{900}{5000}=18\%.$$

Но между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли существует не только чисто формальное различие, выражающееся в неодинаковых способах их вычисления.

Совершенно очевидно, что одной и той же норме прибавочной стоимости будут соответствовать различные нормы прибыли, если будет различно соотношение составных частей капитала, если на одно и то же количество заработной платы будут приходиться различные количества постоянного капитала. Состав капитала самым тесным образом связан с техническими особенностями и степенью технического развития той или иной отрасли производства. «Состав капитала, по стоимости, поскольку он определяется его техническим составом и отражает этот последний, мы называем *органическим* составом капитала» [1]). «Капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами *высшего* состава. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низшего* состава. Наконец, капиталами *среднего* состава мы называем такие, состав которых совпадает с составом среднего общественного капитала» [2]).

Рассмотрим, что произойдет с нормой прибыли под влиянием различных составов капитала. Возьмем три предприятия из трех различных отраслей производства. Одно — технически отсталое, с небольшим числом машин и фабричных построек. Это — производство с низким органическим составом капитала. Второе предприятие со средним составом капитала, а третье с очень высоким

[1]) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 123.
[2]) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 142.

составом капитала, обладающее большим числом машин и фабричных зданий. Чтобы как можно больше упростить наш пример, допустим, что во всех трех отраслях производства норма прибавочной стоимости одинакова и что весь затраченный капитал совершает в год один оборот, т.-е., что он целиком поглощается производством в течение года, а весь изготовленный продукт продается по истечении года сразу. Такие условия едва ли возможны в действительности, но мы должны их допустить, чтобы не усложнить и не затемнить нашего примера.

Предположим, далее, что в каждом из трех предприятий работает по 100 человек с годичной заработной платой в 1.000 рублей каждый. Пусть норма прибавочной стоимости будет равна—100%. Следовательно, общая сумма заработной платы составит 100.000 рублей, а общая прибавочная стоимость тоже 100.000 рублей. Предположим затем, что постоянный капитал предприятия A = 100.000 рублей, предприятия B = 300.000 рублей и предприятия C = 500.000 рублей.

Тогда мы получим:

Предприятие.	Переменный капитал.	Постоянный капитал.	Всего.	Прибав. стоим.	Норма приб. стоимости (отнош. приб. стоим. к пер. кап.).	Норма прибыли (отнош. прибав. стоим. к общ. кап.).
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.		
A	100.000	100.000	200.000	100.000	100%	50%
B	100.000	300.000	400.000	100.000	100%	25%
C	100.000	500.000	600.000	100.000	100%	16,6%
Всего . .	300.000	900.000	1.200.000	300.000	100%	25%

Таким образом, несмотря на одинаковую норму прибавочной стоимости, нормы прибыли всех трех предприятий очень различны, конечно, при том условии, что товары проданы по их полной стоимости.

Но это различие в нормах прибыли не может долго существовать при капиталистическом способе производства. Ведь капиталист производит исключительно с целью извлечения прибыли, а вовсе не для удовлетворения чьих-либо потребностей. Ему безразлично, производить ли иголки, паровозы, сапожную ваксу или духи; он стремится лишь получить возможно большую прибыль. Но что же произойдет, если одна отрасль производства будет давать 50% прибыли, а другая только 17%? Капитал отхлынет от последней и всеми силами устремится в первую. В этой расширившейся отрасли разовьется сильная конкуренция, производ-

ство товаров в ней будет резко увеличиваться, а в менее выгодной отрасли будет сокращаться.

Мы затронули сейчас область конкуренции, область спроса и предложения. Мы выяснили, что стоимость и цена — две различных вещи, хотя последняя и определяется первой. Одной из главных причин того, что цены отклоняются от стоимости то в сторону повышения, то в сторону понижения, являются колебания между спросом покупателей и предложением продавцов.

Предложение и спрос играют при господстве свободной конкуренции роль регулятора современного способа производства; иначе в капиталистическом производстве царила бы величайшая анархия, так как оно не ведется планомерно, а осуществляется рядом частных предприятий, производство которых определяется усмотрением их владельцев или руководителей. Спрос и предложение стремятся распределить наличные рабочие силы между различными отраслями производства таким образом, чтобы в общем каждая из них производила столько продуктов, сколько это необходимо для общества при данных условиях. Однако, это наблюдается только в виде общего правила и не имеет места в каждом отдельном случае. Напротив, вследствие отсутствия планомерности при современном способе производства, обычно производится либо слишком много, либо слишком мало тех или иных товаров, и только впоследствии колебания между спросом и предложением, падение или повышение цен, ведут к тому, что производство уменьшается или увеличивается в соответствии с потребностями общества.

Если товаров производится больше, чем то количество, которое могут или желают приобрести покупатели при известной высоте цен на товары (в конце концов зависящей от их стоимости), то эти цены падают, вследствие чего круг покупателей, которые могут или желают приобрести данные товары, расширяется. Но вместе с ценой понижается и прибыль; если последняя опускается ниже средней нормы, то капитал покидает соответственную отрасль производства, ее продукция уменьшается, а цены на товары снова повышаются до тех пор, пока они не достигнут уровня, отвечающего средней норме прибыли.

И наоборот, если цены превышают этот уровень, потому что товаров производится меньше, чем то количество, которое необходимо для удовлетворения спроса, то прибыль также повышается, капитал устремляется в эту заманчивую область производства, ее продукция расширяется и цены на товары снова опускаются до уровня, отвечающего средней норме прибыли. Вокруг среднего уровня происходит беспрерывное движение цен, то подымающихся выше его, то опускающихся ниже его; благодаря этому волнообразному движению становится возможным установить средний уровень цен, который представляет не неизменную величину, а известного рода тенденцию, стремление.

Колебания между спросом и предложением устраняют также те неравенства в нормах прибыли, которые возникают на почве неодинаковости органического состава капитала.

Предположим, что в предприятии С производство сокращается и цены на товары и прибыль вследствие этого возрастают, в предприятии же А производство расширяется, а цены на товары и прибыль уменьшаются.

То и другое будет продолжаться до тех пор, пока прибыли в обеих отраслях не сделаются одинаковыми и не достигнут среднего уровня прибыли всех отраслей производства данной страны. Мы приняли, что В представляет средний органический состав капитала, его прибыль, следовательно, среднюю прибыль.

Прибыль всех трех предприятий будет в указанном случае следующая:

Предприятие.	Общий капитал.	Прибав. стоим.	Норма прибав. стоим.	Норма прибыли.	Прибыль.
	Руб.	Руб.	%	%	Руб.
A.	200.000	100.000	100	25	50.000
B.	400.000	100.000	100	25	100.000
C.	600.000	100.000	100	25	150.000
Всего . .	1.200.000	300.000	100	25	300.000

Но это уравнение прибыли всех трех предприятий оказалось возможным только потому, что товарные цены отклонились от товарных стоимостей. Так как по нашему предположению весь затраченный капитал совершает один оборот в год и содержится в стоимости выработанного в течение года продукта, то мы получим следующее отношение между стоимостью и ценой годовой продукции каждого предприятия:

Предприятие.	Общий капитал.	Прибав. стоим.	Стоим. всего продукта (издержки произв. + прибав. стоимость).	Прибыль.	Цена произв. всего продукта (издержки произв. + прибыль).
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
A.	200.000	100.000	300.000	50.000	250.000
B.	400.000	100.000	500.000	100.000	500.000
C.	600.000	100.000	700.000	150.000	750.000
Всего . .	1.200.000	300.000	1.500.000	300.000	1.500.000

Допустим, что годовая продукция каждого предприятия составляет 10.000 товарных единиц; тогда мы получим на каждую товарную единицу:

Предприятие.	A	B	C
Стоимость.	30 руб.	50 руб.	70 руб.
Цена производства .	25 »	50 »	75 »

В действительности процесс происходит не так: отдельные капиталисты получают не всю прибавочную стоимость и не извлекают прибыли в одной отрасли производства в размере 50%, а в другой — в размере только 17%. Столь резкая разница в прибылях наблюдается только на первых порах капиталистического производства, в настоящее же время только в тех местностях и отраслях промышленности, где этот способ производства применяется недавно. В развитом капиталистическом обществе вырабатывается обычная средняя норма прибыли, из которой капиталисты исходят при предварительной калькуляции (расчете) цен, что, разумеется, не препятствует им использовать всякую возможность превысить эту норму, а с другой стороны, считать себя в убытке, если они вынуждены объявить более низкие цены или же удовлетвориться более низкой нормой прибыли. Цена, которая состоит из издержек производства (затраченный переменный и постоянный капитал) и «обычной в данной стране» прибыли, представляется капиталисту «естественной ценой». Маркс называет ее *ценой производства*. В нее входят *издержки производства* (суммы переменного и постоянного капитала) и *средняя прибыль*.

Не *стоимость*, а *цена производства* составляет в развитом капиталистическом производстве тот уровень, около которого волнообразно колеблются рыночные цены, под влиянием спроса и предложения. Цена производства не висит в воздухе, а имеет в свой основе стоимость.

Противники теории стоимости Маркса нередко утверждают, что Маркс сам опровергает III томом «Капитала» свою теорию стоимости (которую он излагает в I томе), доказывая, что при развитом капиталистическом товарном производстве прибыли стремятся к уравнению и, поэтому, цены большинства товаров на долгое время отклоняются от их стоимостей, причем цены одной половины общего количества товаров стоят выше их стоимостей, а цены другой половины этого количества товаров стоят настолько же ниже их стоимостей. Но Маркс опроверг бы свою теорию стоимости только в том случае, если бы он утверждал, что цены товаров *не зависят* от их стоимости. Далекий от этой мысли, Маркс доказывает в III томе «Капитала» как раз обратное,

а именно то, что цены производства, вокруг которых колеблются рыночные цены, находятся в полнейшей зависимости от закона стоимости, при игнорировании которого они совершенно необъяснимы. Средняя прибыль, т.-е. тот фактор, который обусловливает отклонение цен производства от стоимостей, вытекает из законов прибавочной стоимости, которые в свою очередь вытекают из законов стоимости. Если бы мы не предположили, что общая сумма существующей в обществе прибавочной стоимости равна общей сумме прибыли с ее разветвлениями (проценты, земельная рента—о них мы здесь не будем распространяться), то мы не могли бы объяснить, почему средняя норма прибыли является при данных условиях определенной величиной.

Закон товарной стоимости не опровергается тем обстоятельством, что при развитом капиталистическом производстве между стоимостью и ценой возникает новое промежуточное звено в виде средней нормы прибыли и зависящей от нее цены производства. Если бы отсюда можно было сделать вывод о несостоятельности этого закона, то пришлось бы признать неправильным закон падения тел на том основании, что в воде падающее тело встречает большее сопротивление, чем в воздухе.

Теория цены производства Маркса неотделима от его теорий стоимости и прибавочной стоимости. Она не только не опрокидывает последние, но наоборот, завершает их, дает ключ к пониманию ряда явлений, на которых зиждутся взаимоотношения различных классов, к пониманию различия между капиталом (прибылью) и земельной собственностью (земельной рентой), между промышленным капиталом (промышленной прибылью) и денежным капиталом (проценты) и т. д.; наконец, она способствует уразумению, а вместе с тем и опровержению, тех теорий стоимости, которые в сущности являются лишь теориями производственной цены, рассматриваемой ими как конечный, решающий фактор рыночных цен.

Здесь было бы уместно вкратце остановиться на теориях стоимости, отрицающих, что труд создает стоимость. Все они в сущности не являются теориями стоимости, ибо под стоимостью они понимают нечто такое, что совершенно не может считаться стоимостью, а именно: потребительную стоимость, цену производства, среднюю цену.

Нередко говорят, что каждый экономист имеет право понимать стоимость по-своему; наша задача сводится только к тому, чтобы установить, правильно ли объясняет он то, что он сам понимает под стоимостью, а будет ли его теория теорией прибавочной стоимости, цены или чего-либо другого — до этого нам нет дела.

Но ни в одной отрасли науки столь наивные рассуждения не могут быть приняты во внимание. Возьмем для примера атомистическую теорию. Что получилось бы, если бы каждый исследователь мог понимать атом по-своему; если бы одни ученые подразуме-

вали под атомом молекулу, а другие клетку, если бы теорию клеток в чистом виде можно было назвать атомистической теорией? Всякий, конечно, скажет, что здесь идет речь не о *названиях,* которые можно присвоить любому предмету, а о вполне *определенных процессах,* которые атомистическая теория пытается объяснить и которые лежат, между прочим, в основе происхождения молекул или клеток. Можно признавать или не признавать атомистическую теорию, можно известные процессы объяснять при помощи этой или какой-либо другой теории, но было бы грубым в научном отношении промахом считать атомом то, что является в результате, как говорит теория, того или иного расположения атомов.

Нельзя смешивать того, что лежит в основе какого-либо явления, с тем, что из него вытекает.

В естествознании на этот счет не может быть никаких сомнений. Процессы, с которыми имеет дело политическая экономия, гораздо сложнее, но тем не менее они подчинены тем же законам, что и явления природы.

Законы стоимости должны объяснить совершенно определенные общественные отношения и процессы, и было бы неправильно называть и считать законом стоимости законы других отношений и процессов, хотя бы и вытекающих из закона стоимости.

Задача всякой теории стоимости — выяснение как процесса товарообмена, так и общественных отношений, существующих между лицами, взаимно-обменивающимися своими товарами. Товарообмен, из которого затем развиваются продажа и купля, является основным процессом, приводящим в движение весь механизм экономической жизни современного общества. Следовательно, при объяснении этого механизма нужно исходить из рассмотрения закона, регулирующего товарообмен, т.-е. из закона стоимости. Если бы закон стоимости служил для объяснения другого процесса, то закон, лежащий в основе товарообмена, следовало бы назвать как-либо иначе. Однако, этого не делает ни одна из теорий стоимости: отсюда вытекает, что все эти теории предусматривают один и тот же процесс.

Если мы себе ясно представим тот процесс, который стремится объяснить закон стоимости, то мы легко поймем, что прежде всего нужно строго различать *потребительную стоимость* от *меновой стоимости,* не приравнивать их друг к другу лишь на том основании, что та и другая суть *стоимости.* Некоторые теории стоимости определяют стоимость на основании полезности предмета. Чем полезнее предмет, — говорят они, — тем больше он стоит. Это верно, поскольку речь идет о потребительной стоимости, и неправильно, если здесь подразумевается меновая стоимость.

Потребительная стоимость, полезность предмета указывает на отношение, существующее между отдельным человеком, потребителем, и этим предметом, а не на общественное отношение, отно-

шение между двумя лицами, каковым является меновое отношение. Можно ли сказать, что одинаково полезные предметы обмениваются друг на друга в одинаковых количествах? Нет, ибо обмен или продажа заключаются большей частью в том, что продавец предлагает вещи, которые для него не имеют никакой потребительной стоимости, которые для него бесполезны.

Для сытого булочника и его рабочих тот хлеб, который они выпекают для продажи, не представляет никакой потребительной стоимости. Если бы булочник не нашел покупателя на этот хлеб, то он не знал бы, куда его девать. Напротив, для проходящего мимо булочной рабочего, который целый день ничего не ел, этот самый хлеб представляет огромную потребительную стоимость; меновая же стоимость хлеба для них обоих одна и та же.

Предположим, что проходящий мимо булочной рабочий изготовляет корзины. Булочнику нужна корзина; она имеет для него большую потребительную стоимость, а для корзинщика никакой, ибо у него дома большой запас корзин, который он старается сбыть. Он охотно отдает свою корзину за несколько караваев хлеба. Но в каком количественном отношении произведут булочник и корзинщик этот обмен, если они будут считаться с полезностью предметов? Сколько караваев хлеба также полезны для корзинщика, как одна корзина для булочника? Ясно, что нельзя сравнивать полезности потребительных стоимостей двух различных товаров, нельзя установить между ними количественного отношения. Если корзинщик получает за свою корзину пять караваев хлеба, то было бы нелепо утверждать, что корзина в пять раз полезнее или стоит (в этом смысле) в пять раз больше, чем каравай хлеба. Полезности разнородных товаров не могут быть сравниваемы друг с другом. Сравнивать можно только различные степени потребительной стоимости *однородных* товаров. Можно, например, сказать, что прочная пара ботинок имеет бо́льшую потребительную стоимость, чем менее прочная, и я охотно заплачу за первые дороже, если это будет мне по карману. Бутылка шампанского имеет бо́льшую потребительную и меновую стоимость, чем бутылка простого вина. Итак, может показаться, что потребительная стоимость является элементом товарной стоимости. Но на самом деле это не так. Если бы бо́льшая потребительная стоимость создавала бо́льшую товарную стоимость, то странно было бы, почему не производятся товары только высшего сорта. Почему каждый сапожник не изготовляет обуви только высшего качества? Почему каждый винодел не изготовляет вина только высшей марки? Ответ ясен. Ботинки высшего качества либо изготовлены из лучшего материала, поглощающего больше труда и денежных затрат, либо сработаны более тщательно, т.-е. потребовали большей затраты рабочего времени со стороны среднего по своей квалификации рабочего. Именно поэтому, а вовсе не вследствие своей бо́льшей потребительной стоимости, прочные ботинки

стоят дороже, чем менее прочные. Говорят, что самые дорогие товары — самые дешевые; это значит, что их потребительная стоимость гораздо больше превышает потребительную стоимость низкосортных товаров, чем товарная стоимость первых превышает товарную стоимость последних. Пара ботинок за 12 рублей может хватить на в два раза больший срок, чем пара ботинок за 10 рублей.

Что же касается высокой цены некоторых сортов вин, то это объясняется тем, что их можно выделывать только в известных местностях. Тут закон стоимости вообще теряет свое значение, потому что в данном случае мы имеем дело с монополией, в то время как закон стоимости предполагает свободную конкуренцию.

Различие в ценах, обусловливаемое различием качеств однородных товаров, объясняется всегда либо большей или меньшей затратой труда, либо условиями монополии.

Другие теории стоимости основаны на смешении стоимости с ценой. Они определяют стоимость соотношением между предложением и спросом. Однако, это соотношение объясняет только, почему цены определенного товара всегда колеблются вокруг его стоимости (или цены производства), но они совершенно не объясняют, почему в среднем цена одного товара во столько-то раз превышает цену другого товара, почему, например, в течение многих столетий 1 клгр. золота стоил в среднем в 13 раз дороже, чем 1 клгр. серебра.

Если бы теории, опирающиеся на закон спроса и предложения, захотели объяснить эти устойчивые различия в ценах разнообразных товаров, то им ничего не оставалось бы, как искать спасения в теории трудовой стоимости. На вопрос, почему цена одного товара в течение продолжительного времени превышает цену другого товара, указанные теории отвечают, что это объясняется их *редкостью,* которая ведет к тому, что предложение их на долгое время отстает от предложения других товаров. Забывают при этом, что для доставки на рынок такого же количества более редкого товара, как и менее редкого, необходимо затратить *больше труда.* Нет почти никакой разницы между выражением: килограмм золота стоит в 13 раз дороже килограмма серебра потому, что золото встречается в 13 раз реже, чем серебро, и выражением: килограмм золота стоит в 13 раз дороже килограмма серебра потому, что для доставления на рынок первого затрачено в 13 раз больше труда, чем на доставление второго. Если экономист не будет стоять исключительно на точке зрения купца, которого интересует только рыночная цена товаров и которому нет дела до того, каким образом эти товары были приобретены, если он глубже вникнет в вопрос о том, как производятся товары, фигурирующие на рынке, то он убедится, что стоимости товаров создаются в процессе их *производства,* в *мастерских,* а не на *рынке.*

Впрочем, буржуазные теоретики интересуются больше рынком, чем мастерскими, и, поэтому, обычно совершенно не в состоянии понять теории трудовой стоимости.

На рынке стоимость превращается в деньги, в цену — сперва в воображаемые деньги, в запрашиваемую цену, а затем, когда товар продан, в реальные деньги. С развитием капиталистического хозяйства увеличивается число посредников, отделяющих мастерскую от рынка, производителя и торговца от потребителя, и увеличиваются обусловливаемые этим обстоятельством отклонения действительных цен от теоретически вычисленных. Но это не исключает того, что в конечном счете стоимость товаров зависит все-таки от условий производства, а цена товаров зависит от их стоимости, какова бы ни была степень этой зависимости. Капиталисты-практики определяют стоимость товаров на основании условий производства. Но они подразумевают под последними не рабочее время, общественно-необходимое для производства товаров, а издержки производства (заработную плату, расходы на машины, сырье и т. п.) с присоединением к ним средней нормы прибыли.

На этом основании многие теоретики утверждают, что стоимость определяется издержками производства. Но то, что правильно с точки зрения капиталистов-практиков, бессмысленно с точки зрения теории, которая ставит своей задачей не вычисление изменчивых нормальных цен, а изучение общественных процессов капиталистического производства и их происхождения.

Прежде всего, что такое издержки производства? Определенная сумма денег. Следовательно, издержки производства предполагают с самого начала наличие денег. Таким образом, определяя стоимость издержками производства, деньгами, а не наоборот, буржуазные экономисты переворачивают процесс образования стоимости наизнанку. Взнуздывают лошадь с хвоста.

Издержки производства представляют определенную сумму стоимостей — стоимость рабочей силы (заработная плата), стоимость средств производства, стоимость прибыли. На основании этой суммы стоимостей буржуазные экономисты объясняют самую стоимость. Мы видим, что при таком объяснении стоимости они неизбежно попадают в заколдованный круг.

Поясним это примером: возьмем примитивного производителя товаров, крестьянского ткача, добывающего все — средства существования, лен, из которого выделывается пряжа — своим трудом и трудом своей семьи; ткацкий станок он тоже смастерил сам из своего дерева. Какие же у него издержки производства? Он не израсходовал ни копейки, его продукт стоит ему определенной затраты труда, и только труда.

Перейдем теперь в область более развитого производства, к ткачу-ремесленнику. Ему уже приходится расходовать деньги; у него есть издержки производства. Он покупает ткацкий станок, пряжу, средства существования. Но разве только на основании

этих издержек производства он будет определять стоимость изготовленного им полотна? Если бы он поступал так, то его ремесло далеко не было бы тем золотым дном, о котором он мечтал, у него не оставалось бы даже сбережений на черный день. Затем часть издержки производства — расходы на продукты питания и на покупку станка — остается неизменной, работает ли он 4 часа или 12 часов в день. Но отсюда вовсе не следует, не говоря уже о расходовании сырья, что продукт 12-часового труда он не будет ценить дороже продукта 4-часового труда. К издержкам на материал он неосомненно прибавит еще свой труд, создающий стоимость.

Только с точки зрения капиталиста дело представляется в ином виде. Ему продукт не стоит *никакого труда, а только денег*. Он оплачивает деньгами не только средства производства, но и труд. Следовательно, для него все условия производства выражаются в затрате известной суммы денег, и поэтому ему кажется, что деньги создают стоимость. Но он очень удивился бы, если бы его уверили, что стоимость его продуктов равна той сумме, которую он затратил на их производство. Он ведет свое производство вовсе не для того, чтобы только возместить свои затраты. Он хочет получить прибыль, ради которой он и вложил свои деньги в производство, вместо того, чтобы их израсходовать на свои потребности. Поэтому он прибавляет к издержкам производства «обычную в стране» прибыль. Установленная таким образом цена является минимальной; если он ее не получит, то он скажет, что он «работает» в убыток.

Прибыль принадлежит, по мнению капиталиста, к издержкам производства, которые определяют стоимость продукта. Но эта «стоимость» представляется с точки зрения теории Маркса не чем иным, как ценой производства, которая в свою очередь может быть понята из закона стоимости.

Потребительная стоимость, рыночная цена, цена производства — это те понятия, которые подносят нам под названием «стоимости» теории, расходящиеся с теорией трудовой стоимости. Это либо такие понятия, которые (как, например, потребительная стоимость) связаны с меновой стоимостью лишь постольку, поскольку они являются ее *предпосылкой*, но отнюдь не *определяющими ее моментами*, либо такие (как, напр., цена производства или рыночная цена), которые вытекают из меновой стоимости, т.-е. не объясняют менового отношения, а наоборот, сами объяснимы только путем познания этого отношения.

Указанные теории удовлетворяются тем, что те представления, которые создаются у покупателей и продавцов или у капиталистов во время их деловых операций, они считают действительными причинами указанных операций; эти теоретики думают дать научное объяснение явлениям экономической жизни, излагая и систематизируя соответствующие взгляды практических деятелей. Однако,

задача науки заключается не в этом, а в отыскании более глубоких оснований общественных процессов и отношений, которые нередко представляются заинтересованным лицам в не совсем правильном, а иногда и в совершенно превратном виде.

Больше всего приближается к истине та из перечисленных нами теорий стоимости, которая исходит при объяснении стоимости из издержек производства, но и она не в состоянии правильно объяснить происхождение средней нормы прибыли. Только трудовая теория стоимости устанавливает точно, чем определяется *величина* средней нормы прибыли, почему при известных обстоятельствах она составляет 10%, а не 100% или 1.000%. Все остальные теории ограничиваются психологическими или юридическими объяснениями *присвоения* прибыли. Но самая глубокая философия права и самая утонченная психология не могут объяснить, откуда происходит прибыль и каким образом она создается.

Для уразумения общественных отношений теория прибыли имеет огромное значение. Однако, мы не будем на ней дальше останавливаться, а вернемся к теории прибавочной стоимости. Теория прибыли, это — теория распределения прибавочной стоимости между различными группами господствующих классов. Капиталисты-промышленники и сельские хозяева — заботятся о создании прибавочной стоимости, но они не могут удержать ее целиком. Если они вложили свои деньги в отрасль производства с низким органическим составом капитала, то они должны уступить часть прибавочной стоимости другим капиталистам, вложившим свои деньги в отрасль производства с более высоким органическим составом капитала: впрочем, этого процесса уравнения прибыли они не замечают, хотя на самом деле он всегда имеет место. Затем они должны — и на это они обращают большое внимание — уступить часть своей прибыли, в виде процентов, тем капиталистам, у которых они заняли деньги; далее, они уступают часть прибыли купцу в виде торговой прибыли. Капиталисты — сельские хозяева уступают часть своей прибыли в виде земельной ренты землевладельцам за арендованную у них землю; если же они сами являются земельными собственниками, то они отчисляют известный процент на тот капитал, который им пришлось вложить в землю.

Но как ни важны эти отношения, нас интересует главным образом отношение между капиталистами и рабочими, и притом не между ними в отдельности, а между классом капиталистов и рабочим классом. Но теория прибыли этого отношения не касается; она скорее может затемнить его понимание, ибо величина прибыли зависит от целого ряда причин, не имеющих ничего общего с отношением капиталиста к рабочему.

В чем бы ни выражалась прибыль отдельных капиталистов, ее величина зависит в конечном счете от величины прибавочной стои-

мости, следовательно, от степени эксплоатации наемных рабочих. Общая сумма прибыли равна общей сумме прибавочной стоимости.

Не из законов прибыли, а из законов прибавочной стоимости познаем мы классовые противоречия и классовую борьбу; благодаря законам стоимости мы лучше всего познакомимся с особенностями капиталистического способа производства.

Итак, в дальнейшем мы снова будем иметь дело только со стоимостью и с прибавочной стоимостью, исходя при этом из предположения, что цена равна стоимости, а прибыль равна прибавочной стоимости. Нам придется также отбросить средние нормы прибыли и цены производства, подобно тому, как не считаются с сопротивлением воздуха при исследовании законов падения.

На практике, разумеется, отброшенные нами здесь моменты должны быть приняты во внимание.

ГЛАВА V.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

Необходимое рабочее время и *время прибавочного труда* составляют в общей сложности *рабочий день*. *Необходимое рабочее время* является при данных условиях — известной степени производительности труда, потребностей рабочего класса и т. д. — *определенной величиной* (в нашем примере оно равно 6 часам). Рабочий день при всяком способе производства не может быть, разумеется, короче необходимого рабочего времени, а при капиталистическом способе производства он должен быть неизбежно длиннее необходимого рабочего времени. Чем продолжительнее прибавочное рабочее время, тем больше — при прочих равных условиях—норма прибавочной стоимости. Капиталисты стремятся продлить рабочий день как можно дольше и охотнее всего заставили бы рабочих трудиться все 24 часа в сутки [1]).

Но к великому их огорчению так долго работать нельзя. Рабочий теряет свою трудоспособность, если ему не дают возможности отдохнуть и покушать. Поэтому капиталист старается, по крайней мере, сократить продолжительность перерывов в работе, принуждая рабочего все остальное время трудиться без устали. Так как рабочая сила неотделима от самого рабочего, то на время, в течение которого потребительная стоимость рабочей силы принадлежит капиталисту, ему принадлежит также личность рабочего. Каждая минута рабочего времени, которую рабочий отрывает для себя, представляется капиталисту кражей его собственного капитала [2]).

---

[1]) Расследование положения рабочих, предпринятое австрийским парламентом в 1883 г., обнаружило, что в некоторых прядильнях в Брюнне работа производится безостановочно с утра субботы до утра воскресенья. Этот «милый» обычай, к сожалению, не ограничивается Брюнном и прядильными фабриками.

[2]) Английские рабочие — да и других стран тоже — подсмеиваются над той пунктуальностью, с которой капиталисты следят за тем, чтобы рабочий полностью отработал проданный им рабочий день. Так, рассказывают, что в какой-то каменоломне, преждевременно разорвалась мина, и один из рабочих был подброшен на воздух; благодаря счастливой случайности он упал на землю, не получив никаких повреждений. При расчете владелец каменоломни удержал с него за то время, которое он находился в воздухе и, следовательно, не работал.

Но именно потому, что рабочая сила неразрывно связана с самим рабочим, интересы последнего требуют возможного сокращения рабочего времени. Во время производства рабочий — только часть капитала; при капиталистическом способе производства он становится человеком только с того момента, когда он перестает работать. Но помимо этих *моральных* соображений, в пользу сокращения рабочего дня говорят также *материальные* соображения. Капиталист стремится к тому, чтобы получить больше того, что ему причитается согласно законов товарообмена.

При покупке *поденной* рабочей силы по ее стоимости капиталисту принадлежит лишь потребительная стоимость этой силы в течение одного дня, т.-е. он может пользоваться рабочей силой в течение дня лишь в такой мере, чтобы не затруднить ее восстановление. Если кто-нибудь купит урожай фруктового сада и, в целях увеличения своей прибыли, не ограничится сбором яблок, а станет спиливать сучья, дабы продать их, как топливо, то он нарушит заключенный им договор, ибо поврежденные деревья принесут в будущем году меньше плодов, чем в настоящем. То же самое имеет место, когда капиталист заставляет рабочего трудиться слишком много. Это причиняет ущерб работоспособности и жизнеспособности рабочего. Если чрезмерное удлинение рабочего дня сократило трудоспособность рабочего с 40 до 20 лет, то это значит, что капиталист расходовал в среднем в течение *одного* дня потребительную стоимость *двух* рабочих дней; это значит, что он заплатил рабочему за рабочую силу одного дня, а воспользовался рабочей силой двух дней. Капиталист проповедует рабочим бережливость и мудрое воздержание и в то же самое время заставляет их проматывать единственное их достояние — их рабочую силу [1]).

Нечто подобное произошло, как сообщают, при проведении водопровода в штате Нью-Иорк. Вследствие взрыва мин в тунеле образовались вредные газы, под влиянием которых рабочие на несколько минут лишились сознания и вынуждены были прекратить работу. За это время им не уплатили.

В кантоне Цюрих — фабрикант, поклонник прекрасного пола, производил вычеты из жалованья работниц за то время, которое они проводили с ним в его кабинете.

[1]) Маркс приводит отрывок из статьи доктора Ричардсона в «Social Science Review», от 18 июля 1863 года: в «Marylebone» (одном из самых больших кварталов Лондона) смертность кузнецов составляет 31 на 1.000 ежегодно, что на 11 превышает смертность взрослых мужчин Англии. Это занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безвредное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Человек может делать такое-то количество ударов молота в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают делать больше на столько-то ударов, проходить на столько-то шагов больше, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает его жизненную задачу на одну четверть. Он делает попытку в этом направлении, и в результате оказывается, что в продолжение ограниченного периода он действи-

Мы имели тут дело с капиталистом не как с частным лицом, а как с представителем капиталистического способа производства, выполняющим его заветы либо вследствие личной алчности, либо под влиянием конкуренции.

Мы усматриваем здесь явное противоречие между классовыми интересами капиталистов и рабочих. Рабочие добиваются сокращения рабочего дня, а капиталисты его удлинения. Результат этого раскола между обоими классами — борьба, продолжающаяся и теперь. Она началась несколько столетий тому назад и приобрела огромное историческое значение; она содействовала тому, что трудящиеся пролетарии познали солидарность своих интересов, она сплотила их в единый класс, она придала рабочему движению политическую окраску.

Самым важным из достигнутых пока в этой борьбе практических достижений является урегулирование государством в законодательном порядке продолжительности рабочего дня, установление *нормального рабочего дня*.

В Англии, родине современной промышленности, эта борьба возникла раньше, чем во всех других странах, и протекала при наиболее бурной обстановке и наиболее тяжелых условиях.

«Английские фабричные рабочие, — говорит Маркс,—были профессиональными борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов теории капитала» [1]). Нигде история борьбы за нормальный рабочий день не запечатлелась так ярко, как в Англии; статьи из английских газет, дебаты в английском парламенте и расследования парламентских комиссий, официальные отчеты, главным образом, английских фабричных инспекторов — все это составляет богатейший материал, которым не располагает ни одно из других государств и который был единственным источником в то время, когда Маркс закончил первую часть «Капитала» (1866 г.).

Поэтому Маркс подробно обрисовывает борьбу за нормальный рабочий день только английских рабочих. Дополнением к его изложению может служить книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». У Маркса описание событий доведено лишь до 1866 г., а у Энгельса — до 1844 года. Несмотря на это, их выводы по вопросу о нормальном рабочем дне представляют в настоящее время не один только *исторический* интерес. Сообщаемые ими факты, свидетельствующие о тех условиях, проделках и коварных приемах, к которым прибегают капиталисты с целью возможного удлинения рабочего дня и фактического срыва навязанной им предельной нормы последнего, а также описываемая ими позиция политических партий и рабочих по отношению к этим махинациям — все это столь типично, что дальнейшее развитие указан-

тельно увеличивает производимую им работу на одну четверть, но умирает в 37 лет вместо 50. («Капитал», т. I, стр. 227.)

[1]) «Капитал», т. I, стр. 273.

ной борьбы на европейском континенте ни на иоту не отступает от того, что было пережито Англией. Те самые факты, которые приводят Маркс и Энгельс, повторяются теперь на наших глазах. Скудный материал, собранный за последние годы, на основании частных расследований и официальных отчетов в Германии и Австрии, лишний раз подтверждает выводы Маркса. «Я уделил в настоящем (первом) томе, — говорит Маркс в своем предисловии к «Капиталу» [1]), — столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства потому, что всякая нация может и должна учиться у других, и что насущнейший интерес господствующих классов предписывает убрать все препятствия, стесняющие развитие рабочего класса, поскольку это достижимо законодательным путем». Доводы Маркса не остались без последствий. Факты, которые он привел, были столь вопиющи, столь неоспоримы, что они произвели сильное впечатление не только на рабочий класс, но и на наиболее вдумчивых представителей господствующих классов. Фабричное законодательство Швейцарии, Австрии и Германии в довольно значительной мере обязано своими успехами влиянию «Капитала».

Но число мыслящих и не погрязших в классовых предрассудках представителей буржуазии очень невелико, а политическое влияние рабочего класса пока слишком ничтожно. Поэтому читателю, познакомившемуся с главами «Капитала», излагающими историю фабричного законодательства, придется не столько радоваться тому, что достигнуто, сколько скорбеть по поводу той невероятной косности, которой отличаются даже современные законодательства; эта косность доходит до того, что в европейских парламентах все еще высказываются взгляды, давно уже опровергнутые — на основании фактов и опыта — в Англии, на которую многие фарисейски ссылаются, как на «страну манчестерства».

Обстоятельное изложение всего того, что говорится в «Капитале» по вопросу о рабочем дне, не может быть дано в настоящей книге [2]).

Интересующимся подробностями состояния тех отраслей английской промышленности, в которых продолжительность рабочего дня не была ограничена законом, желающим познакомиться с условиями ночной работы, с системой смен и борьбой за нормальный рабочий день, следует прочесть 8-ую и 13-ую главы «Капитала». Нет лучшего оружия для защиты законов об охране труда, чем эти главы. Что касается регулирования продолжительности рабочего дня английским законодательством, то в этом отношении можно отметить две противоположные тенденции: с XIV по XVII столетие издавались законы об *удлинении* рабочего дня,

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. XXXVII.

[2]) Подробнее этот вопрос рассматривается мною, с ссылкой на новейшие данные, в моей брошюре «Arbeiterschutz, besonders die internationale Arbeiterschutzgesetsgebung und der Achtstundentag». Нюрнберг, 1890.

с начала же XIX столетия законодательство стало проводить принцип *сокращения* рабочего дня.

На первых порах развития господствующего ныне способа производства капитал был слишком слаб, чтобы одной только силой экономических отношений выжать из рабочих значительное количество прибавочного труда. Еще в XVIII столетии раздавались жалобы на то, что фабричные рабочие в Англии работают не более четырех дней в неделю, потому что в эти четыре дня они зарабатывают столько, что могут прожить на полученные ими деньги целую неделю. Для снижения заработной платы и удлинения рабочего дня было тогда предложено устроить принудительные рабочие дома, поселить в них бродяг и нищих и заставить их работать в этих «домах ужаса» по *12 часов* в день.

100 лет спустя, в 1863 году, в «век гуманности» английская парламентская следственная комиссия констатировала, что в гончарных Стаффордшира *семилетние дети работают по 15 часов в день.*

Капитал перестал нуждаться в принудительных законах и принудительных рабочих домах, чтобы выжимать из рабочих прибавочный труд; он сделался экономической силой, которой пролетарий должен был подчиниться беспрекословно. С последней трети XVIII столетия в Англии началось бешеное соревнование в извлечении прибавочного труда; один капиталист старался перещеголять другого в безграничном удлинении рабочего дня.

Рабочий класс вырождался физически и морально с необычайной быстротой; он вымирал на глазах у всех из года в год; даже приток новых рабочих из деревень в фабричные округа не мог приостановить этого разрушительного процесса. «Бумагопрядильная промышленность существует 90 лет, — воскликнул в 1863 г. Ferrand в английском парламенте, — и в продолжение жизни *трех* поколений английской расы она поглотила *девять* поколений рабочих-прядильщиков».

Но фабриканты не унимались. Несмотря на быстрое истощение трудящихся, наличных рабочих сил было всегда больше чем достаточно; с побережья, из Шотландии, Ирландии, Германии стекались толпами в фабричные округа Англии и в Лондон «кандидаты на смерть», покинувшие свою родину вследствие гибели местной промышленности, превращения пахотной земли в пастбища и т. п.

Хотя перспективы вымирания населения Англии и не смущали большинства рядовых фабрикантов, стремившихся к возможному удлинению рабочего дня, но английские государственные деятели, не принадлежавшие к числу фабрикантов, и даже наиболее дальновидные из фабрикантов все же испытывали по этому поводу некоторую тревогу. Что станет с Англией, — рассуждали они, — что станет с ее промышленностью при такой безграничной эксплоатации трудящихся?

Подобно тому, как раньше во всех культурных государствах пришлось положить известный предел истреблению лесов капиталистами, так теперь сделалось необходимым воспрепятствовать хищническому высасыванию из населения его рабочей силы. Представители власти, считавшиеся с этой необходимостью, находились под впечатлением английского рабочего движения — *первого рабочего движения современного типа.*

Роберт Оуен еще в начале XIX столетия настаивал на ограничении рабочего дня; у себя на фабрике он фактически ввел $10^1/_2$-часовой рабочий день Эта мера оказалась очень успешной. Рабочее движение получило в 20-х годах прошлого века огромное развитие; с 1835 года им стала руководить партия чартистов. Господствующие классы Англии вынуждены были сделать ряд уступок, но рабочие, неудовлетворенные этими уступками, требовали всеобщего избирательного права и 10-часового рабочего дня для всех отраслей промышленности.

Подробно и ярко, ссылаясь на обильный фактический материал, изображает Маркс, с каким упорством и озлоблением велась эта борьба, к каким уловкам прибегали капиталисты, чтобы свести на-нет сделанные ими уступки, с каким мужеством и с какой энергией защищали интересы рабочих фабричные инспектора, в особенности Leonhard Horner, как обманули рабочих сторонники свободной торговли, обещавшие им провести закон о 10-часовом рабочем дне, когда они в них нуждались, и цинично нарушившие это обещание после отмены ввозных пошлин, как, наконец, угрозы рабочих заставили правительство установить 10-часовой рабочий день, по крайней мере, для некоторых категорий рабочих.

В начале 50-х годов XIX века рабочее движение в Англии вошло в более спокойное русло. Поражение рабочего класса в Париже и стремительная ликвидация революционных выступлений на всем континенте Европы не могли не оказать заметного влияния на положение дел в Англии. С другой стороны, основные задачи чартизма постепенно проводились в жизнь, а огромный рост английской промышленности за счет промышленности других стран производил на английских рабочих ошеломляющее впечатление; они воображали, что их интересы тесно связаны с интересами английских капиталистов, и что они должны бороться не против последних, а вместе с ними против рабочих и капиталистов других стран.

Однако, и в этот период успокоения английское фабричное законодательство неизменно прогрессировало. Закон 27 мая 1878 г. упростил и кодифицировал законодательство 1802 — 1874 г.г., обнимающее 16 различных фабричных законов. Главное достоинство закона 1878 г. заключается в том, что он уничтожил различие между фабрикой и мастерской и распространил постановления об охране труда не только на фабрично-заводские предприятия, но и на мелкие мастерские и отчасти даже на домашнюю промышленность; охране подлежит труд детей, подростков и женщин,

но не взрослых мужчин. Закон 1878 г. был затем дополнен и изменен к лучшему законами 1891 г. и 1901 г. Согласно этих законов, дети моложе 12 лет совершенно не допускаются к работам в промышленных предприятиях; рабочий день детей в возрасте от 12 до 14 лет должен быть в два раза короче рабочего дня подростков (от 14 до 18 лет) и женщин; подросткам и женщинам разрешается работать не более 60 часов в неделю, а на текстильных фабриках только 56 часов; по воскресным дням, в первый день Рождества и в пятницу на Страстной неделе указанные категории рабочих от работы освобождаются, кроме того, они имеют в году 8 на половину свободных и 4 совершенно свободных праздничных дня (но не по субботам), из которых, по крайней мере, половина должна приходиться на период с 15 марта по 1 октября.

Эти законы ограничивают 10 часами рабочий день и мужчин в тех предприятиях, где они работают вместе с женщинами и малолетними. В тех же отраслях промышленности, где мужчины не находятся под защитой законов об охране труда, где, в силу неудачно сложившихся обстоятельств, они не составляют привилегированного класса, рабочей аристократии, положение рабочих отчаянное.

Последствия введения нормального рабочего дня были чрезвычайно благоприятные. Рабочий класс Англии был спасен от гибели, а английская промышленность от прозябания. Закон о 10-часовом рабочем дне не только не приостановил развития английской промышленности, а наоборот, содействовал необычайному, неслыханному ее подъему.

Нормальный рабочий день стал национальным достоянием в стране манчестерства, на которое никто не осмеливается посягнуть. Сами фабриканты, которые всеми силами боролись против введения и применения закона о нормальном рабочем дне, впоследствии стали им гордиться, считая, что он — одна из основных причин превосходства английской промышленности над промышленностью остальной Европы.

Пример Англии и повсеместное развитие капиталистического строя на континенте выдвинули и в других европейских государствах на очередь вопрос о необходимости урегулирования рабочего дня, которое и проводилось в жизнь в различных странах более или менее успешно, в зависимости от размаха рабочего движения, от проницательности правящих политических партий и от их влияния на погрязших в рутине фабрикантов.

Наиболее передовыми из континентальных законодательств по охране труда является, несомненно, *швейцарское*. Союзный закон 23 марта 1877 г., заменивший ряд кантональных фабричных законов, устанавливает для всех фабричных рабочих 11-часовой рабочий день. Он имеет преимущество перед английским законодательством, поскольку он берет под свою защиту и взрослых мужчин; он остается позади этого законодательства в том отношении, что вводит 11-часовой рабочий день вместо десятичасового

и не распространяет своих постановлений на мелкие мастерские и кустарный промысел. Дети моложе 14 лет совершенно не допускаются к работе на фабриках, подростки от 14 до 16 лет должны быть заняты в школе и на фабрике в общей сложности не более 11 часов в день.

Во *Франции* первый фабричный закон был издан в 1841 году. Он ограничил рабочий день для детей от 8 до 12 лет 8 часами, а для детей от 12 до 16 лет 12 часами. Но даже этот жалкий закон остался только на бумаге; такая же участь постигла закон о 12-часовом нормальном рабочем дне для *всех фабрик и мастерских,* изданный в 1849 году, под давлением революции. Не было инспекторов, которые могли бы следить за выполнением этого закона. Только закон 19 мая 1874 г. положил начало более серьезным мероприятиям в области охраны труда. Этот закон запретил применение труда детей моложе 10 лет, в известных же отраслях промышленности детей моложе 12 лет. Рабочий день детей от 10 до 12 лет был ограничен 6 часами, а малолетних от 12 до 16 лет 12 часами. За осуществлением этих законов должны были надзирать фабричные инспектора, в помощь которым были учреждены особые местные комиссии.

Этот закон был изменен в 1892 году. Труд детей моложе 12 лет был совершенно запрещен; рабочий день малолетних, в возрасте от 12 до 16 лет, был ограничен 10 часами, подростков от 16 до 18 лет — 11 часами в день и 60 часами в неделю, а взрослых женщин — 11 часами.

Неоднократные попытки заменить 11-часовой рабочий день 10-часовым разбиваются о сопротивление сената. Наконец Мильерану удалось добиться некоторого компромисса. Закон 30 марта 1900 г. ввел на тех фабриках, где мужчины работают вместе с женщинами и малолетними, 10-часовой рабочий день; однако, этот успех был куплен ценой относительного ухудшения положения малолетних рабочих, так как продолжительность рабочего дня была установлена для *всех* категорий рабочих, не исключая 12-летних детей, *одинаковая* (это единственный случай в истории законодательства об охране труда), а именно в течение первых двух лет после опубликования закона 1900 г. рабочий день ограничивался 11 часами, в течение вторых двух лет $10^1/_2$ часами, а затем уже 10 часами. Таким образом, как мы видим, законы об охране труда иногда ухудшали положение фабричных рабочих, не исключая и малолетних.

В *Австрии* с 11 июня 1885 г. существует на фабриках *11-часовой нормальный рабочий день* на фабриках, впрочем с оговоркой, что министру торговли разрешается продлить в некоторых отраслях промышленности на 1 час [1]). Дети моложе 12 лет не допускаются

---

[1]) Эта оговорка применяется на практике с бо́льшим усердием, чем все другие постановления закона 1885 г.

к систематической работе в промышленных предприятиях, в том числе в мелких мастерских. Рабочий день для «молодых» подручных рабочих — мудрые члены австрийского и некоторых других парламентов полагают, что, начиная с 12 лет, дети становятся «молодыми людьми» — ограничен 8 часами.

В *Германии* вопрос об охране труда рабочих обстоит не лучше, чем в Австрии. Майский закон 1891 г. не допускает к работе на фабриках детей моложе 13 лет. Дети от 13 до 14 лет могут работать не больше 6 часов, а дети от 14 до 16 лет не больше 10 часов в день. Нормальный день для работниц старше 16 лет составляет 11 часов. Закон 28 декабря 1908 г. сократил рабочий день для женщин на 1 час. Мужчин можно эксплоатировать сколько угодно.

Законы об охране труда в других государствах очень скромны и касаются главным образом малолетних рабочих.

В *Соединенных Штатах* многие штаты провели законы об охране фабричного труда детей, подростков и женщин. В большинстве из них для указанных категорий установлен 10-часовой рабочий день, в Калифорнии, Далавар, Идаго и Миссури 9-часовой, в Иллинойсе даже 8-часовой (для подростков от 14 до 16 лет, не для женщин). В большинстве северных штатов не допускаются к работе дети моложе 14 лет, в южных штатах дети моложе 12 лет или даже 10 лет; некоторые же штаты совершенно не охраняют детского труда.

Еще хуже обстоит дело с охраной труда в Южной Америке.

Рабочий день взрослых мужчин в Соединенных Штатах почти совершенно не урегулирован. То же самое имеет место и в Австралии. Виктория и Новая Зеландия установили 8-часовой рабочий день для женщин и малолетних.

Наконец, в течение последних десятилетий делались иногда попытки установить пределы рабочего дня в международном масштабе, по взаимному соглашению всех капиталистических государств. Сперва в этом смысле стали высказываться рабочие Швейцарии, Франции, Германии, Австрии и других стран, а позднее этот вопрос привлек внимание и правительственных органов. Союзный совет Швейцарии был первым правительством, поднявшим голос в пользу международной охраны труда. Но его попытки привлечь к разрешению этого вопроса правительства других стран встретили недоброжелательное отношение со стороны германского императорского правительства. Нормальный рабочий день был не по душе Бисмарку. Только после отставки железного канцлера германское законодательство по охране труда вступило на новый путь и пыталось провести ряд соответственных социальных реформ. Между прочим, снова всплыл вопрос о международной законодательной охране труда. В марте 1890 г., по инициативе Вильгельма II, в Берлине была созвана для обсуждения этого вопроса конференция представителей европейских государств, которая, как известно, осталась безрезультатной.

Напротив, выступления международного *рабочего класса* в пользу установления 8-часового рабочего дня, начало которым положил парижский конгресс 1889 г., приобрели характер всемирно-исторического движения. *Первомайские демонстрации,* это — грандиозный торжественный смотр боевым отрядам международного пролетариата.

ГЛАВА VI.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ «МЕЛКОГО ХОЗЯЙЧИКА» И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ КАПИТАЛИСТА.

Если мы знаем стоимость рабочей силы, а следовательно и время, общественно-необходимое для поддержания сил рабочего, то, на-ряду с нормой прибавочной стоимости, мы можем вычислить *массу* прибавочной стоимости, которую каждый рабочий доставляет капиталисту в определенный период времени. Если стоимость рабочей силы определяется в 3 рубля, а норма прибавочной стоимости составляет 100%, то масса созданной этой силой прибавочной стоимости будет равна 3 рублям. Но как велика будет общая сумма прибавочной стоимости, достающаяся на долю капиталиста при известных условиях? Допустим, что в предприятии работает на вышеуказанных условиях 300 человек, что переменный капитал, затрачиваемый ежедневно, равен 900 р., а норма прибыли составляет 100%. Масса прибавочной стоимости будет тогда равна 900 р. «Масса прибавочной стоимости, производимой переменным капиталом, равна величине этого авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости» [1]).

При уменьшении одного из этих факторов масса может остаться прежней, если одновременно произойдет увеличение другого фактора, и наоборот. Приведем несколько примеров. Предположим, что на фабрике работает 300 человек, что общественно-необходимое время составляет 6 часов и что стоимость рабочей силы равна 3 р. при 12-часовом рабочем дне. Масса ежедневно создаваемой прибавочной стоимости составит в данном случае 900 рублей. Теперь допустим, что капиталист удлиняет рабочий день до 15 часов. Если все прочие условия останутся прежними, то норма прибавочной стоимости составит $\frac{9 \text{ часов прибавочного труда}}{6 \text{ часов необходимого труда}} = 150\%$. Для получения прежней массы прибавочной стоимости (900 руб.)

[1]) «Капитал», т. I, стр. 277.

при 15-часовом рабочем дне капиталисту достаточно иметь не 900 р., а только 600 р. переменного капитала и не 300 рабочих, а всего лишь 200.

Предположим теперь, что рабочие не только не согласились на удлинение рабочего дня, но, наоборот, объявили забастовку, окончившуюся успешно и заставившую капиталиста сократить рабочий день с 12 часов до 9 часов. Тогда норма прибавочной стоимости составит $\frac{\text{3 часа прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}} = 50\%$. Для получения прежней массы прибавочной стоимости капиталист должен увеличить число рабочих до 600 человек, а переменный капитал до 1800 рублей.

Ясно, что в первом случае положение капиталиста было более отрадное. Фабрикант стремится по возможности увеличить массу прибавочной стоимости и предпочитает, разумеется, достигнуть этого путем увеличения нормы прибавочной стоимости, чем путем увеличения переменного капитала и числа рабочих.

Но норма прибавочной стоимости не устанавливается произвольно; она представляет при известных условиях более или менее определенную величину. При данной норме прибавочной стоимости производство известной массы прибавочной стоимости требует затраты определенного количества переменного капитала, который ее производит, и известного количества постоянного капитала, который ее впитывает.

Это обстоятельство имеет историческое значение. Еще до возникновения капиталистического строя существовали наемные рабочие, создававшие прибавочную стоимость; это имело место в цеховом ремесленном производстве. Но число рабочих, трудом которых пользовались средневековые ремесленные мастера, было невелико, а следовательно незначительна была и масса прибавочной стоимости, которую мастера клали в свой карман. Обычно их доход был настолько скромен, что хозяину приходилось работать вместе со своими подмастерьями; «мелкий хозяйчик» не был ни наемным рабочим, ни капиталистом, а был чем-то средним между ними обоими.

Предприниматель может стать капиталистом только тогда, когда он имеет в своем распоряжении столько наемных рабочих, сколько это необходимо для того, чтобы производимая ими масса прибавочной стоимости не только обеспечивала ему «отвечающее его общественному положению» существование, но и давала ему возможность постоянно увеличивать свой капитал, ибо, как мы увидим ниже, это — необходимое условие капиталистического способа производства.

Итак, не всякая денежная сумма позволяет ее владельцу стать капиталистом. Чтобы владелец денег мог стать промышленным капиталистом, надо, чтобы капитал его позволял приобрести достаточное количество рабочей силы и средств производства;

кроме того, ему должно быть предоставлено неограниченное право увеличить или сократить число своих рабочих.

Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленного мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру.

«Принципалом современных (капиталистических) мастерских,— говорит Маркс, — сделался купец, а не прежний цеховой мастер» («Нищета философии», стр. 135 немецкого издания).

Цеховой мастер извлекал прибавочную стоимость, но он не был настоящим капиталистом.

Цеховой подмастерье создавал прибавочную стоимость, но он не был настоящим пролетарским наемным рабочим. Цеховой мастер трудился сам. Капиталист же только распоряжается и надзирает за работой.

Цеховой подмастерье распоряжался средствами производства по личному усмотрению, облегчая себе таким путем работу. Он был помощником мастера, его товарищем по ремеслу, и сам со-временем мог рассчитывать стать мастером.

Напротив, в капиталистическом производстве наемный рабочий является единственным работником и источником прибавочной стоимости, которую беспощадно выжимает из него фабрикант. Средства производства не облегчают труд рабочего, а наоборот, *высасывают из него все соки,* приковывают его к определенному месту. *Не рабочий распоряжается ими, а они распоряжаются рабочим.* И рабочий, конечно, никогда не может стать капиталистом.

Взглянем на современную текстильную фабрику: там тысячи веретен, тысячи тонн хлопка. Их купили для того, чтобы увеличить затраченный на них капитал, чтобы извлечь при помощи их прибавочную стоимость. Но для этого необходим человеческий труд, и они беспрестанно взывают к труду. Прядильные машины предназначены не для облегчения труда рабочего, а для увеличения стоимости при помощи рабочей силы. Веретено вертится и требует беспрерывного человеческого труда; рабочий голоден, но веретено все вертится; проглотив наскоро обед, он снова к услугам своей госпожи-машины. Его силы иссякают, его клонит ко сну, но веретено, веселое и бодрое, продолжает вертеться без устали и требует дальнейшей работы, не давая рабочему ни минуты покоя.

Мертвое орудие стало повелевать живым рабочим.

ГЛАВА VII.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ.

Необходимое рабочее время, т.-е. та часть рабочего дня, в течение которой производится лишь столько стоимости, сколько капитал должен уплатить за товар — рабочую силу, представляет определенную величину; поэтому норма прибавочной стоимости может быть увеличена только путем *удлинения рабочего дня*. Если, например, необходимое рабочее время равно 6 часам в день и оно неизменяемо, что и имеет место при данных условиях производства, то норма прибавочной стоимости может быть увеличена только путем удлинения рабочего дня.

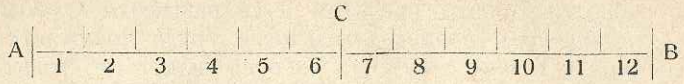
Последствия этой меры, рассмотренные нами в 4-ой главе, показали, что рабочий день не может быть продлен до бесконечности.

Стремления капиталистов увеличить его до крайних пределов встречают *естественные* преграды в истощении рабочего, *моральные* преграды в его притязаниях на некоторую личную свободу и *политические* преграды в ограничении продолжительности рабочего дня государственными законами, издаваемыми под давлением тех или иных общественных условий.

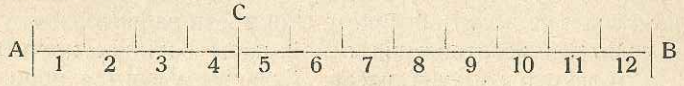
Предположим, что рабочий день достиг таких пределов, дальше которых он не может быть удлинен при существующих условиях, допустим 12 часов в день; необходимое рабочее время составляет, скажем, 6 часов, а норма прибавочной стоимости, следовательно, 100%.

Как увеличить эту норму? Очень просто. Если мы уменьшим необходимое рабочее время с 6 до 4 часов, то время прибавочного труда повысится с 6 до 8 часов; *продолжительность рабочего дня* осталась прежней, но *соотношение* его составных частей — *необходимого и прибавочного труда* — изменилось; вместе с тем изменилась и норма прибавочной стоимости. При сокращении необходимого рабочего времени с 6 до 4 часов и сохранении 12-часового рабочего дня норма прибавочной стоимости повысится со 100% до 200%, т.-е. *удвоится*. Указанный процесс мы можем для большей

наглядности изобразить графически. Допустим, что линия А — В представляет 12-часовой рабочий день, отрезок А — С — необходимое рабочее время, а отрезок С — В — прибавочное рабочее время.

Каким образом можно увеличить отрезок С — В на две единицы длины, не расширив линии А — В? Очевидно, путем сокращения отрезка А — С.

В первом случае отрезок С — В равен отрезку А — С; во втором случае отрезок С — В вдвое больше отрезка А — С.

Таким образом, можно получить прибавочную стоимость не только путем *абсолютного удлинения рабочего дня,* но и *путем относительного сокращения рабочего времени.*

Прибавочную стоимость, созданную путем удлинения рабочего дня, Маркс называет *абсолютной прибавочной стоимостью,* а прибавочную стоимость, возникшую вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответственного изменения относительных величин обеих составных частей рабочего дня, он называет *относительной прибавочной стоимостью.*

В незамаскированной форме стремление капиталиста увеличить прибавочную стоимость вторым путем сказывается в его попытках понизить заработную плату. Но так как стоимость рабочей силы есть при данных условиях величина определенная, то это стремление ведет в случае успеха к тому, что *цена* рабочей силы опускается *ниже ее стоимости.* Хотя это обстоятельство и имеет огромное практическое значение, но мы не будем на нем останавливаться, ибо нас интересуют главным образом *основы* экономического развития, его существо, а не *внешние формы* его проявления. Поэтому, нам придется исходить пока из нормальных условий, предполагая, что цена соответствует стоимости, т.-е. что заработная плата равна стоимости рабочей силы. Мы займемся, следовательно, исследованием не того, каким образом *заработная плата* может опуститься ниже стоимости рабочей силы и к каким последствиям это ведет, а исследованием того, каким образом понижается *стоимость* рабочей силы. У каждого рабочего имеются при данных условиях определенные потребности; для поддержания своих сил и существования своей семьи необходимо определенное количество *потребительных стоимостей.* Эти предметы потребления суть товары, стоимость которых обусловливается общественно-необходимым для их изготовления рабочим временем. Все это нам хорошо известно и не требует дальнейших пояснений.

С уменьшением средне-необходимого для создания указанных предметов потребления рабочего времени понижается также стоимость этих продуктов, а следовательно и стоимость рабочей силы и нужная для ее восстановления часть рабочего дня; обычные потребности рабочего при этом не сокращаются. Отсюда следует: *с повышением производительности труда понижается при определенных условиях стоимость рабочей силы,* — но только при определенных условиях, а именно тогда, когда повышение производительности труда ведет к сокращению рабочего времени, общественно-необходимого для изготовления средств существования, в которых обычно нуждается рабочий. Там, где рабочий привык носить обувь, а не ходить босиком, стоимость рабочей силы уменьшится, если для изготовления одной пары ботинок потребуется не 12, а только 6 рабочих часов. Если же удвоится производительность труда гранильщика алмазов или вязальщицы кружев, то это нисколько не отразится на стоимости рабочей силы.

Но повышение производительности труда возможно только путем *реорганизации* процесса производства, путем улучшения средств и приемов труда. Таким образом, *производство относительной прибавочной стоимости обусловливается коренными изменениями в процессах труда.*

Эти изменения и постоянное усовершенствование способа производства являются насущной потребностью капиталистической системы. Правда, отдельные фабриканты не всегда сознают то, что чем дешевле их продукция, тем ниже стоимость рабочей силы и тем выше, при прочих равных условиях, прибавочная стоимость. Но взаимное соревнование заставляет их постоянно стремиться к улучшению процесса производства. Желая опередить конкурентов, они стараются применить новые методы, которые позволили бы им производить прежнее количество товаров в более короткий срок, чем средне-необходимое рабочее время. Конкуренты вынуждены в свою очередь последовать их примеру. Те исключительно высокие прибыли, которые получали отдельные капиталисты благодаря применению новых методов, исчезали по мере повсеместного распространения этих методов; но поскольку новые приемы вызывали некоторое понижение стоимости предметов первой необходимости, постольку они способствовали тому, что стоимость рабочей силы на *долгое* время уменьшалась, а относительная прибавочная стоимость соответственным образом увеличивалась. Такова одна из причин, в силу которых капиталистическое производство подвергается постоянным изменениям, содействующим увеличению относительной прибавочной стоимости.

С повышением производительной силы труда повышается также норма относительной прибавочной стоимости, в то время как стоимость изготовленных продуктов соответственно понижается. Словом, мы наблюдаем кажущееся противоречие; в погоне за прибавочной стоимостью капиталисты неустанно стремятся

к удешевлению производства, к понижению стоимости своих товаров. Но мы обнаруживаем еще одну мнимую невязку: чем выше производительность труда, тем больше — в условиях капиталистического производства — прибавочный труд, избыточное рабочее время, затрачиваемое рабочими. Капиталисты ставят своей целью — максимальное увеличение производительности труда, уменьшение до минимума необходимого рабочего времени и возможное удлинение рабочего дня.

Как они увеличивали рабочий день, об этом мы говорили в IV главе. Посмотрим теперь, как они сокращали необходимое рабочее время.

ГЛАВА VIII.

КООПЕРАЦИЯ.

В V главе этого отдела мы видели, что недостаточно пользоваться трудом наемных рабочих, чтобы сделаться капиталистом в полном смысле этого слова. Предприниматель, применяющий труд наемных рабочих, становится капиталистом только тогда, когда полученная им масса прибавочной стоимости настолько значительна, что она обеспечивает ему «отвечающий его положению» доход и увеличивает его богатство, освобождая его самого от необходимости трудиться. Но для этого он должен иметь в своем распоряжении некоторое количество рабочих, превышающее ту норму, которая была установлена для цеховых мастеров. «Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда), — говорит Маркс, — для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, *исторически и логически образует исходный пункт капиталистического производства*» [1]).

Следовательно, различие между капиталистическим и ремесленным производством вначале *количественное, а не качественное*. Между работой трех ткачей за тремя станками и работой 30 ткачей за 30 такими же станками, когда обе работы производятся в одном и том же помещении и в одном и том же месте, нет, повидимому, никакой разницы, за исключением лишь того, что во втором случае прибавочная стоимость в 10 раз больше, чем в первом случае.

Но из совместной работы значительного числа рабочих вытекают еще другие различия. Вспомним закон больших чисел, учтем то обстоятельство, что индивидуальные свойства выступают тем ярче, чем меньше людей находится в поле наблюдения; при массовом же наблюдении они почти совсем стушевываются. При вычислении средней продолжительности человеческой жизни мы совершим грубую ошибку, если будем судить на основании данных, относящихся к 5 — 6 лицам, и напротив приблизимся к истине, если будем располагать сведениями о миллионе людей.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 298.

Так, индивидуальные особенности отдельных рабочих при совместной работе становятся более заметными тогда, когда их трое, чем когда их тридцать. В последнем случае бо́льшая работоспособность одних и меньшая работоспособность других погашают друг друга; в результате получается *средний труд*. Эдмунд Бёрк утверждает, что при одновременном использовании труда пяти сельских батраков исчезают все их индивидуальные свойства, и выполняемая ими работа дает такие же результаты, какие получатся при сотрудничестве пяти других батраков, взятых наудачу.

В мелкой мастерской совместная работа подмастерьев может совпасть со средним общественным трудом, но только случайно. В капиталистическом же предприятии мы наблюдаем средний общественный труд *в виде общего правила*. Одновременная работа многих в одном и том же помещении выгодна еще в других отношениях. Мастерская, в которой работают 30 ткачей, не стоит в 10 раз дороже мастерской, в которой работают только 3 ткача; склад на 100 тонн хлопка не стоит в 10 раз дороже склада на 10 тонн хлопка и т. д. Следовательно, стоимость постоянной части капитала, переходящей в продукт, уменьшается, при прочих равных условиях, обратно пропорционально числу рабочих; она тем меньше, чем больше число рабочих, совместно участвующих в определенном трудовом процессе. Одновременно с этим увеличивается прибавочная стоимость по отношению ко всему авансированному капиталу и понижается стоимость продукта, а при известных обстоятельствах, о которых мы говорили в предыдущей главе, уменьшается также стоимость рабочей силы. В последнем случае прибавочная стоимость возрастает и по отношению к переменной части капитала.

Одновременное применение труда многих рабочих в одном и том же месте, с целью достижения определенного результата, называется *целесообразным сотрудничеством, или кооперацией*. Кооперация создает *новую общественную производительную силу*, превосходящую сумму отдельных производительных сил, из которых она слагается, и качественно отличающуюся от нее.

Новая сила прежде всего *массовая сила;* она дает возможность производить такие работы, которые едва выполнимы или совсем невыполнимы с небольшими силами. Тридцать человек легко поднимут в несколько минут срубленное дерево, которое не сдвинут с места три человека, если даже они потратят на это целый день. Кооперация необходима, далее, при выполнении таких работ, которые требуют *концентрации (сосредоточения)* возможно большего количества рабочих рук в сравнительно *небольшой период* времени, например, при уборке урожая.

Но кооперация полезна еще тем, что она *повышает производительность труда*. Каждому известен тот способ, который применяется во время постройки дома при кладке кирпичей: рабочие образуют цепь и передают друг другу один кирпич за другим. Бла-

годаря такому планомерному сотрудничеству кирпичи попадают в верхние этажи гораздо скорее, чем в тех случаях, когда их переносят снизу вверх отдельные рабочие.

Наконец, не следует упускать из виду, что человек—общественное животное, что при совместном труде его силы оживляются, возбуждая в нем тщеславие и стремление к соревнованию. Поэтому общественная работа протекает успешнее и отличается большей производительностью, чем труд обособленных рабочих.

При капиталистическом способе производства наемные рабочие трудятся сообща тогда, когда их рабочие силы куплены одним и тем же капиталистом. Чем больше куплено рабочих сил, тем больше затраченный переменный капитал; чем больше рабочих, тем больше необходимого сырья, орудий труда и т. п., словом, тем больше вложенный в предприятие постоянный капитал. Поэтому размах кооперации зависит от величины капитала, известные размеры которого являются *предпосылкой* капиталистического способа производства.

Кооперация свойственна не только капиталистическому способу производства. Мы знаем, что она существовала еще в первобытных общинах индейцев, которые охотились сообща под *планомерным руководством* наиболее авторитетных представителей общины. Планомерное руководство необходимо при всякой общественной работе, в какой бы форме она ни происходила. При капиталистическом способе производства руководящая роль принадлежит, разумеется, капиталу. И в этом исследовании обнаруживается плодотворность установленного Марксом двойственного характера призводящего товары труда. Соответствуя этому двойственному характеру, процесс капиталистического производства представляет, как мы знаем, единство трудового процесса и процесса увеличения стоимости. В капиталистическом процессе производства, как *трудовом процессе,* капиталист является *руководителем* производства, причем эта функция более или менее необходима при всяком общественном трудовом процессе. В основе же *капиталистического* процесса производства, *как процесса увеличения стоимости,* лежат (мы выяснили это при рассмотрении вопроса о рабочем дне) *противоречия* между интересами труда и капитала. Процесс увеличения стоимости, протекающий при нормальных и благоприятных условиях, требует от рабочего *повиновения деспотической власти* капиталиста. Но процесс увеличения стоимости и трудовой процесс — две стороны одного и того же процесса, капиталистического процесса производства; поэтому руководство производством и деспотическая власть капитала над рабочим нераздельны. Указывая на то, что капиталист должен руководить производством по техническим соображениям, буржуазные экономисты уверяют, что господство капитала над рабочими объясняется техническими условиями и существом дела, что с устранением господства капитала

будет уничтожено и само производство, поскольку оно имеет общественный характер, что господство капитала является общественно-необходимой предпосылкой цивилизации.

Еще Родбертус говорил, что как руководители производства капиталисты — общественные чиновники, и как таковые должны получать от государства жалованье. Подобно тому, как капиталист заботится о создании потребительных стоимостей, не имея возможности иным путем завладеть стоимостями, так и руководство производством является для него печальной необходимостью, с которой он мирится только потому, что она неразрывно связана с процессом увеличения его капитала. Он избавляет себя от указанной необходимости в тех случаях, когда он может это сделать без ущерба для прибавочной стоимости. Если его предприятие достаточно обширно, то он передает свои «общественные полномочия» наемным директорам и их помощникам. Иногда он освобождает себя от обязанности руководить производством другими путями. Так, например, во время хлопчато-бумажного кризиса в Англии, в начале 60-х годов XIX столетия, владельцы текстильных фабрик закрыли свои предприятия и занялись игрой на хлопчато-бумажной бирже, где они выколачивали свое «жалованье». Что же касается утверждения, что капиталистов следует вознаграждать за то, что они руководят производством, то оно заставляет нас вспомнить случай с одним молодым человеком, который заметил за высокой оградой дерево с великолепными яблоками. Яблоки были столь соблазнительны, что юноша, не пожалев своих сил, перелез с большим трудом через ограду и стал срывать яблоки. В эту минуту появился владелец сада и обратился к молодому человеку с вопросом, на каком основании он посягает на чужие яблоки. «Я честно заработал их, — ответил юноша, — они вознаграждают меня за тот труд, который я затратил, перелезая через ограду». Подобно тому как юноше надо было перелезть через ограду, чтобы достать яблоки, так и капиталисту обычно приходится возглавлять производство, чтобы получить прибавочную стоимость.

Мы хотим опровергнуть еще один нелепый взгляд, встречающийся в распространенных учебниках политической экономии. До сих пор мы исходили из того, что капиталист покупает рабочую силу по ее полной стоимости.

Но совокупность этих сил, работающих сообща по заранее установленному плану, создает новую производительную силу, превышающую сумму отдельных сил, из которых она состоит. Этой новой производительной силы капиталист не оплачивает. Она не имеет ничего общего с *товарной стоимостью* рабочей силы, а представляет особенность, присущую ее *потребительной* стоимости, и обнаруживается только в процессе труда, т.-е. после того, как рабочая сила стала уже собственностью капиталиста, *после того, как она превратилась в капитал.* Поэтому капиталисту и его

защитникам кажется, что не она способствовала повышению производительности труда, а *капитал*. «Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочими, пока его труд не принадлежит капиталу, то она кажется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе имманентной капиталу производительной силой» [1]). Мы уже говорили о том, что кооперация свойственна не только капиталистическому способу производства. Общественное, совместное производство существовало еще в эпоху первобытного коммунизма, на заре истории человечества. В грубокой древности земля повсюду возделывалась на кооперативных началах. Распределение земельных участков между отдельными семьями — явление более позднего времени. Мы привели примеры кооперации у индейцев и индусов в первом отделе настоящей книги.

Развитие *товарного* производства уничтожило *первобытную кооперацию*. Правда, под влиянием товарного производства круг лиц, работающих *друг для друга*, расширяется, но зато число лиц, работающих *друг с другом*, почти совершенно исчезает, если только не считать *принудительных форм сотрудничества* — рабства, крепостничества, государственных повинностей.

При капиталистическом производстве, в противоположность крестьянскому хозяйству и ремесленному производству, общественная и совместная работа, кооперация, снова развивается. Кооперация — основная форма капиталистического производства, особая историческая форма товарного производства. Капитал стремится к возможному расширению общественного производства; на почве этой тенденции кооперация совершенствуется, достигая постепенно высших ступеней — мануфактуры и крупной промышленности. Задача капитала заключается в увеличении прибавочной стоимости; но даже помимо своего желания он этим путем расчищает почву для новой, более развитой формы производства.

Ремесленное товарное производство основано на *разрозненности* и *изолированности* каждого предприятия; капиталистическое производство основано, напротив, на *объединении, обобществлении, обобщении* производства. Ремесленное товарное производство предполагает, как правило, наличность множества мелких *самостоятельных* товаропроизводителей; капиталистическое же производство, опирающееся на кооперацию, предполагает неограниченную власть капиталиста над рабочими.

В первом отделе мы видели два примера первобытной кооперации и разделения труда; мы проследили возникновение товарного производства; теперь мы видим развитие капиталистического способа производства, являющегося одновременно и товарным и кооперативным производством.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 310 — 311.

От ремесленного товарного производства капиталистическое товарное производство отличается концентрацией производства и организацией совместного, «общественного труда». С другой стороны, от первобытной коммунистической кооперации капиталистическая кооперация отличается безграничной властью капиталиста; последний является руководителем производства и в то же время собственником средств производства, а также продуктов кооперативного труда, которые в первобытной кооперации принадлежат самим трудящимся.

ГЛАВА IX.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА.

1. Двоякое происхождение мануфактуры.

Ее элементы: частичный рабочий и его орудие.

В первом отделе настоящей книги, при изложении основ экономического учения Маркса, мы ссылались, на-ряду с «Капиталом», главным образом на его труд «К критике политической экономии» и отчасти на его статью «Наемный труд и капитал». Что же касается этой и следующей главы, в которых идет речь сперва о разделении труда и мануфактуры, а затем о машинах и крупной промышленности, то здесь, кроме «Капитала», мы пользовались сочинением Маркса «Нищета философии» [1]), в особенности вторым параграфом второй главы (стр. 110 — 130), носящим заглавие: «Разделение труда и машины».

Материал, освещающий отрицательные стороны разделения труда в капиталистической мануфактуре, изложен в «Нищете философии» гораздо полнее, чем в «Капитале». § 2 упомянутого сочинения является, таким образом, не только первоисточником обеих интересующих нас в данный момент глав «Капитала», но и дополнением к ним. Эти главы принадлежат к наилучшим страницам из всего того, что написал Маркс, но, к сожалению, они не были оценены по достоинству большинством читателей «Капитала» [2]).

Рассмотрим прежде всего мануфактуру — «ту промышленность, которая еще не достигла уровня развития современной крупной промышленности, с ее машинами, но которая уже переросла средневековую и кустарную промышленность» [3]). Как харак-

---

[1]) Это сочинение переведено с французского языка на немецкий и появилось в Германии в издании Дица под названием «Das Elend der Philosophie» (2-е издание, 1892 г., цитаты и указания на страницы будут относиться к этому изданию).

[2]) Густав Гросс принадлежит к числу немногих, правильно оценивших эти главы; см. его сочинение о Марксе, Лейпциг, 1885, стр. 82.

[3]) «Нищета философии», немецк. изд., стр. 121.

терная форма капиталистического производства она господствовала приблизительно с середины XVI до конца XVIII столетия [1]).

Мануфактура развилась из ремесленного производства двояким путем. С одной стороны, капиталист натолкнулся на такое обстоятельство, что один и тот же продукт проходил в процессе его изготовления через руки целого ряда ремесленников различных специальностей. Так, например, карета последовательно переходила от каретника к шорнику, слесарю, маляру, стекольщику и т. д. Вместо этих различных самостоятельных ремесленников капиталист взял наемных рабочих соответственных отраслей труда, разместил их в общей мастерской и заставил их сообща изготовлять кареты по заранее намеченному им плану.

Но мануфактура развивалась и противоположным путем. Капиталист объединял в общей мастерской ряд рабочих, изготовлявших один и тот же продукт, например, иголки; каждый из них работал самостоятельно, т.-е. выполнял последовательно *все* операции, необходимые для изготовления продукта в законченном виде. При значительном числе рабочих, трудившихся сообща в указанных условиях, возникла естественная необходимость *разделить* весь процесс изготовления продуктов на ряд отдельных операций, поручаемых различным рабочим.

Итак, с одной стороны, мануфактура возникла путем *объединения* различных самостоятельных ремесл, а с другой стороны, путем *разделения* данного ремесла на обособленные операции, которые выполнялись различными рабочими.

Но независимо от того, была ли выполняемая мануфактурным рабочим операция раньше самостоятельным ремеслом или она возникла благодаря разложению ремесла на отдельные стадии, ремесло всегда составляло основу мануфактуры не только в историческом, но и в техническом отношении. Непременное условие мануфактуры заключается в том, что каждая отдельная операция должна выполняться *человеческой рукой;* в мануфактуре, как и в ремесле, успешность работы зависит от ловкости, меткости и подвижности каждого рабочего.

Но между ремесленником и мануфактурным рабочим все же существует огромная разница. Первый выполняет самые разнообразные операции; второй же постоянно, изо дня в день, из года в год, занят одной и той же несложной, однообразной работой. Мануфактурный рабочий — не самостоятельный производитель,

---

[1]) Слово «мануфактура» происходит от латинских слов «manus» (рука и «factus» (сделанный, изготовленный). Одной из важнейших отраслей промышленности, которыми завладела мануфактура, была обработка волокнистых веществ — хлопка, шерсти и т. п. Поэтому текстильные фабрики до сего времени нередко называются мануфактурными, хотя они пользуются машинами и вообще принадлежат к числу предприятий крупной промышленности. Это словоупотребление неправильное.

стремящийся к определенной цели, а только беспомощный сам по себе винтик огромного рабочего механизма, так сказать, частица коллективного рабочего.

Но узкая специализация имеет и свои положительные стороны. Рабочий, сосредоточивший свою деятельность в сравнительно узкой области, совершенствуется очень быстро, изобретает новые приемы, обучает этим приемам своих товарищей по работе, а они, в свою очередь, делятся с ним своим опытом. Перемена места и орудий труда, неизбежная при разнообразной работе, связана с лишней затратой времени и рабочей силы; в мануфактуре же это обстоятельство отпадает, так как частичный рабочий работает беспрерывно на одном и том же месте и пользуется одним и тем же инструментом. С другой стороны, разнообразный труд вызывает прилив энергии и благотворно действует на настроение рабочего; этого лишен мануфактурный рабочий.

Разделение труда в мануфактуре не только развивает сноровку рабочего до пределов виртуозности, но и содействует усовершенствованию его *орудий*. Инструменты, употребляемые при различных операциях, не могут быть столь пригодны для каждой отдельной операции, как инструменты, специально предназначенные для одной определенной операции. Применение последних несомненно повышает успешность работы.

Все эти обстоятельства вызывают значительное увеличение производительности труда в мануфактуре по сравнению с ремесленным производством.

2. Две основные формы мануфактуры.

Мы рассмотрели двоякий источник происхождения мануфактуры и ее простые элементы — частичного рабочего и его орудия. Обратимся теперь к ее общему механизму.

Мануфактура распадается на две основные формы, существенно отличающиеся друг от друга и вытекающие из той или иной природы продукта. Последний получается либо путем чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов, либо посредством ряда связанных между собой процессов и манипуляций, последовательно совершаемых над одним и тем же предметом труда.

Поясним каждую из этих двух основных форм мануфактуры примерами, заимствованными у двух знаменитых экономистов — Петти и Адама Смита. Вильям Петти берет для иллюстрации разделения труда в мануфактуре *производство часов,* представляющее первую форму мануфактуры. При ремесленном способе изготовления часы были продуктом труда одного мастера, выделывавшего их с начала до конца. Но с тех пор, как фабрикация часов перешла к капиталистическим предприятиям, изготовлением отдельных частей часового механизма и их сборкой стали заниматься детальные рабочие; один выделывает пружины, другой — циферблат,

третий — стрелки, четвертый — колеса, пятый — маятник и т. д.; специальное лицо собирает отдельные части часового механизма в одно целое и пускает его в ход.

Примером второй основной формы мануфактуры может служить фабрикация булавок, которую описывает Адам Смит в своей книге «Богатство народов» («Wealhof nations», гл. I). «Один, — говорит он, — тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий разрезает ее на части, четвертый заостряет ее с одного конца, пятый шлифует противоположный конец, к которому приделывается головка. Изготовление самой булавочной головки требует от двух до трех различных операций; насадить ее на иголку — отдельная операция; поникелировать булавку — тоже отдельная операция, воткнуть булавки в бумажку — опять-таки самостоятельная отрасль труда. Таким образом, изготовление булавок расчленяется на 18 изолированных друг от друга операций, из коих каждая на некоторых фабриках поручается отдельному рабочему».

Одна и та же проволока последовательно проходит через руки различных детальных рабочих; но все они работают одновременно. В мануфактурном предприятии, изготовляющем булавки, одновременно тянут проволоку, выпрямляют ее, режут на части, заостряют и т. д., словом, все те различные операции, которые ремесленник проделывает в *последовательном* порядке, выполняются в мануфактурном предприятии *в одно и то же время*. Это обстоятельство способствует увеличению количества производимых в данный промежуток времени готовых продуктов. По сравнению с ремесленным производством мануфактура имеет преимущество также в том отношении, что она повышает производительность труда. Эта особенность вытекает из кооперативного характера мануфактуры. Но мануфактуре, какова бы ни была ее форма, присущ один недостаток (его устраняет только крупная промышленность), заключающийся в том, что в процессе изготовления продукт или его составные части *переходят* из рук в руки; этот переход ведет к потере времени и труда.

Переход выделываемого продукта от одного рабочего к другому создает такое положение, при котором рабочий одной специальности доставляет рабочему другой специальности *сырой материал*, следовательно, один рабочий непосредственно дает работу другим. Так, напр., рабочий, насаживающий булавочные головки на иголки, не может приступить к делу, если ему не даны в достаточном количестве нарезанные куски проволоки, соответственным образом обработанные. Поэтому безостановочное течение всего процесса производства требует точного выяснения необходимого для изготовления продукта рабочего времени применительно к каждой частичной операции и количественного соотношения рабочих всех специальностей. Если, например, резальщик проволоки режет в час в среднем 1000 иголок; между тем, как насаживающий булавочные головки на иголки пропускает в то же время

только 200 иголок, то для беспрерывности процесса изготовления булавок необходимо иметь на каждые 10 рабочих второй специальности 2 рабочих первой специальности. С другой стороны, если капиталист нанимает резальщика проволоки, то он должен одновременно обеспечить работою пять рабочих, насаживающих головки; в противном случае рабочая сила резальщика проволоки не может быть использована полностью. Следовательно, при расширении предприятия капиталист не может произвольно увеличить число своих рабочих. Если он вновь пригласит одного резальщика и в то же самое время увеличит число рабочих, насаживающих булавочные головки на 3 — 4 человека, а не на 5, то это будет для него невыгодно.

Товарное производство требует, как известно, чтобы товар изготовлялся в общественно-необходимое время. Это требование возникает на почве *конкуренции,* но по мере развития капиталистической мануфактуры оно становится и *технической* необходимостью. Если ремесленник работает быстрее или медленнее, чем общественно-необходимо, то это так или иначе отражается на его заработке, но нисколько не препятствует его работе. В капиталистической мануфактуре весь трудовой процесс останавливается, если в какой-либо отрасли частичного труда производство отклоняется от установленной нормы. Но выше мы выяснили, что при одновременном использовании значительного числа рабочих, производящих один и тот же продукт, их труд превращается в средний труд. Это преимущество простой кооперации становится необходимым условием мануфактурного производства.

Итак, только при капиталистическом способе производства *отдельный производитель товаров* (капиталист) употребляет на их изготовление общественно-необходимое среднее рабочее время, и у него нет иного выхода. Только при капиталистическом производстве закон товарной стоимости достигает высших ступеней своего развития.

В период мануфактурного производства появились *машины,* но они играли тогда лишь второстепенную роль. Главная машина мануфактуры — коллективный рабочий, состоящий из целого ряда детальных рабочих. Детальный рабочий, это — часть машины, действующая столь же регулярно и беспрерывно, как и вся машина. Подобно тому, как в любой машине различают более и менее сложные части, так и отдельные детальные работы требуют более и менее квалифицированных специалистов, рабочая сила которых имеет далеко не одинаковую стоимость. Когда производство булавок велось еще ремесленным способом, все подмастерья имели одинаковую подготовку; поэтому стоимость их рабочей силы была в общем одинакова и притом относительно велика. Когда же булавки стали изготовлять мануфактурным способом, то производство их распалось на ряд детальных работ, из которых одни требовали большей сноровки, а другие совсем незначительного

упражнения. Понятно, что рабочая сила тех, кто специализировался в своей области долгое время, стоила больше, чем рабочая сила тех, кто имел менее сложную специальность. В связи с этим возникла «иерархия (система ступеней) [1]) рабочих сил, которой соответствует лестница заработных плат».

На низшей ступени этой лестницы стоят те, работа которых не требует никакого навыка и никакой подготовки. Такие простые работы встречаются во всяком процессе производства. Ремесленник выполняет попеременно то сложные, то простые операции; в мануфактуре несложными работами систематически занимаются определенные группы людей, принадлежащие к категории чернорабочих. Между чернорабочими и квалифицированными рабочими проводится резкое различие.

Почти каждый мануфактурный рабочий затрачивает на свое обучение меньше времени, чем ремесленник той же отрасли промышленности. Последний должен специализироваться во *всех* операциях, необходимых для изготовления продукта его ремесла в законченном виде; напротив, мануфактурный рабочий должен

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 328.

Нижеследующая таблица, заимствованная у Babbage («On the Economy of Machinery and Manufacture», Лондон, 1835, XXIV, стр. 184), наглядно показывает иерархическое расчленение отдельных ступеней заработной платы и техническую необходимость пропорционального распределения рабочих применительно к каждой отдельной операции и соблюдения средне-необходимого рабочего времени. В таблице использованы данные небольшой булавочной мануфактуры, относящиеся к началу XIX столетия:

Наименование операции.	Число рабочих.	Поденная плата.
Вытягивание проволоки . . .	1 мужчина	3 шил. 3 пенса.
Выпрямление проволоки . .	1 женщина 1 девушка	1 шил. — — 6 пенсов.
Заострение конца	1 мужчина	5 шил. 3 пенса.
Изготовление головки . . .	1 мужчина 1 мальчик	5 шил. $4^1/_2$ пенса. — $4^1/_2$ пенса.
Насаживание головки	1 женщина	1 шил. 3 пенса.
Никелирование булавки . .	1 мужчина 1 женщина	6 шил. — 3 шил. —
Втыкание булавок в бумагу .	1 женщина	1 шил. 6 пенсов.

Следовательно, размер поденной платы колеблется от $4^1/_2$ пенсов (18 коп.) до 6 шиллингов (3 руб.).

*

знать только одну или несколько таких операций. Чернорабочий ничего не расходует на обучение.

Таким образом мануфактура ведет к понижению стоимости рабочей силы, а следовательно, и к уменьшению рабочего времени, необходимого для поддержания рабочего; в связи с этим удлиняется (поскольку не изменилась продолжительность рабочего дня) время прибавочного труда, и увеличивается относительная прибавочная стоимость.

Но мануфактура калечит рабочего физически и морально; труд теряет для него всякий смысл, всякий интерес, а он сам становится придатком к капиталу.

ГЛАВА X.

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1. Развитие машин.

Хотя разделение труда в мануфактуре и привело к изменению характера ремесла, но не уничтожило последнего. Ремесленная сноровка составляет в общем основу мануфактурного производства; благодаря ей детальные рабочие, несмотря на свою узкую специализацию, все же пользуются некоторой *самостоятельностью* по отношению к капиталисту. Их нельзя заменить другими рабочими в любой момент без ущерба для всего процесса производства. Сами мануфактурные рабочие прекрасно понимают это свое преимущество и прилагают все усилия к тому, чтобы сохранить за мануфактурой ее ремесленный характер и поддержать существование ее вспомогательных институтов, например, ученичества. Еще в настоящее время мы наблюдаем подобное стремление в *тех* отраслях промышленности, где преобладает мануфактурное производство; это стремление в значительной мере содействовало успеху профессионального движения.

Но что одному здорово, то для другого смерть. «В течение всего мануфактурного периода, — говорит Маркс, — не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих. И если бы даже у нас не было показаний со стороны писателей этой эпохи, то для нас достаточно было бы тех простых фактов, что, начиная с XVI столетия и вплоть до возникновения крупной промышленности, *капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий,* что мануфактуры вообще недолговечны и вместе с *эмиграцией или иммиграцией* рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой. Уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки» [1]). После этого не трудно понять грустное восклицание анонимного автора появившегося в 1771 г. памфлета: «Рабочие не должны считать себя независимыми от своих принципалов... Порядок должен быть установлен тем или иным способом».

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 347.

И порядок был на самом деле установлен. Сама мануфактура подготовила для него почву. Она вызвала к жизни иерархически расчлененную мастерскую для изготовления сложных рабочих инструментов, «продукт мануфактурного разделения труда в свою очередь производил *машины*» [1]), а машины нанесли господству ремесленного труда смертельный удар.

Чем отличается машина от ремесленного инструмента, каким образом орудие труда превратилось из инструмента в машину? Машина, это—такой «*механизм», который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями*» [2]). Исходит ли движущая сила от человека или же в свою очередь от машины, это нисколько не изменяет существа дела. Существует ошибочный взгляд, будто машина тем отличается от инструмента, что она приводится в движение не человеком, а животными и различными силами природы — водой, ветром и т. п. Применение этих двигательных сил относится к гораздо более древней эпохе, чем применение машин; достаточно вспомнить использование волов и лошадей при запашке земли плугом. Животные, ветер, водопады и т. д., как известно, служили человеку двигательной силой (например при вращении вала мельницы, при приведении в действие насосов и т. п.) с древнейших времен, но это не произвело революции в способе производства; даже *паровая машина* в том виде, как она была изобретена в конце XVIII века, не вызвала никакой промышленной революции. Но такая революция действительно произошла, когда была изобретена первая рабочая машина, имевшая для промышленности крупное значение—прядильная машина.

Нет ничего нелепее сказки о том, что сила пара была открыта во время случайного наблюдения над кипением воды в чайнике. Сила водяного пара была известна грекам примерно около двух тысяч лет тому назад, но они не знали, где и как ее можно применить; впоследствии этой силой пользовались при устройстве различных механических игрушек. Но изобретение *паровой машины* было результатом направленной к определенной цели *умственной работы,* опиравшейся на предшествовавшие ей попытки; оно оказалось возможным только тогда, когда мануфактура создала необходимые для этого *технические предпосылки,* главным образом, достаточное число опытных рабочих-механиков. Но, кроме того, нужно было, чтобы потребность в новых двигательных силах вызвала *стремление* к их изобретению [3]). Толчок к этому дала *рабочая машина.* Для приведения в действие рабочей машины потребовалась более сильная, более *равномерная* двигательная сила, чем

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 347.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 351.
[3]) На вопрос: «Что такое изобретение?» — Гёте остроумно отвечает: «осуществление искомого».

те силы, которыми пользовались раньше. *Человек* представляет крайне несовершенное средство для производства *однообразного и непрерывного* движения; затем, его сила очень незначительна. Лошадь сильнее человека, но она дорога, может применяться на фабриках лишь в ограниченных размерах и обладает дурным свойством: у нее есть своя собственная голова, она нередко капризничает. Что касается *ветра,* то он слишком *непостоянен и не поддается контролю. Водяная сила,* широко применявшаяся в мануфактурный период, также представляла значительные неудобства; ее нельзя было увеличивать по желанию, в известные времена года она истощалась и, главное, она была *связана с определенным местом.* Только тогда, когда *Джемс Уатт,* после долгих усилий, изобрел свою вторую, так называемую *паровую машину двойного действия* (над своим изобретением он работал в обширных мастерских своего компаньона Бультона, предоставившего ему все технические силы и денежные средства, в которых он нуждался для осуществления своих проектов), «был найден двигатель, который, потребляя уголь и воду, *сам развивает свою двигательную силу,* и действия которого находятся всецело *под контролем человека.* Двигатель, будучи средством движения, и сам подвижен; он позволяет *концентрировать производство* в городах, вместо того, чтобы рассеивать его в деревне. Наконец, он *универсален* по своему *техническому* применению» [1]). Вполне понятно, что усовершенствование двигателя в свою очередь способствовало дальнейшему развитию рабочей машины.

«Всякая вполне развитая машина состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, трансмиссии (передаточного механизма) и, наконец, исполнительного механизма, или собственно рабочей машины. *Двигательный механизм* действует как *движущая сила всей машины. Передаточный механизм,* состоящий из маховых колес, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, *регулирует* движение, *изменяет,* если это необходимо, *его форму,* напр., превращает перпендикулярное движение в круговое, *распределяет* его и *переносит* на исполнительные механизмы. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходила как раз из этой части машины, от исполнительного механизма. И теперь он снова является исходным пунктом переворотов во всех случаях, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное.

Если мы присмотримся ближе к исполнительному механизму или собственно рабочей машине, то мы увидим, что или вся машина

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 354 — 355.

представляет лишь более или менее измененное механическое издание старого ремесленного инструмента, как в случае с механическим ткацким станком, или прилаженные к корпусу рабочей машины действующие органы являются старыми знакомыми, как веретено у прядильной машины, спицы у чулочно-вязальной машины, ножи у резальной машины и т. д. . . *Количество же орудий,* которые одновременно приводит в действие одна и та же рабочая машина, с самого начала освобождается от тех ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего» [1]).

Но в виду того, что благодаря целесообразному устройству передаточного механизма (с ответвлениями для каждой рабочей машины или для ряда машин) один двигатель может приводить в движение много рабочих машин одновременно, отдельная рабочая машина низводится до степени простого *элемента* машинного производства. Если одна и та же рабочая машина (например, механический ткацкий станок) окончательно изготовляет продукт, то в мастерской, построенной на машинном производстве, т.-е. *на фабрике,* неизменно осуществляется *простая кооперация, скопление в одном и том же помещении известного числа одновременно и совместно действующих однородных рабочих машин* (рабочих мы здесь пока оставляем в стороне). Но тут существует *техническое единство,* так как все эти машины *одновременно и равномерно* получают свое движение от *одного* общего двигателя; они лишь органы одного и того же двигательного механизма.

«Система машин в собственном смысле этого слова заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит *последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов,* которые выполняются цепью *разнородных, но дополняющих друг друга* рабочих машин. Здесь перед нами вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на *разделении труда,* но теперь она представляет уже *сочетание* детальных рабочих машин. . . Каждая детальная машина доставляет непосредственно следующей за ней сырой материал. . . Как в мануфактуре непосредственная кооперация создает определенные количественные отношения между отдельными группами рабочих, так и в расчлененной системе машин для того, чтобы одни детальные машины непрерывно давали работу другим детальным машинам, необходимо *определенное отношение* между их *количеством, размером и быстротой.* Эта комбинированная рабочая машина тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т.-е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы производства, следовательно, *чем в большей мере передвигается он от одной фазы производства к другой* не рукой человека, а *самим механизмом*» [2]). Комбини-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 350 — 351.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 357 — 358.

рованная машина, выполняющая все необходимые для обработки сырого материала операции без помощи человека, под его только наблюдением, представляет *автоматическую систему машин*. Но и последняя может постоянно совершенствоваться в отношении тех или иных деталей; об этом свидетельствует, например, приспособление, автоматически останавливающее прядильную машину, как только оборвется хотя бы одна нитка. В качестве примера как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа Маркс указывает на современную писчебумажную фабрику.

Изобретение паровой машины и другие открытия того времени в области машиностроения могли получить осуществление только благодаря тому, что мануфактурный период подготовил значительное число квалифицированных рабочих-механиков, мануфактурных детальных рабочих и самостоятельных ремесленников, труд которых можно было с успехом использовать при постройке машины. Первые машины были изготовлены в ремесленных или мануфактурных предприятиях.

Помимо того, что изготовление машин зависело от *индивидуальных качеств* и *индивидуальных* способностей рабочих высшей квалификации и обходилось, поэтому, очень дорого (обстоятельство, имеющее для капиталиста огромное значение), — широкому применению машин и развитию крупной промышленности препятствовала малочисленность рабочих-механиков, контингент которых, вследствие сложности их специальности, увеличивался очень медленно.

Но на известной ступени своего развития крупная промышленность натолкнулась и на технические препятствия, вытекавшие из ее ремесленного и мануфактурного основания. Каждое усовершенствование машины, изменение ее размера, ее отклонение от ремесленного образца, первоначально всецело определявшего ее конструкцию, употребление более пригодного, но зато труднее поддающегося обработке материала, например, железа вместо дерева — вот те преграды, которых не могла преодолеть даже мануфактура с ее усовершенствованной системой разделения труда. Мануфактура, — указывает Маркс, — не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок, современный паровой токарный станок и современная чесальная машина.

С другой стороны, переворот в способе производства одной отрасли промышленности влечет за собой переворот в целом ряде других, тесно связанных с ней отраслей промышленности. «Так, например машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а они оба вместе сделали необходимой механически-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах... *Революция в способе производства* промышленности и земледелия сделала необходимой *революцию* в общих условиях общественно-производственного процесса, т.-е. в *средствах*

сношений и транспорта» [1]). Крупная промышленность с лихорадочным темпом развития ее производства нуждается в средствах быстрой доставки сырья, переброски огромных количеств продуктов на рынки, привлечения и обратной отправки, в зависимости от ее потребностей, большого числа рабочих и т. д. Все это вызвало переворот в судостроении, привело к замене парусных кораблей пароходами, шоссейных путей—железными дорогами, гонцов—телеграфом. «Огромные же массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь, требовали таких циклопических (грандиозных) машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах» [2]).

Итак, крупная промышленность сама должна была создать подходящую для нее основу, а именно завладеть машиной, чтобы производить с ее помощью другие машины. Только благодаря рабочим машинам техника могла выполнить те исполинские задачи, которые возлагало на нее машиностроение. «Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом производить необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Henry Mandsley разрешил эту проблему изобретением «slide rest», который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины [3]). Таким образом удалось производить геометрические формы отдельных машин «с такой степенью легкости, точности и быстротой, которой никакой опыт не мог бы доставить руке искуснейшего рабочего» [4]).

О чудовищных размерах, применяемых при машиностроении, не приходится распространяться. Кто не слыхал о гигантских произведениях наших машиностроительных заводов, о колоссальных паровых молотах, в 6 тонн весом, шутя превращающих в порошок гранитные глыбы и в то же время пригодных для легчайших, точно рассчитанных ударов? Каждый день приносит нам известия о новых успехах машиностроения, о новом расширении области применения машин.

В мануфактуре разделение труда было по преимуществу субъективное: каждая частичная операция была приурочена к *инди-*

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 361.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 362.
[3]) «Капитал», т. I, стр. 362—363.
[4]) «The Industry of Nations», Лондон, 1855, т. II, стр. 239. Маркс цитирует следующее место из указанного источника по поводу открытия «slide rest'a». «Как бы прост и на первый взгляд малозначителен ни казался этот придаток к станку, без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как влияние, вызванное усовершенствованиями Уатта в самой паровой машине». — «Капитал», т. I стр. 363, примеч. 105.

видуальным свойствам рабочего. Крупная же промышленность отличается вполне *объективным* производственным организмом, который готовым противостоит рабочему и к которому поэтому последний должен приспособляться. Кооперация, вытеснение обособленного рабочего коллективным рабочим, уже не представляется случайной: «кооперативный характер процесса труда становится здесь *технической необходимостью, которая диктуется природой самого средства труда*» [1]).

2. Перенесение стоимости машины на продукт.

Машина, как и простой инструмент, составляет часть постоянного капитала. Она не создает стоимости, а лишь переносит свою собственную стоимость на продукт; в каждом отдельном случае она переносит на продукт ту часть своей стоимости, которую она утрачивает вследствие изнашивания.

Таким образом, машины всегда *целиком* участвуют в *процессе труда* и только *частично* в *процессе образования стоимости*. То же самое происходит и с инструментом, но разница между первоначальной полной стоимостью машины и той *частью* стоимости, которую она переносит на продукт, *гораздо больше*, чем соответственная разница у инструмента: во-первых, машина изготовлена из более прочного материала и более долговечна, чем инструмент; во-вторых, ее применение, регулируемое строго научными законами, делает возможной *большую экономию* в расходовании ее частей и потребляемых ею вспомогательных материалов (масла, угля и т. д.); наконец, в-третьих, поле деятельности у нее несравненно шире, чем у инструмента.

При данном отношении между стоимостью машины и той частью стоимости, которую она ежедневно переносит на свой продукт, та степень, в которой эта часть стоимости удорожает продукт, зависит прежде всего от количества произведенного продукта. В докладе, прочитанном в 1858 г. некиим Baynes из Блэкберна, указывалось, что «каждая реальная механическая лошадиная сила [2]) приводит в движение 450 автоматически мюльных веретен или 200 тростильных веретен или 15 механических ткацких станков для 40-дюймовой ткани» и т. д. Следовательно, ежедневный расход одной паровой лошадиной силы и изнашивание приводимых ею в движение машин распределяются в первом случае на ежедневный продукт 450 мюльных веретен, во втором случае на ежедневный

[1]) «Капитал», т. I, стр. 364.

[2]) К словам «реальная лошадиная сила» Энгельс в примечании к 3-му изданию «Капитала» дает следующее пояснение: «Одна лошадиная сила равна силе 33.000 футо-фунтов в минуту, т.-е. силе, которая в 1 минуту поднимает 33.000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фунт на 33.000 футов. Это и есть та лошадиная сила, о которой выше идет речь». — «Капитал», т. I, стр. 366, примеч. 109-а.

продукт 200 тростильных веретен, в третьем случае на ежедневный продукт 15 механических ткацких станков. Благодаря этому на унцию пряжи или на метр ткани переносится лишь ничтожная часть стоимости машины.

В определенной *сфере деятельности рабочей машины,* т.-е. при определенном числе ее орудий или, если дело идет о силе (как, например, у парового молота); при определенной ее величине — количество производимых ею продуктов определяется *скоростью* ее движения.

«Если дана та пропорция, в которой стоимость машины переносится на продукт, то величина этой части стоимости зависит от величины стоимости самой машины. Чем меньше труда она сама содержит, тем меньше стоимости она присоединяет к продукту. Ясно, что если производство известной машины стоит такого же количества труда, какое сберегается ее применением, то происходит просто перемещение труда и производительность труда не увеличивается... Производительность машины измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу» [1]). Следовательно, принципу машинного производства нисколько не противоречит то обстоятельство, что при машинном продукте, по сравнению с товарами ремесленного или мануфактурного производства, та составная часть стоимости, которую *средство труда* переносит на продукт, *относительно* (т.-е. по отношению к общей стоимости продукта) увеличивается, но абсолютно уменьшается.

«Если рассматривать машину исключительно, как средство *удешевления продукта,* то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением. Однако, для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не *применяемый труд,* а только *стоимость применяемой рабочей силы,* то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между *стоимостью машины* и *общей стоимостью замещаемой ею рабочей силы*» [2]). Но в виду того, что действительная заработная плата рабочего то падает ниже, то поднимается выше стоимости его рабочей силы и в различных странах, в различные эпохи и в различных отраслях промышленности неодинакова, решающее значение имеет *разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы.* Только эта разница влияет на капиталиста при посредстве принудительных законов конкуренции. Она объясняет нам также тот факт, что машины, оказавшиеся выгодными в одной стране, совершенно не применяются в других странах. В Америке при обработке камней употребляются машины, а в Старом Свете ими не пользуются,

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 368 — 369.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 371.

потому что пролетарии, выполняющие эту работу, получают столь низкую заработную плату, что применение машин сильно увеличило бы издержки производства в ущерб капиталисту. Вообще низкая заработная плата препятствует распространению машин и тормозит в этом смысле общественное развитие.

Только в новом обществе, которое устранит все противоречия между трудом и капиталом, машины найдут самое широкое применение.

3. Ближайшее воздействие машинного производства на рабочих.

«Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять *рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием,* но с более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Таким образом это мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство *увеличивать число наемных рабочих,* подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи, без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных нравами пределах, для нужд самой семьи» [1]).

Такое положение вещей не могло не оказать рокового влияния на экономические, социальные и моральные условия жизни рабочего класса.

Прежде стоимость рабочей силы определялась рабочим временем, которое было необходимо для поддержания существования не только отдельного взрослого рабочего, но и *всей рабочей семьи.* Когда же на рынок труда были выброшены жены и дети рабочих, стоимость рабочей силы мужчины стала распределяться между всеми членами его семьи, а вслед за понижением *стоимости рабочей силы* немедленно последовало и понижение ее *цены,* т.-е. *заработной платы.* Вместо одного отца постепенно все члены семьи должны были, чтобы не погибнуть голодной смертью, работать по найму у капиталиста, доставляя ему не только труд, но и *прибавочный труд.* Таким образом, машина увеличивает не только материал для эксплоатации, но и *степень эксплоатации.*

Некоторое номинальное увеличение общего заработка рабочей семьи, разумеется, этим не исключается. Если теперь, кроме отца, работают еще мать и двое детей, то в большинстве случаев общий заработок семьи превысит прежний заработок одного отца. *Но расходы на приобретение средств существования для рабочей семьи увеличатся.* Машинное производство вводит бо́льшую хозяй-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 373.

ственность на *фабрике,* но в то же время оно наносит смертельный удар *домашнему* хозяйству рабочего. Фабричная работница не может оставаться одновременно и домашней хозяйкой, не может соблюдать целесообразную экономию в использовании средств существования.

Прежде рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой, по крайней мере формально, он мог свободно распоряжаться. Теперь он становится работорговцем и продает свою жену и своих детей фабрике. Когда фарисействующий капиталист публично осуждает подобное «зверство», то в эту минуту он забывает, что он сам создал почву для него, широко пользуется им и стремится его увековечить под громким названием «свободы труда». Толкам о «зверстве» рабочих-родителей противоречит тот *знаменательный* факт, что ограничения в области применения женского и детского труда на английских фабриках были отвоеваны у капиталистов взрослыми рабочими.

Маркс приводит многочисленные примеры чрезвычайно вредного влияния фабричного труда на женщин и детей. Отсылая читателя к этим примерам [1]), мы приведем здесь более новые данные, заимствованные из книги *Зингера* «Untersuchungen über die sozialen Zustände in den Fabrikbezirken des nordostlichen Böhmen». (Исследование социальных условий в фабричных округах северо-восточной Богемии», Лейпциг, 1885.) Данные, приведенные в этой книге, позволяют нам сравнить статистические сведения о средней смертности детей в стране, не имеющей крупной промышленности, в *Норвегии,* с соответственными сведениями, относящимися к некоторым округам *северо-восточной Богемии,* где крупная промышленность сильно развита, а законодательная охрана труда рабочих к моменту выхода в свет упомянутой книги отсутствовала.

В *Норвегии* в течение 1866 — 1874 г.г. на 10.000 родившихся живыми детей обоего пола моложе 1 года приходилось 1063 смертных случая, а в различных округах северо-восточной Богемии от 3026 до 4130 смертных случаев.

Таким образом, смертность грудных младенцев в фабричных округах в *три-четыре раза больше,* чем в «отсталой в культурном отношении» Норвегии. Бо́льшую смертность детей в промышленных округах нельзя объяснить, как это обычно утверждают мальтузианцы, чрезмерной плодовитостью населения. Напротив, число рождений в указанных округах Богемии очень незначительно: по данным, сообщаемым Зингером, на 1.000 жителей приходится ежегодно в этих округах всего лишь 35 новорожденных, тогда как в Германии — 42, а во всей Австрии — 40.

На-ряду с физическим и моральным вырождением, превращение незрелых людей в простые машины для фабрикации прибавочной стоимости вызывало и *умственное одичание,* резко отличающееся

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 443 — 453.

от обыкновенного невежества, «которое оставляет ум невозделанным, не причиняя вреда его способности к развитию [1]).

Привлечение женщин и детей на фабрики, присоединение их к комбинированному рабочему персоналу, обслуживающему машины, имеет и «благодетельную» (с точки зрения капиталистов) сторону: оно позволяет сломить то сопротивление, которое в мануфактуре мужчины-рабочие оказывали деспотизму капитала.

Какова цель машинного производства, зачем капиталист применяет машины? Чтобы облегчить труд своих рабочих? Ничуть не бывало. Цель машинного производства — удешевить товары посредством повышения *производительности труда* и увеличить часть рабочего дня, затрачиваемую на создание *прибавочной стоимости* путем уменьшения другой части рабочего дня, необходимой рабочему для воспроизводства стоимости своей рабочей силы.

Мы уже говорили, что машина тем производительнее, чем меньше та часть ее стоимости, которую они переносят на определенное количество продуктов, а эта часть тем меньше, чем больше масса произведенных машиной продуктов; масса же произведенных продуктов тем больше, чем продолжительнее период деятельности машины. Для капиталиста не безразлично, составляет ли этот «рабочий период» его машины, скажем, 15 лет при 8-часовой ежедневной работе или $7^1/_2$ лет при 16-часовой ежедневной работе. С математической точки зрения время использования машины в обоих случаях одинаковое; но капиталист делает другой расчет.

Он рассуждает так:

Во-первых: в $7^1/_2$ лет при 16-часовой работе машина перенесет на весь произведенный за это время продукт такую же стоимость, как в 15 лет при 8-часовой работе; но в первом случае она воспроизведет свою стоимость в два раза скорее, чем во втором, и это дает мне приятную возможность извлечь в первом случае за $7^1/_2$ лет такую же прибавочную стоимость, какую во втором случае я получил бы только за 15 лет.

Во-вторых: моя машина изнашивается не только тогда, когда она в ходу, но и тогда, когда она бездействует и подвергается влиянию погоды. Во время остановки она ржавеет. Изнашивание последнего рода — чистый убыток, во избежание которого я вынужден по возможности сократить время бездействия машины.

В-третьих: в наше время беспрерывных технических изобретений я постоянно могу ожидать, что какая-либо другая машина, изготовленная более дешевым способом или технически более усовершенствованная, совершенно обесценит мою машину. Поэтому, чем скорее она возместит свою стоимость, тем менее вероятно будет указанное опасение. Между прочим, это опасение наиболее основательно в тех отраслях промышленности, которые только-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 378.

что перешли к машинному производству; там нововведения следуют одно за другим. Вот почему стремление к удлинению рабочего дня в этих отраслях особенно сильно.

В-четвертых: мои машины, мои здания и т. д. представляют такой-то капитал. Когда машины бездействуют, весь мой капитал лежит без пользы. Следовательно, чем больше они будут в ходу, тем скорее возместят они не только свою стоимость, но и капитал, затраченный на постройку зданий, и т. д.

К этим соображениям капиталиста присоединяется еще один аргумент, правда, не доходящий до сознания фабрикантов и их защитников, буржуазных экономистов, но тем не менее имеющий большое значение. Дело в том, что капиталист применяет машины для того, чтобы сберечь переменный капитал (заработную плату), чтобы заставить рабочего производить в один час столько продуктов, сколько раньше последний производил в три или четыре часа. Машина повышает производительность труда и расширяет прибавочный труд за счет необходимого труда, а это ведет к *увеличению нормы прибавочной стоимости*. Но этот результат достигается только путем *уменьшения числа занятых данным капиталом рабочих*. Машинное производство превращает часть капитала, принадлежавшую к составу переменного капитала, т.-е. затраченную на живую рабочую силу, в машины, т.-е. постоянный капитал.

Мы знаем, что размер прибавочной стоимости определяется, во-первых, *нормой прибавочной стоимости* и, во-вторых, *числом занятых рабочих*. Употребление машин в капиталистической крупной промышленности имеет в виду увеличить первый фактор, уменьшая второй. Следовательно, употребление машин для производства прибавочной стоимости заключает в себе внутреннее противоречие. Но капиталисты вознаграждают себя за относительное уменьшение числа эксплоатируемых ими рабочих тем, что, не довольствуясь увеличением относительного прибавочного труда, они по возможности увеличивают абсолютный прибавочный труд и удлиняют рабочий день.

Итак, применение машин в капиталистическом производстве создает ряд новых серьезных поводов к безграничному удлинению рабочего дня и облегчает самую возможность такого удлинения. В виду того, что машина может работать беспрерывно, стремлению капитала к удлинению рабочего дня препятствует только физическое утомление надзирающего за машиной рабочего и его сопротивление. Последнее устраняется привлечением на фабрики более мягких и уступчивых элементов — женщин и детей, — а также образованием «избыточного» рабочего населения, состоящего из вытесненных машиной рабочих. Таким образом, машина уничтожает все моральные и естественные границы рабочего дня и, будучи могущественным средством для сокращения рабочего времени, тем не менее становится в руках фабриканта наилучшим

способом превращения всей жизни рабочего и его семьи в неиссякаемый источник увеличения стоимости капитала за счет трудящихся.

Свои рассуждения по этому поводу Маркс заканчивает следующими словами: «Если бы, — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — каждое орудие по приказанию или по предвидению могло исполнять подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собой, или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов. — И Антипарос, греческий поэт эпохи Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века. «Язычники, — да, язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак-Куллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедывать рабство масс для превращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в «выдающихся прядильщиков», «крупных колбасников» и «влиятельных торговцев ваксой», — для этого им недоставало специфических христианских чувств» [1]).

По мере развития машинного производства и увеличения специальных кадров опытных рабочих-механиков естественно увеличивается скорость, а вместе с ней и напряжение, *интенсивность труда*. Но повышение интенсивности труда возможно лишь до тех пор, пока рабочий день не удлинен свыше известных пределов; если же он достиг этого предела, то интенсивность труда может быть повышена только путем соответственного сокращения рабочего дня. Там, где идет речь о регулярной, изо дня в день повторяющейся деятельности, природа властно диктует: до сей точки и ни на иоту дальше!

На первых порах развития английской крупной промышленности удлинение рабочего дня и повышение производительности фабричного труда шли рука-об-руку. Когда же усилившееся рабочее движение принудило правительство ограничить законодательным путем продолжительность рабочего дня и тем самым отняло у фабриканта всякую возможность увеличения прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал приложил все свои усилия к тому, чтобы добиться желательного для него результата другим путем, а именно при помощи ускорен-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 387.

ного развития машиностроения и большей экономии в процессе производства. Если раньше метод извлечения относительной прибавочной стоимости заключался, вообще говоря, в том, чтобы благодаря повышению производительной силы труда создать такие условия, при которых рабочий мог бы при прежней затрате труда и в течение прежнего времени производить больше продуктов, чем прежде, то теперь капитал стремится получить большее количество труда, заставляя рабочего *затрачивать в единицу времени больше труда,* чем прежде. Сокращение рабочего времени повышает напряжение рабочей силы, «плотнее наполняет поры (промежутки) рабочего времени», т.-е. «конденсирует (уплотняет) работу» [1]). В один час работы при 10-часовом рабочем дне выжимается теперь больше труда, чем прежде в один час работы при 12-часовом рабочем дне. Данный период времени содержит теперь большее количество труда, чем то, которое он раньше содержал.

Итак, мы установили, что такой результат достигается двояким путем: *соблюдением большей экономии в трудовом процессе и ускорением развития машиностроения.* В первом случае капитал стремится к тому, чтобы при помощи особых методов расплаты с рабочими (главным образом, сдельной платы, на которой мы подробнее остановимся впоследствии) выжать из рабочего в течение более короткого времени больше рабочей силы, чем раньше. Вместе с тем достигается бо́льшая регулярность, равномерность, целесообразность и интенсивность труда. Даже в тех случаях, когда капитал лишен возможности воспользоваться *вторым способом* усиленного выжимания труда из рабочего, а именно *увеличением скорости движения машины или увеличением ее размеров,* — даже тогда получались результаты, устранявшие все сомнения, которые до того высказывались по поводу сокращения рабочего дня. Фабриканты обычно уверяют, что работа в их предприятиях контролируется очень тщательно, что внимание их рабочих напряжено до крайних пределов и что поэтому совершенно немыслимо рассчитывать на благодетельные последствия сокращения рабочего дня в смысле еще большего повышения интенсивности труда; однако, едва только это сокращение проведено в жизнь, как те же самые фабриканты вынуждены признать, что их рабочие выполняют в течение более краткого времени такую же, а иногда и бо́льшую работу, чем раньше, хотя бы даже средства труда остались прежние. То же самое можно сказать и относительно усовершенствования машин. Неоднократно говорилось, что в указанной области достигнуты крайние пределы, не позволяющие надеяться на большее их расширение в близком будущем, и тем не менее каждый раз эти пределы преодолевались в самый незначительный срок.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 389.

Интенсивность труда при сокращении рабочего дня настолько повышается, что английские фабричные инспектора, неутомимо восхвалявшие «благоприятные результаты фабричных законов 1844 и 1850 г.г.», должны были, однако, позднее, в 60-х годах, засвидетельствовать, что сокращение рабочего дня вызвало такую интенсивность труда, которая *разрушительно действует на здоровье рабочих.*

Глубоко ошибаются те, которые думают, что установление нормального рабочего дня создает гармонию между трудом и капиталом.

«Не подлежит никакому сомнению, — говорит Маркс, — что когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция вознаграждать себя за это систематическим повышением интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы снова должна привести к тому поворотному пункту, на котором становится неизбежным новое сокращение рабочего времени» [1]).

Где введен *10-часовой* нормальный рабочий день, там вышеуказанные тенденции фабрикантов в скором времени делают необходимым *8-часовой* рабочий день.

Однако, такое положение вещей говорит не *против,* а *в пользу* нормального рабочего дня. Как всякая действительная социальная реформа, он перерастает самого себя, он — элемент *дальнейшего развития,* а не *разложения* общества.

4. Машина, как «воспитательница» рабочего.

До сих пор мы рассматривали главным образом экономические последствия применения машин; займемся теперь исследованием их непосредственного *морального* воздействия на рабочего.

При общем сравнении современного, обслуживаемого машинами промышленного заведения, т.-е. фабрики, с мануфактурным или ремесленным предприятием, прежде всего бросается в глаза, что в то время, как в последнем *орудия служат рабочему,* на фабрике рабочий служит орудиям, т.-е. машинам; он является *«живым придатком»* существующего независимо от него *«мертвого механизма».* «Философ» или, как называет его *Маркс,* «Пиндар» механизированной фабрики D-r Andrew Ure изображает ее, как «огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих солидарно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение». В другом месте тот же Ure говорит о «благо-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 396 — 397.

детельной силе пара, которая собирает вокруг себя мириады своих *подданных* [1]).

За этой «благодетельной силой» скрывается, разумеется, применяющий ее капиталист, оказывающий благодеяния только самому себе.

Кроме массы рабочих и их подручных, обслуживающих машины, на каждой фабрике имеется еще немногочисленный персонал, *контролирующий и поддерживающий в порядке* всю машинную систему. Это либо лица с высшим образованием (инженеры), либо с ремесленной подготовкой (механики, столяры и т. д.); но они не принадлежат к числу фабричных рабочих, и поэтому мы не принимаем их здесь во внимание. Точно так же мы оставляем в стороне подручных, труд которых столь несложен, что они могут быть большей частью легко заменены машинами (это и наблюдается фактически там, где фабричные законы не допускают на фабрики наиболее выгодной при подобных работах рабочей силы — детей) и постояннно переходят с места на место. Мы имеем в виду только действительных фабричных рабочих, *непосредственно обслуживающих рабочие машины.*

Вместе с прежним рабочим орудием ремесленника (иглой, веретеном, долотом) к рабочей машине перешли и навыки последнего во владении этим орудием. От фабричного рабочего требуется навык только в *одном* отношении, а именно в *приспособлении* своих движений к непрерывно-равномерному движению машины. Этот навык приобретается скорее всего в юношеском возрасте, и поскольку рабочий начинает трудиться с малых лет, фабрикант, которому для обслуживания машин уже не нужны одни лишь квалифицированные рабочие, может свободно пользоваться трудом подрастающей молодежи.

В своем сочинении «Философия нищеты» Прудон утверждает, что машина, это — «протест гения промышленности против человеко-убийственного *расчленения* труда», это «восстановление *рабочего*». Однако, хотя машина и уничтожает старую систему разделения труда с ее техническими предпосылками, но на фабрике разделение труда не только сохраняется, но принимает еще более унижающую форму. Правда, фабричному рабочему не приходится всю свою жизнь возиться *с детальным орудием,* но зато ради усиления его эксплоатации «машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства *в часть детальной машины;* таким образом... получает завершение его *беспомощная зависимость* от фабрики в целом, следовательно, от капиталиста [2]). Его труд лишен всякого умственного содержания; механическая работа систематически разрушает его нервную систему. Его узко-специальные навыки — ничтожная мелочь по сравнению с наукой, с колоссальными силами природы и общественным мас-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 399 (Ure «Philosophy of Manufacture»).
[2]) «Капитал», т. I, стр. 402.

совым трудом, воплощенным в системе машин. И обессиленный рабочий подчиняется не только автоматическому движению машины, но и установленной фабрикантом железной дисциплине.

Какова бы ни была форма общественной организации, совместная работа в огромных размерах с применением общественных орудий труда, в особенности машин, неизменно требует, чтобы процесс труда не зависел от усмотрения того или иного из его участников. Сохранение преимуществ машинного производства возможно лишь при наличии дисциплины, которой подчинялись бы все заинтересованные лица. Но дисциплина дисциплине рознь. В свободном обществе, где она распространяется на всех, она не стесняет никого в отдельности; если же она введена принудительными средствами и выгодна только для немногих, то она превращается в *рабство,* в невыносимый гнет, который терпят с затаенной злобой до тех пор, пока всякое сопротивление бесполезно. Поэтому только после жесточайшей борьбы удалось подчинить рабочих принудительному труду, на который обрекает их машина. Упомянутый нами Ure указывает на то, что Уатт изобрел самодействующий прядильный механизм задолго до Аркрайта, но центр тяжести лежал не в этом изобретении, а в изобретении и практическом применении *дисциплинарного кодекса,* соответствующего потребностям автоматической системы. Поэтому Ure возлагает лавровый венок на голову «благородного» цирюльника Аркрайта, совершившего это дело, «достойное Геркулеса».

В фабричном кодексе (другими словами—«фабричных правилах внутреннего распорядка») современного капиталистического строя нет и намека на столь близкую сердцу буржуазии конституционную систему «разделения властей» и на еще более близкую ее сердцу представительную систему; напротив, он закрепляет *абсолютную самодержавную власть фабриканта* над рабочими. «Кнут надсмотрщика за рабами, — говорит Маркс, — заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, разумеется, сводятся *к денежным штрафам и вычетам из заработной платы,* и благодаря законодательному остроумию фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем их соблюдение» [1]). Так уничтожаются независимость и самостоятельность рабочего. Притом беспрерывная односторонняя мускульная деятельность калечит его, а оглушительный шум и спертый воздух во время работы сокращают продолжительность его жизни, — вот *благодетельное воспитательное* влияние машины.

Мы уже говорили о том, что рабочие сопротивлялись введению машин. Однако, решающее значение при этом имело не столько инстинктивное опасение, что машина нанесет свободе рабочего смертельный удар, сколько убеждение, что машина делает человеческий труд *излишним.* Так, например, на этом основании

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 404.

городской совет Данцига запретил применение ленточной мельницы (машины для ткания лент и галунов), изобретенной в Данциге, как полагают, в середине XVI столетия; позднее употребление этой машины было запрещено в Кельне, а императорским указом от 19 февраля 1685 года — во всей Германии. Сопротивление английских рабочих введению машин продолжается до настоящего столетия. Такие же явления наблюдаются и в других странах; во Франции они имели место в 30-х годах, в Германии даже в 1848 году.

Ничего не стоит фарисейски вопить о том, что противодействовать величайшему прогрессу нового времени — недопустимое варварство, но это факт, что повсюду на первых порах машина — вредит рабочему, *вытесняет* его из фабрики. В период мануфактуры разделение труда и кооперация в мастерских выявляли главным образом свою положительную сторону — повышение производительности труда наличных рабочих; напротив, машина тотчас же становится конкурентом самого рабочего.

«Говорят, будто большим утешением для выброшенных на улицу рабочих должно служить то обстоятельство, что, с одной стороны, их страдания только «временные», а с другой стороны — машина ведь лишь мало-по-малу овладевает всем полем производства, благодаря чему уменьшается размах и интенсивность ее разрушительного действия. «Одно утешение, — отвечает на это Маркс, — побивается другим. Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она создает *«хроническую» нищету* в конкурирующих с ней слоях рабочих. Когда переход совершается быстро, ее действие носит массовой и острый характер. Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся наконец в 1838 году гибель *английских хлопчатобумажных ткачей.* Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили со своими семьями жалкое существование на $2^1/_2$ пенса (10 коп.) в день.

Напротив, английские хлопчатобумажные машины оказали резкое влияние на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834 — 35 г.г.: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями ткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, — добавляет Маркс с едким сарказмом, — постольку машина уготовила им только «временные» страдания... Средство труда убивает рабочего. Конечно, всего осязательнее проявляется этот прямой антагонизм в тех случаях, когда вновь вводимая машина вступает в конкуренцию с предыдущим ремесленным или мануфактурным производством. Но и в пределах самой крупной промышленности постоянное усовершенствование машин и развитие автоматической системы действует подобным же образом» [1]).

[1]) «Капитал», т. I, стр. 411 — 412.

Маркс подтверждает это положение целым рядом фактов, почерпнутых из докладов английских фабричных инспекторов. Но мы не будем здесь на них останавливаться, так как вопрос ясен сам по себе.

Закончим на этом наши рассуждения о машине, как конкуренте рабочего, и вернемся снова к машине, как «воспитательнице» рабочего. Для многих «пороков», которыми, по мнению капиталистических друзей рабочего класса, сильно страдают пролетарии—главным образом они имеют в виду непокорность, леность и пьянство,— машина является злейшим врагом. Она — самое могущественное боевое средство капитала против рабочих, когда последние противятся его самодержавию, когда они недовольны тем вознаграждением за труд, которое он соизволит им платить, и рабочим временем, которое он им навязывает, когда они осмеливаются вести с ним борьбу путем стачек и т. п. «Можно было бы написать, — говорит Маркс, — целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих» [1]). Но в виду того, что каждое новое применение «вспомогательных источников» науки в промышленности, т.-е. развитие машинного производства, представляет желанный прогресс, а «пороки» рабочих содействуют, по мнению капиталистов, распространению машин, то выходит, что указанными «пороками» наделены рабочие специально для того, чтобы они могли сделаться невольными проводниками прогресса. Мы видим на этом примере, как в капиталистическом мире все, в конце концов, клонится к лучшему: даже недостатки рабочих идут ему на пользу.

5. Машина и рынок труда.

Машина вытесняет рабочего — это неопровержимый факт; однако, он неприятен тем, кто считает современный способ производства наилучшим. Этим объясняются многочисленные попытки затемнить его.

Так, например, многие экономисты утверждают, что машины, вытесняющие рабочих, неизбежно и неизменно освобождают соответственный капитал, который предоставляет работу выброшенным за борт рабочим. Указанный капитал составляют, по их мнению, средства существования, которые потребили бы рабочие, если бы они продолжали работать. Эти средства существования, — поясняют они, — освобождаясь, вследствие увольнения рабочих, ищут себе применения и стремятся, поэтому, подыскать для уволенных рабочих новую работу.

Но средства существования, приобретаемые рабочим для собственного потребления, в действительности не капитал, а обык-

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 415.

новенный товар. Капитал для него *денежная сумма,* за которую он продал свою рабочую силу. Однако, эти деньги не освобождаются благодаря применению машин; напротив, они затрачиваются большей частью на приобретение машин и тем самым *закрепляются.*

Употребление машин освобождает не весь тот переменный капитал, который расходовал раньше на оплату труда уволенных рабочих, а превращает по крайней мере часть его в постоянный капитал. Следовательно, применение новых машин, при неизменности вложенного в предприятие капитала, влечет за собой *увеличение постоянного и уменьшение переменного* капитала.

Поясним это следующим примером. Капиталист вложил в дело 200.000 рублей; из них 100.000 рублей составляют переменный капитал. Он занимает 500 рабочих, но через некоторое время он приобрел машину, благодаря применению которой он может, не уменьшая своей продукции, сократить число своих рабочих с 500 до 200 человек. Машина стоит 50.000 рублей.

Прежде у него было 100.000 рублей переменного и столько же постоянного капитала. Теперь у него 150.000 рублей постоянного и 40.000 рублей переменного капитала. Таким образом, освободилось только 10.000 рублей; но на эти деньги можно дать работу не 300 рабочим, а — при прочих равных условиях — не более 10 рабочим, ибо из 10.000 рублей около 8.000 рублей должны быть израсходованы на приобретение машины и т. п., и только около 2.000 рублей остаются в переменном капитале. Итак, освобождается лишь незначительная часть переменного капитала.

Теория, согласно которой машина одновременно с рабочими освобождает и соответственную часть капитала, была опровергнута Марксом самым решительным образом. Единственная возможность хотя бы несколько смягчить эти выводы, это—вложить в уста Маркса такие вздорные взгляды, которых он никогда не высказывал.

Недавно в одном сочинении, «научно разделывающем» Маркса, мы натолкнулись на следующие рассуждения: «Машина возмещает, по его (Маркса) мнению, только нормальный труд, в то время как она может способствовать и в действительности часто способствует прибавочному труду. Притом совершенно не требуется, чтобы прибавочное производство вытеснило и сделало излишним труд рабочего в какой-либо другой стране, как это впоследствии нередко утверждали с полной уверенностью социалистические листки. Прибавочное производство может легко найти применение хотя бы в связи с повышением общей производительности и вытекающей отсюда возможностью увеличить потребление» (Профессор Лер, «Vierteljahresschrift für Volkswirtschaft», 23-й год издания, т. 2, стр. 114).

Профессор *Вольф,* книга которого отличается чрезмерным искажением и ложным истолкованием учения Маркса, осмеливается даже приписывать Марксу утверждение, что «если общий

капитал в стране увеличивается, то в лучшем случае может найти работу такое же количество рабочих, как и раньше, именно потому, что машина вытесняет все большее и большее число рабочих» («Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung»—«Социализм и капиталистический общественный строй»—Штутгарт, 1892, стр. 258).

На самом деле Марксу и в голову не могли прийти подобные утверждения. Далекий от мысли, «что машина замещает только нормальный труд», Маркс, как никто до него, последовательно и основательно развивает то положение, согласно которому машина «может способствовать и в действительности часто способствует прибавочному труду». Но это нисколько не противоречит утверждению, что машина вытесняет рабочих.

Маркс говорит, что машина уменьшает число занятых рабочих *по сравнению с затраченным капиталом,* что с развитием *машинного производства переменный капитал относительно уменьшается, а постоянный капитал увеличивается.*

Но применение, распространение и усовершенствование машин нисколько не препятствует одновременному увеличению переменного капитала, т.-е. числа рабочих, занятых в данной отрасли промышленности; при этом необходимо, чтобы в достаточной мере возрос и общий капитал [1]). Если же в данном случае число занятых рабочих остается прежнее, то это следует приписать не освобождению капитала в связи с применением машины, а притоку *нового добавочного капитала.* Стремление машины вытеснить рабочих тогда приостанавливается, временно парализуется, но не уничтожается; оно снова обнаруживается, и *относительное* уменьшение числа рабочих превращается в *абсолютное,* если приток нового добавочного капитала замедляется и опускается ниже определенного уровня.

Поясним это вышеприведенным примером. Мы имели капитал в 200.000 рублей; из них 100.000 рублей составляют переменный капитал и служат для найма 500 рабочих. Применение новой машины увеличивает постоянный капитал до 158.000 рублей и уменьшает переменный капитал до 42.000 рублей, а число занятых рабочих до 210. Теперь предположим, что в предприятие вложен добавочный капитал в 400.000 рублей; предприятие соответственным образом расширяется. Число занятых рабочих увеличивается до 630, т.-е. на 130 человек, по сравнению с первоначальной численностью. Но если бы не была введена машина, то утроение капитала (с 200.000 р. до 600.000 р.) привело бы также к утроению числа рабочих (с 500 до 1.500).

Но если машина влечет за собой постоянно относительное уменьшение, а иногда и абсолютное уменьшение числа рабочих

[1]) Увеличение продукции предполагает, разумеется, соответственное расширение *рынка сбыта.* Однако, этот в высшей степени важный фактор не может быть здесь пока еще рассмотрен нами подробно.

в той отрасли промышленности, где она применяется, то в то же самое время она содействует увеличению числа рабочих в других отраслях, непосредственно с ней связанных. Широкое применение машин повышает спрос на рабочих — *специалистов машиностроительного дела;* затем оно ведет к увеличению общей продукции данной отрасли промышленности и вместе с тем к соответственному *увеличению потребления сырого материала,* а следовательно при прочих равных условиях, и к увеличению числа занятых изготовлением этого материала рабочих. Если, например, введена новая машина, вырабатывающая даже при меньшем числе рабочих 1.000 метров пряжи в то самое время, в какое раньше производилось только 100 метров, то число ткачей в этом случае, пожалуй, уменьшится, но зато число рабочих на хлопковых плантациях увеличится. Так, распространение прядильных машин в Англии послужило главной причиной увеличения числа негров-невольников на американских плантациях.

Если пряжа подешевела, то ткач (допустим, что он работает ручным способом) может, не увеличивая своих затрат на сырой материал, производить больше продуктов, чем раньше; его заработок повышается; в связи с этим увеличивается число лиц, занимающихся ткачеством. «Если машина овладевает предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях труда, которые ведутся еще ремесленным или мануфактурным способом и в которые вступает машинный фабрикант» [1]).

С распространением машин увеличивается прибавочная стоимость и та масса продуктов, в которой она воплощается [2]). Вслед затем возрастает богатство класса капиталистов и их прихвостней, повышается спрос на *прислугу, лакеев, горничных* и т. д. В 1861 г. *текстильная промышленность* насчитывала 642.607 человек, а «класс домашней прислуги» — 1.208.648 человек.

На-ряду с этими факторами, *увеличивающими спрос* на труд при применении машин, Маркс приводит еще один: возникновение новых арен труда, например, газовых заводов, железных дорог и т. д.

Что может быть общего между указанными мыслями Маркса и тем, что вкладывают в его уста почтенные профессора, не говоря уже об их собственных рассуждениях?

Но Маркс указывает на увеличение спроса на труд, как на последствие применения машин, вовсе не для того, чтобы затушевать те страдания, на которые обрекает рабочих обстановка фабричной работы. Фабрика разрушает семейный уклад рабочего, поглощает его юношеские годы, отягчает его работу и лишает

---

[1]) «Капитал» т. I, стр. 424.
[2]) «Капитал» т. I, стр. 425.

его всякого содержания, истощает его силы в физическом и моральном отношении и превращает его самого в послушное орудие капиталиста. Можно ли при этих условиях восхвалять, как это делают буржуазные экономисты, «блестящие» результаты применения машин в капиталистической промышленности на том лишь основании, что оно содействует увеличению числа наемных рабочих на фабриках? Как будто это увеличение не равносильно увеличению нищеты!

На-ряду с нищетой работающих растет и нищета безработных. Переменный капитал *может* по мере развития машиностроения абсолютно увеличиться, но это не представляется необходимым; напротив, в отдельных отраслях крупной промышленности обычно наблюдается в различные периоды времени, на-ряду с увеличением постоянного капитала, абсолютное уменьшение переменного капитала, уменьшение числа занятых рабочих (фактический материал по этому вопросу мы приведем в 3-м отделе, в главе о перенаселении). При этом мы оставляем в стороне безработицу и нищету, которые создает конкуренция крупной промышленности с соответственными отраслями ручного производства, происходящая на местных и иностранных рынках.

Вспомним участь вышеупомянутых английских ручных ткачей и рабочих хлопковых плантаций Ост-Индии, умиравших с голоду сотнями тысяч, в то время как число ткачей на механических станках увеличилось всего лишь на несколько тысяч. Представители вульгарной экономии, желающие доказать рабочему, что машина дает работу выброшенным за борт трудящимся, ссылаются на эти тысячи новых рабочих и мудро умалчивают о сотнях тысяч погибших.

Но если даже одновременно с освобождением рабочих в одной отрасли промышленности увеличивается спрос на них в других отраслях, то это не может служить утешением для безработных, ибо рабочий, специализировавшийся всю свою жизнь в определенной области, не может ежедневно переходить из одной отрасли в другую.

На-ряду с движением на рынке труда, выражающимся в постоянном изменении соотношения между постоянным и переменным капиталом во вред последнему, в области крупной промышленности развивается еще другое, своеобразное движение, перекрещивающееся с первым.

Когда на-лицо все необходимые для крупной промышленности общие условия, когда машиностроение, добыча угля и железа, пути сообщения и т. п. достигли известной ступени развития, капиталистическое хозяйство обнаруживает стремление к невероятно-быстрому расширению, пределы которого устанавливаются лишь количеством сырья и рынком сбыта. Этим объясняются настойчивые поиски новых рынков, где можно было бы найти новые запасы сырья и новых покупателей на готовые изделия.

Каждое более или менее значительное расширение рынков сопровождается лихорадочным развитием производства; оно продолжается до тех пор, пока рынок не заполнен товарами, после чего наступает период затишья. «Промышленная жизнь превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя» [1]). Для рабочего этот круговорот означает постоянные колебания между избытком работы и безработицей, полную неуверенность в прочности работы, размерах ее оплаты и вообще в завтрашнем дне.

Это движение переплетается с относительным, а иногда и абсолютным уменьшением переменного капитала, которое обусловливается техническим прогрессом. То оба движения пересекают друг другу дорогу — это происходит в период промышленного расцвета, когда технический прогресс следит за тем, чтобы рабочие не катались, как сыр в масле; то они действуют рука-об-руку в одном и том же направлении — это наблюдается во время кризисов, когда наряду с безработицей, разгорается бешеная борьба между конкурентами, неудержимое стремление к понижению цен. Последнее достигается отчасти применением новых, более усовершенствованных машин, допускающих экономию рабочей силы, отчасти удлинением рабочего дня, отчасти понижением заработной платы; во всех трех случаях страдают интересы рабочего.

6. Машина как революционный фактор.

Если обрисовать апостолу социальной гармонии систему капиталистической фабрики и спросить его, верит ли он еще в то, что мы живем в лучшем из миров, то он дипломатично ответит: «Да, но мы живем в переходный период. Капиталистическая крупная промышленность не могла развить всех своих благодетельных сторон до тех пор, пока она была обременена наследием средневековья. Но сравните быт фабричных рабочих с бытом рабочих соответствующих мануфактурных и ремесленных предприятий, и вы увидите, что первые находятся в гораздо лучшем положении, чем вторые. Следовательно, крупная промышленность не ухудшила, а *улучшила* жизненные условия рабочих». Так будет рассуждать апостол гармонии.

Не приходится отрицать, что в тех отраслях промышленности, где преобладает крупная промышленность, положение рабочих уцелевших кустарных, ремесленных и мануфактурных предприятий гораздо плачевнее, чем положение фабричных рабочих. Но говорит ли это в пользу капиталистической крупной промышленности? Едва ли. Приведенный факт свидетельствует лишь о том, что в этих отраслях промышленности ухудшилось положение не

[1]) «Капитал», т. I, стр. 433.

только фабричных, но и остальных рабочих, занятых в других предприятиях, и притом *последних в большей степени,* чем первых. «Прогресс», обусловленный крупной промышленностью, заключается в том, что те мучения и лишения, которым она подвергает фабричных рабочих, обрушиваются с удвоенной или с утроенной силой на головы рабочих кустарей, ремесленных и мануфактурных предприятий.

«Эксплоатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем на фабрике, потому что техническая основа последней — замещение мускульной силы машинами и легкость труда — в мануфактуре большей частью отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще неокрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемом домашнем (кустарном) труде эксплоатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разделением, а между работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, потому что домашний труд повсюду борется с машинным или, по меньшей мере, мануфактурным производством той же самой отрасли, потому что бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда — просторное помещение, свет, вентиляцию и т. д., нерегулярность работы растет, и, наконец, потому что в этих последних убежищах для тех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между рабочими неизбежно достигает своего максимума.

Впервые систематически выработанное машинным производством бережливое расходование средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою истребительную и человеко-убийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда» [1]).

То, что вообще в состоянии перенести человек, находящийся на краю гибели, все это выпадает на долю рабочих кустарной промышленности. В своем стремлении превзойти дешевизной своих продуктов машинное производство, они постепенно ограничивают свои потребности в питании, одежде, воздухе, свете, отдыхе до такой степени, которой не могла бы придумать самая мрачная фантазия.

Маркс сообщает, что в Англии при плетении кружев заняты дети двухлетнего возраста, при изготовлении соломенных изделий занимаются трехлетние дети; помещения, в которых их нередко заставляют работать до полуночи, настолько тесны, что на каждого

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 443.

человека приходится не более 12 — 17 кубических футов воздуха. «Это, — заявил комиссар Уайт комиссии по ознакомлению с детским трудом, — меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, упакованный в ящик, имеющий по три фута в длину, ширину и высоту».

Но как ни вынослив человек, все же существуют пределы, перешагнуть за которые человек не имеет возможности. С достижением этих пределов для кустарного промысла наступает смертный час; он гибнет под ударами машинного производства; кустарные рабочие должны заняться другим делом, чтобы не умереть с голоду. Та же участь постигает рабочих уцелевших мануфактурных и ремесленных предприятий.

Переход от мануфактуры к крупной промышленности ускоряется благодаря фабричному законодательству. Кустарная же промышленность теряет под собой всякую почву, как только законодатель начинает стеснять ее деятельность различными ограничениями. Лишь беспредельная эксплоатация труда женщин и детей поддерживает ее жалкое существование.

Машина, *совершающая коренные* перевороты во всех тех отраслях промышленности, которыми она завладела, действует еще более революционно в области *сельского хозяйства*. Здесь обычно число выбрасываемых за борт, «избыточных» рабочих увеличивается не только относительно, но и абсолютно; исключение составляют только те случаи, когда применение машины сопровождается увеличением посевной площади, как это, например, имело место в Соединенных Штатах.

В тех сельских областях, куда проникает машина, крестьяне обречены на такие же бедствия, какие выпали на долю рабочих кустарных предприятий; одновременно с этим рушится твердый оплот старого общества. «Избыточные» крестьяне и наемные земледельческие рабочие устремляются в города. Население городов чрезмерно возрастает, а сельское население редеет. Чрезмерная густота городского населения ухудшает условия физического существования промышленных рабочих. Безлюдье в деревнях понижает умственные интересы и культурные потребности сельских рабочих и парализует силу их сопротивления требованиям капитала. С ростом городов увеличивается истощение плодородной земли, ибо те составные части почвы, которые были отняты у нее в виде продуктов питания, не возвращаются ей обратно; превращаясь в испражнения и отбросы, они не идут на удобрение почвы, а наполняют выгребные ямы городов. Далее, применение современной технологии в сельском хозяйстве позволяет извлекать из почвы максимальное количество продуктов. И чем больше из нее извлекают, тем меньше ей возвращают.

Таким образом использование машины капиталом хищнически разоряет и рабочую силу человека, и почву. Земля становится бесплодной, а рабочий уродуется физически и духовно.

Но в то же самое время развиваются зачатки новой, более высокой культуры и те условия, которые помогут ей современем завладеть миром. В нищете рабочего класса Маркс усматривает не только нищету, но и скрытые в ней зародыши лучшего будущего. Он не *осуждает* фабричную систему и не *обвиняет ее*, а стремится ее *понять*. Он не читает мораль, а *исследует*. И он сам указывает на своего предшественника — *Роберта Оуэна*, который первый понял революционную роль фабричной системы [1]).

Крупная промышленность являлась источником такой ужасной нищеты, какая не была известна ни одной из предшествовавших ей форм производства. Но нищета современных рабочих масс не есть нечто неподвижное; она не похожа на то стоячее болото, в которое медленно и едва заметно погружалось римское общество времен Империи. Капиталистическое производство похоже скорее на водоворот, который порождает и поддерживает стремительное движение во всех слоях общества. Вместе с отсталыми производственными отношениями уничтожаются и отжившие предрассудки; заступающие их новые производственные отношения не застывают, а беспрерывно изменяются; одни изобретения, одни методы работы сменяются другими; массы капитала и рабочих постоянно перебрасываются из одной отрасли производства в другую, из одной страны в другую; всякая неизменность общественных отношений и вера в нее исчезают. Консервативные элементы устраняются; крестьяне, устремляясь в большие города, где сконцентрированы главные силы исторического развития, увеличивают мощь этого развития, а не ослабляют ее. Жены и дети привлекаются к работе на фабриках, устаревшие формы буржуазной семьи разрушаются; женщина, которая раньше посвящала все свои силы исключительно домашнему хозяйству, становится теперь наемной работницей, ведущей борьбу за свое существование.

И на фоне этого, происходящего на наших глазах, разложения старого быта появляются уже ростки новой жизни.

Возрастающее одичание рабочей молодежи, вследствие чрезмерной продолжительности рабочего дня и односторонности ее труда, побудило правительства всех промышленных стран ввести в той или иной форме обязательное элементарное обучение занятых в производстве подростков. Вслед за тем выяснилось, что фабричная молодежь учится так же охотно и успешно, а иногда и лучше, чем ученики нормальных школ.

«Дело объясняется просто, — сообщает один из фабричных инспекторов. — Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующегося со школой, превращает каждое из этих занятий в отдохновение и освежение после другого и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность

[1]) «Капитал», т. I, стр. 483 — 484, примеч. 322.

одного из этих двух занятий». Маркс добавляет к этому: «Из фабричной системы, как это можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей» [1]).

К этим педагогическим преобразованиям должны будут присоединиться еще другие преобразования. Чрезмерное разделение труда в обществе, в виде самых разнообразных профессий и специальностей, свойственное ремесленному труду, а также разделение труда внутри предприятий, возникшее в эпоху мануфактурного производства, привели к весьма неблагоприятным для рабочих последствиям.

Ремесленное и мануфактурное производства развивались медленно, а иногда и совершенно застывали; рабочего на всю жизнь приковывали к определенной частичной операции, которую он выполнял с изумительной виртуозностью, но которая калечила его своей односторонностью и отнимала у него возможность гармонического развития, сообщавшего столь идеальную красоту классической древности.

Машина избавляет рабочего от необходимости обучаться в течение многих лет той или иной узкой специальной отрасли труда. Она не приковывает его также на всю жизнь к определенной частичной операции, ибо она постоянно изменяет условия производства и перебрасывает его из одной отрасли промышленности в другую.

Но сколько страданий приносит с собой это движение в наши дни, когда сотни тысяч пролетариев образуют мощную резервную армию безработных, с жадностью набрасывающихся на всякую работу, которую только им ни укажут! И как ограничена в настоящее время способность наемного рабочего приноровляться к разнообразнейшим видам деятельности! С малых лет его тело и дух уродуются; он не знаком с механическими и техническими процессами производства, применяемыми в современной крупной промышленности, и ему недостает гибкости, чтобы приспособиться к этим процессам. Наконец, если ему и не приходится заниматься детальной операцией всю свою жизнь, то все же изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год он работает около одной и той же машины, отдыхая только во время безработицы и голода.

Совсем иначе обстояло бы дело, если бы различные детальные операции менялись ежедневно, даже ежечасно, если бы рабочие не утомлялись и не обалдевали, а наоборот были бодры и веселы; если бы исчезла деморализующая безработица и технические преобразования совершались бы не за счет рабочего.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 464 — 465.

Но для такой перемены необходим целый ряд условий, в том числе и педагогического характера. Рабочие должны научиться понимать процессы и методы производства, должны получить практическую подготовку в управлении машинами и другими орудиями производства. Правда, этому их обучают в настоящее время в школах заводского ученичества и тому подобных заведениях, но постановка дела в них совершенно неудовлетворительна.

«Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет настоящее место в рабочих школах и техническому обучению, как теоретическому, так и практическому» [1]).

А какие преобразования таит в себе современная крупная промышленность в отношении семейного быта! Она уже в настоящее время разрушает отжившие формы семейной жизни наемных рабочих. Не только взаимоотношения между мужем и женой, но и между родителями и детьми изменились под влиянием применения на фабриках женского и детского труда. Родители нередко из защитников и кормильцев детей превращаются в их *эксплоататоров*. Вспомним несчастных детей в английской соломенной промышленности, которые с трехлетнего возраста должны были работать нередко до полуночи при самых отвратительных условиях. «Бедные, опустившиеся родители (этих детей) только и думают о том, как бы выколотить из детей возможно побольше. Вырастая, дети естественно не ставят родителей ни в грош и оставляют их» [2]). «Однако, не злоупотребление родительской властью, — говорит Маркс в другом месте, — создало прямую или косвенную эксплоатацию незрелых рабочих сил капиталом, а наоборот, капиталистический способ эксплоатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление.

«Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам, подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства, за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной формой семьи христианско-германскую форму, или древне-римскую, или древнегреческую, или восточную, которые, впрочем, связаны между собой последовательностью исторического развития. Точно так же ясно, что сочетание в комбинированном рабочем персонале лиц обоего пола и разнообразнейших возрастов, являющееся зачумленным

[1]) «Капитал», т. I, стр. 469.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 450.

источником испорченности и рабства, пока оно выступает в своей грубой, непосредственно сложившейся капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, — что это же сочетание при соответствующих условиях должно, наоборот, превратиться в источник человеческого развития» [1]).

После того как Маркс обратил наше внимание на эти перспективы будущего, мы можем вполне примириться с системой машинного производства в крупной промышленности. Хотя и велики те страдания, на которые она обрекает рабочий класс, но они, по крайней мере, не напрасны. Мы знаем, что на поле труда, удобренном трупами миллионов пролетариев, взойдет семя новой, более совершенной общественной формы. Машинное производство составляет почву, на которой вырастет новое поколение: ему будет чуждо одностороннее развитие ремесленного или мануфактурного рабочего; оно не будет рабом природы, каковым был человек в эпоху первобытного коммунизма. Оно не станет приобретать духовной и телесной силы и красоты бесчисленных рабов, ценой их порабощения, как это делалось в эпоху классической древности. Нет, это будет поколение гармонически развитое, жизнерадостное, самодеятельное! Оно будет властвовать над землей и всеми силами природы и будет объединять всех членов общества узами братской солидарности.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 471.

ОТДЕЛ III

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ДОХОД С КАПИТАЛА

ГЛАВА I.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

1. Изменение величины цены рабочей силы и прибавочной стоимости.

Во втором отделе мы говорили главным образом *о производстве прибавочной стоимости.* Займемся теперь рассмотрением законов *заработной платы.* Введением к изучению этих законов и переходом от второго отдела к третьему, в известной степени затрагивающему оба отдела, служит исследование об изменении цены рабочей силы и прибавочной стоимости, зависящей от трех факторов, с которыми мы уже познакомились во втором отделе, а именно: 1) *продолжительности рабочего дня,* 2) *нормальной интенсивности труда,* 3) *производительной силы труда.*

Эти три фактора могут изменяться самым различным образом: то изменяется один из них, то два, то все три одновременно, притом то в одной, то в другой степени. Исследование всех возможных здесь комбинаций завело бы нас, разумеется, слишком далеко; при некотором размышлении можно их вывести самому, если известны главные комбинации. Мы ограничимся выяснением только этих последних. Мы рассмотрим те изменения, которые происходят в относительной величине прибавочной стоимости и цены рабочей силы, когда изменяется один из трех факторов, в то время как два других остаются без изменения.

а) *Величина рабочего дня и интенсивность труда неизменны, производительная сила труда изменяется.*

Производительная сила труда оказывает влияние на массу продуктов, вырабатываемых в определенную единицу времени, но не на величину стоимости этой массы продуктов. Если вследствие какого-либо изобретения прядильщик перерабатывает в 1 час 6 клгр. хлопка, в то время как раньше он перерабатывал в 1 час только 1 клгр. хлопка, то теперь в 1 час изготовляется в 6 раз больше пряжи, чем раньше, но в обоих случаях создаются одинаковые стоимости. Однако, та стоимость, которую прядильщик присоединяет к 1 фунту хлопка, превращая его своим трудом в пряжу, во втором случае в 6 раз меньше, чем в первом. Это понижение в свою очередь влияет обратно на стоимость средств существования рабочего, например, его платья. Стоимость рабочей силы уменьшается и на

столько же повышается прибавочная стоимость. При понижении производительной силы труда получается, понятно, обратный результат. Увеличение или уменьшение прибавочной стоимости всегда является *следствием, и никогда причиной* соответственного увеличения или уменьшения стоимости рабочей силы. Насколько падению стоимости рабочей силы соответствует падение ее цены зависит от различных условий, главным образом—от силы сопротивления рабочего класса. Предположим, что вследствие увеличения производительной силы труда однодневная стоимость рабочей силы упала с 3 до 2 рублей, а цена ее только до 2 р. 50 к. Если прибавочная стоимость, которую создавал каждый рабочий в течение одного дня, составляла 3 рубля, то теперь она повысится не до 4 рублей, а к великому огорчению капиталиста, только до 3 р. 50 к Однако, такие случаи редки. Они предполагают не только большую силу сопротивления рабочих, но и неизменность двух других факторов — продолжительности рабочего дня и интенсивности труда. Влияние, обусловливаемое двумя последними факторами, упускается из виду буржуазными экономистами во главе с Рикардо. Перейдем теперь к рассмотрению влияния этих изменений.

в) *Рабочий день и производительная сила труда не изменяется, интенсивность труда изменяется.*

Интенсивнее трудиться, значит — расходовать в определенный промежуток времени больше труда, т.-е. создавать большую стоимость. Если прядильщик, при неизменности производительности труда, вследствие более напряженной работы, изготовляет в 1 час $1^1/_2$ клгр. пряжи вместо 1 клгр., как это было раньше, то, другими словами, он создает в 1 час в $1^1/_2$ раза бо́льшую стоимость, чем раньше. Если раньше в течение 12 часов он создавал стоимость в 6 рублей, то теперь в то же самое время он создает стоимость 9 рублей. Если раньше цена его рабочей силы составляла 3 рубля, а теперь она повысилась до 4 рублей, то одновременно увеличилась и прибавочная стоимость с 3 до 5 рублей. Следовательно, не правы те, которые утверждают, что повышение цены рабочей силы возможно лишь за счет прибавочной стоимости. Это имеет место лишь в первом из рассмотренных нами случаев, но не в данном случае. Кстати заметим, что при повышении цены рабочей силы в этом втором случае вовсе не требуется, чтобы цена рабочей силы обязательно превышала ее стоимость. Если увеличение цены недостаточно для того, чтобы возместить усиленное истощение рабочей силы, естественно вытекающее из большей интенсивности труда, то цена рабочей силы фактически *опускается* ниже ее стоимости.

Интенсивность труда у различных народов различна. «Более интенсивный рабочий день одной нации выражается в более крупной сумме денег, чем менее интенсивный день другой нации» [1]).

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 506.

На английских фабриках рабочий день обычно короче, чем на немецких, но именно потому интенсивность труда английских рабочих больше, чем немецких рабочих; другими словами, английский рабочий создает в 1 рабочий час большую стоимость, чем его товарищ в Германии. «Более или менее значительное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках, — говорит Маркс, — было бы самым действительным средством уменьшить эту разницу между континентальным и английским рабочим часом» [1]).

с) *Производительность и интенсивность труда остаются неизменными, рабочий день изменяется.*

Здесь возможны два варианта:

1) *Рабочий день сокращается.*

Стоимость рабочей силы от этого не изменяется; сокращение рабочего дня происходит за счет прибавочной стоимости. Если капиталист не хочет допустить ее уменьшения, то он должен добиться того, чтобы цена рабочей силы опустилась *ниже* ее действительной стоимости. На это обстоятельство охотно ссылаются противники нормального рабочего дня. Однако, их доводы были бы справедливы только в том случае, если бы интенсивность и производительность труда оставалась без изменений. В действительности же сокращение рабочего времени всегда является либо причиной, либо следствием увеличения интенсивности и производительности труда.

2) *Рабочий день удлиняется.*

Последствия этого изменения не причиняют большого беспокойства капиталисту, ибо сумма стоимости созданной в течение рабочего дня массы продуктов и прибавочной стоимости в данном случае увеличивается. При этом цена рабочей силы может также повыситься. Здесь, как и при увеличении интенсивности труда, кажущееся повышение цены может быть в действительности ее понижением, если она не уравновешивает усиленной затраты рабочей силы.

Рассмотренные нами три основных случая встречаются в чистом виде редко. Обычно изменение одного из трех факторов влечет за собой изменение и других факторов. Между прочим, Маркс исследует тот случай, когда интенсивность и производительность труда повышается и одновременно сокращается рабочий день; при этом он устанавливает границу, дальше которой рабочий день не может быть сокращен. При капиталистическом способе производства рабочий день не может быть сокращен до пределов необходимого рабочего времени (времени, потребного для производства нужных рабочему средств существования), ибо это уничтожило бы основу капитализма — прибавочную стоимость.

Напротив, уничтожение капиталистического способа производства позволило бы ограничить рабочий день пределами необходи-

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 506, примеч. 12.

мого рабочего времени. Но, при прочих равных условиях, свержение капиталистического строя повлекло бы за собой *удлинение* самого необходимого рабочего времени: во-первых, потому что жизненные потребности рабочего в этом случае увеличились бы; во-вторых, потому что накопление запасного фонда для поддержания и расширения производства происходило бы тогда за счет необходимого рабочего времени, а не за счет прибавочной стоимости, как теперь.

С другой стороны, сокращение рабочего дня повысило бы интенсивность труда. Система организованного общественного труда увеличивала бы экономию средств производства и устраняла бы всякий бесполезный труд. «Хотя капиталистический способ производства, — говорит Маркс, — принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, на-ряду с массой функций, в настоящее время неустранимых, хотя, по существу дела, излишних.

«При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой точки зрения абсолютная граница для сокращения рабочего дня устанавливается всеобщностью труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» [1]).

2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату.

До сих пор мы имели дело *со стоимостью и ценой рабочей силы* и с ее отношением к прибавочной стоимости. При поверхностном взгляде кажется, что заработная плата — плата не *за рабочую силу, а за труд*. «Если спросить рабочих, как велика их заработная плата, то один ответит: я получаю один рубль за рабочий день от моего буржуя, другой: я получаю 2 рубля и т. д. В зависимости от тех или иных отраслей промышленности, в которых они работают, они укажут различную сумму денег, которую они получают от своих капиталистов за определенное рабочее время или за исполнение определенной работы, например, за изготовление одного метра полотна или за набор одного печатного листа.

[1]) «Капитал», т. I, стр. 511.

Несмотря на разнообразие их указаний, все они сойдутся в том, что заработная плата есть та сумма денег, которую уплачивает капиталист за определенное количество рабочего времени и за выполнение определенной работы». (Маркс. «Наемный труд и капитал».)

Цена товара есть стоимость его, выраженная в деньгах. Поэтому экономисты рассуждают так: если труд имеет цену, то он должен иметь стоимость. Но как велика его стоимость? Как и стоимость всякого другого товара, она определяется необходимым для ее производства рабочим временем. Сколько же необходимо рабочих часов, чтобы произвести 12-часовую работу? Очевидно, 12 часов.

Следовательно, если труд оплачивается по его полной стоимости, то рабочий получает столько заработной платы, сколько стоимости он присоединил к продукту. Таким образом, в конце этого расчета перед нами возникает такая альтернатива: признать ложным либо учение о прибавочной стоимости, либо учение о стоимости, либо то и другое, и тем самым признать, что загадка капиталистического производства неразрешима. Классическая буржуазная экономия, венцом которой являлась теория Рикардо, не могла преодолеть этого противоречия, вульгарная же экономия, занимающаяся не *исследованием*, а *оправданием* и перекрашиванием в розовый цвет современного капиталистического производства широко использовала это противоречие для своих ложных выводов.

Маркс опроверг все эти аргументы, установив твердое различие между понятиями «*труд*» и «*рабочая сила*», которые постоянно смешивались экономистами.

В 1847 году Маркс еще не сделал этого замечательного открытия; в своей «Нищете философии» и в своих статьях «Наемный труд и капитал» он еще говорит о стоимости труда, подразумевая под ней стоимость рабочей силы, но не различая отчетливо этих двух понятий; буржуазные экономисты и теперь еще не разграничивают указанных понятий; они усиленно твердят о какой-то теории стоимости Маркса — Родбертуса. Между тем Родбертус принял на веру теорию стоимости Рикардо с ее смешением понятий труда и рабочей силы и со всеми вытекающими отсюда противоречиями, в то время как Маркс очистил ее в этом и в некоторых других чрезвычайно важных пунктах (вспомним его рассуждения об ограничении образующего стоимость труда общественно-необходимым рабочим временем, о различии между абстрактным трудом, создающим стоимость, и специальным трудом, создающим прибавочную стоимость, и др.) от всяких противоречий и создал на почве учения Рикардо истинную, исчерпывающую и твердо обоснованную теорию стоимости.

Прежде всего Маркс доказал, что *труд — не товар* и поэтому не обладает товарной стоимостью, несмотря на то, что сам является источником и мерой всех товарных стоимостей. На рынке фигурирует рабочий, который продает свою рабочую силу.

Труд есть последствие потребления рабочей силы, как товара, подобно тому, как веселое расположение духа есть последствие потребления товара — шампанского. И подобно тому, как капиталист покупает шампанское, а не веселое расположение духа, так покупает он и рабочую силу, а не труд.

Но рабочая сила — своеобразный товар; ее оплачивают уже после того, как она потреблена; только после выполнения работы рабочий получает за нее вознаграждение.

Покупают *рабочую силу,* но оплачивают, повидимому, труд. Заработная плата не проявляется, как цена рабочей силы. Последняя должна изменить свой образ, прежде чем вынырнуть из кармана капиталиста в качестве заработной платы; она предстает перед нами в виде цены за труд.

До Маркса экономисты не могли, конечно, исследовать, как совершается это превращение цены рабочей силы в заработную плату, и каковы его последствия, ибо они не усматривали различия между ценой рабочей силы и ценой труда. Маркс первый создал строго-научную теорию заработной платы.

Две основные формы заработной платы следующие: *повременная плата* и *поштучная плата.*

3. Повременная плата.

Мы знаем, что однодневная стоимость рабочей силы при данных условиях величина определенная. Допустим, что однодневная стоимость рабочей силы составляет 2 р. 40 к., а *обычная* продолжительность рабочего дня равна 12 часам. При этом мы предполагаем, что в данном случае (как и во всех других примерах, приведенных в настоящей книге, за исключением тех, относительно которых сделана особая оговорка в обратном смысле) стоимость и цена рабочей силы и всех других товаров покрывают друг друга. Итак, цена 12-часового труда — 2 р. 40 к., а цена рабочего часа — 20 к. Установленная таким образом цена рабочего часа служит единицей меры цены труда.

Таким образом, мы определяем цену труда, разделив однодневную стоимость рабочей силы на число часов *обычного* рабочего дня.

Цена труда и поденная или понедельная заработная плата могут изменяться в различных направлениях. Представим себе, например, что рабочий день увеличился с 12 часов до 15 часов, а цена рабочего часа упала с 20 к. до 18 к. Поденная плата составит теперь 2 р. 70 к., т.-е. повысится, а цена труда, несмотря на это, понизится.

Цена труда зависит, как мы только что сказали, от однодневной стоимости рабочей силы и от длины *обычного* рабочего дня.

Если, вследствие каких-либо *исключительных* обстоятельств, напр., кризиса сбыта, капиталист не может распродать своих

товаров и поэтому сокращает на своей фабрике рабочий день, скажем, наполовину, то цена труда не повысится. Если она равна 20 коп., то при 6-часовом рабочем дне поденная плата составит 1 р. 20 к.; однодневная же стоимость рабочей силы гораздо выше: по нашему предположению она равна 2 р. 40 к.[1]).

Раньше мы видели, что источником бедствий рабочего класса являлось *удлинение* рабочего дня; здесь же создается для него новый источник страданий, заключающийся в *сокращении* рабочего дня.

Это дает капиталистам повод протестовать против сокращения рабочего дня в законодательном порядке, мотивируя свою позицию чувством «сострадания к несчастным рабочим». — «Мы и без того вынуждены платить рабочим жалкие гроши за их 15-часовой труд,—восклицают они,—теперь же вы хотите сократить рабочий день до 10 часов и тем самым лишить голодающих рабочих одной трети их заработка. Против такого варварства мы считаем своим долгом горячо протестовать». «Благородные друзья человечества» забывают, что сокращение *обычного* рабочего дня *повышает цену труда;* она тем выше, чем выше однодневная стоимость рабочей силы и чем *меньше* продолжительность *обычного* рабочего дня. *Временное* сокращение рабочего дня *понижает* заработную плату, *длительное* же сокращение рабочего дня *повышает* ее. Это наблюдалось, между прочим, в Англии. Согласно данным, собранным фабричными инспекторами за 20 лет (1839 — 1859 г.г.), заработная плата *повысилась* на фабриках, где нормальный рабочий день составлял 10 часов, а *понизилась* на фабриках, где рабочий день длился от 14 до 15 часов. Обширные наблюдения последнего времени вполне подтверждают этот закон.

Итак, постоянное удлинение рабочего дня понижает цену труда, и наоборот, низкая цена труда заставляет рабочего покорно соглашаться на удлинение рабочего дня, дабы не лишиться всякого, хотя бы ничтожного поденного заработка. Но низкая цена труда и продолжительный рабочий день стремятся удержаться на долгое время. Капиталисты, пользуясь этим, понижают заработную плату и удлиняют рабочий день, увеличивая тем самым свою прибыль. Однако, взаимная конкуренция заставляет их понизить цены на товары. Та добавочная прибыль, которую они извлекали благодаря удлинению рабочего дня и понижению заработной платы, теперь исчезает, но низкие цены сохраняются и побуждают капиталистов удерживать заработную плату, несмотря на удлинение рабочего дня, на низком уровне. Капиталисты не

[1]) Цена труда может еще больше понизиться, но не вследствие сокращения рабочего дня, а в силу притока рабочих рук и других обстоятельств, о которых мы здесь говорить не станем, ибо мы рассматриваем лишь *основные явления* капиталистического производства, а не *общую картину его*.

получают от всей этой комбинации никакой длительной выгоды, рабочим же она причиняет длительный ущерб. Установление нормального рабочего дня в законодательном порядке сильно ограничивает возможность повторения подобных явлений.

Нельзя не упомянуть еще об одном благоприятном последствии установления нормального рабочего дня. В некоторых отраслях промышленности капиталист рассчитывается с рабочими не поденно или понедельно, а платит ему по часам. Рабочий находится в распоряжении капиталиста целый день, но последний может его заставить работать, по своему усмотрению, то сверх всякой меры, то всего лишь несколько часов. Однако, цена труда определяется на основании продолжительности обычного рабочего дня. Таким образом, капиталист, пользуясь всей рабочей силой рабочего, уплачивает ему за его труд «нормальную» цену, не возмещая полностью стоимости его рабочей силы; это особенно ясно, когда рабочий занят меньше нормального рабочего дня; но то же самое происходит и тогда, когда он занят сверх этой нормы.

Дело в том, что стоимость расходуемой в каждый рабочий час рабочей силы не одинакова. Возместить рабочую силу, затраченную в первые часы рабочего дня, гораздо легче, чем затраченную в последние часы. Поэтому стоимость рабочей силы, израсходованной в первый час рабочего дня, меньше, чем стоимость рабочей силы, израсходованной в десятый или двенадцатый час, несмотря на то, что потребительная стоимость последней может быть гораздо меньше первой. В сответствии с этим во многих предприятиях (на основании опыта, а не физиологических или экономических соображений) принято считать рабочий день до известных пределов «нормальным», а рабочее время, превышающее установленную норму, *сверхурочным;* оно оплачивается выше, чем работа в нормальное время; впрочем, обычно эта надбавка самая смехотворная. И вот, оплачивая труд рабочего по часам, капиталист выгадывает дополнительную оплату за сверхурочное время. Ошибочно думать, что различие между «нормальным» рабочим днем в вышеуказанном смысле и сверхурочным временем заключается в том, что цена труда в течение «нормального» рабочего дня представляет нормальную заработную плату, а вознаграждение за сверхурочный труд составляет добавочную плату, превышающую однодневную стоимость рабочей силы. На самом деле это не так. Существуют фабрики, в которых сверхурочная работа производится постоянно. «Нормальная» заработная плата там так низка, что рабочий не в состоянии на нее существовать и *вынужден* работать сверхурочно. «Нормальный» рабочий день в тех предприятиях, где сверхурочная работа носит систематический характер, является только частью действительного рабочего дня, а «нормальная» заработная плата только частью необходимой для поддержания существования рабочего заработной платы. Повышенная оплата сверхурочного времени, это — часто только средство

побудить рабочего согласиться на удлинение рабочего дня. А удлинение рабочего дня ведет, как мы знаем, к понижению цены труда.

Нормальный рабочий день сильно затрудняет возможность подобных махинаций, имеющих целью понижение заработной платы.

4. Поштучная плата.

Повременная плата есть видоизмененная форма цены рабочей силы; поштучная плата есть видоизмененная форма повременной платы.

Предположим, что обычный рабочий день составляет 12 часов, что однодневная стоимость рабочей силы равна 2 р. 40 к. и что рабочий изготовляет в среднем ежедневно 24 штуки определенного товара (в капиталистических предприятиях легко вычислить на основании наблюдений, сколько продуктов изготовляет рабочий при средней ловкости и интенсивности труда в течение одного рабочего дня). Я могу нанять рабочего поденно с платой в 20 копеек за рабочий час, но я могу ему платить также за каждую изготовленную им штуку товара, например, 10 копеек за каждую штуку. В последнем случае его заработная плата будет поштучная.

Основанием для определения поштучной платы служит, как и при определении повременной платы, однодневная стоимость рабочей силы и обычная продолжительность рабочего дня. С первого взгляда может *показаться,* что поштучная плата зависит от интенсивности труда рабочего; но эта иллюзия исчезает, когда выясняется, что с повышением производительности труда поштучная плата соответственным образом понижается. Если рабочий изготовил одну штуку товара не в полчаса, как раньше, а в четверть часа—например, вследствие усовершенствования машины,— то капиталист, при прочих равных условиях, заплатит ему за каждую штуку товара не 10 копеек, а только 5 копеек.

Но часто случается, — и это хорошо известно всем занимающимся рабочим вопросом,—что когда отдельные рабочие и группы рабочих, благодаря счастливому для них стечению обстоятельств, изготовляют огромное количество товаров, капиталисты произвольно урезывают специально обусловленную для данного случая поштучную плату, мотивируя это тем, что заработок этих рабочих слишком превышает обычный уровень заработной платы. Отсюда ясно как нельзя более, что поштучная плата является только видоизмененной формой повременной платы, формой, к которой добровольно прибегает капиталист только тогда, когда он считает ее для себя более выгодной, чем повременную плату.

Поштучная плата, как правило, представляет для капиталиста большие выгоды. При повременной плате капиталист вознаграждает рабочую силу в зависимости от затраченного ею *количества труда;* при поштучной плате он вознаграждает ее в зависимости

от количества изготовленных ею продуктов. В последнем случае капиталист знает, что рабочего не нужно подгонять, что рабочий сам заинтересован в том, чтобы изготовить в единицу времени как можно больше продуктов. Кроме того, эта система облегчает контроль доброкачественности изготовленных рабочим продуктов. Самый ничтожный брак служит здесь поводом, а то и предлогом к вычетам из заработной платы; нередко дело доходит до прямого обирательства рабочих. Надзор за рабочими со стороны капиталистов и их приказчиков при поштучной плате становится излишним; капиталисту это выгодно, ибо издержки производства в данном случае сокращаются. В некоторых отраслях промышленности поштучная плата допускает работу на-дому, значительно уменьшающую организационные и эксплоатационные (на отопление, освещение, аренду помещения и т. д.) расходы и тем самым освобождающую некоторую часть капитала, которую фабрикант может использовать на другие нужды. В тех отраслях производства, где преобладает работа на-дому, например, в портняжном и сапожном деле, мастера взимают иногда со своих подмастерьев, работающих не на-дому, а в их мастерских, *особую плату* за пользование помещением и инструментами; подмастерья вынуждены платить втридорога за то «удовольствие», которое им доставляют, сдирая с них шкуру «на глазах у хозяина».

При поштучной плате рабочий старается работать как можно интенсивнее и как можно больше, ибо этим он увеличивает свою заработную плату. Он не отдает себе отчета в том, что чрезмерная работа не только разрушает его здоровье (недаром говорит пословица: «не будешь богат, а будешь горбат»), — но и понижает цену его труда. Если бы он даже это сознавал, то все-таки он не был бы в состоянии избегнуть последствий всесильного закона конкуренции.

Взаимная конкуренция между самими рабочими, иллюзия свободы и самодеятельности и изолированность рабочих друг от друга при работе на-дому затрудняют их объединение и совместные действия.

Но система поштучной платы страдает и другими недостатками. Так, напр., между капиталистами и рабочими нередко становятся паразиты-посредники, урывающие из заработной платы рабочих лакомый кусок в свою пользу. Далее, при поштучной плате возможны такие случаи, когда капиталист заключает договор об изготовлении известного количества продуктов по определенной цене за штуку с *руководителем* какой-нибудь группы рабочих, который рассчитывается со своими подручными уже по своему усмотрению. «Эксплоатация труда капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплоатации одного рабочего другим рабочим» [1]).

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 535.

Насколько поштучная плата вредна для рабочего, настолько она выгодна для капиталиста. Поштучная плата является той формой заработной платы, которая более всего соответствует характеру капиталистического производства. Она применялась еще в период ремесленного производства; в мануфактурный период она получила широкое распространение, а в эпоху расцвета крупной промышленности она служила одним из самых могущественных стимулов к удлинению рабочего дня и к понижению цены труда.

5. Национальные различия в заработной плате.

Мы рассмотрели ряд комбинаций, возникающих в связи с колебанием стоимости и цены рабочей силы (по отношению к прибавочной стоимости) и в связи с изменением продолжительности рабочего дня, а также интенсивности и производительности труда. Одновременно с этим движением происходит другое движение, перекрещивающееся с первым и заключающееся в изменении количества средств существования, в которых реализируется цена рабочей силы. Результатом всех этих изменений является колебание видоизмененной формы цены рабочей силы — заработной платы. В каждой стране заработная плата беспрерывно колеблется и зависит от условий времени и места. Всем известно, что заработная плата в Америке выше, чем в Германии, а в Германии выше, чем в Польше.

Однако, сравнить заработную плату у различных народов не так просто. «При сравнении национальных заработных плат, — говорит Маркс, — необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически развившихся жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего, чтобы средняя заработная плата в данном производстве различных стран была сведена к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнения однодневных заработных плат, повременная плата должна быть переведена на поштучную, так как только эта последняя дает мерило и для производительности, и для интенсивности труда» [1]).

Абсолютная цена труда может у одного народа, по сравнению с другим, быть очень высока, и в то же самое время *относительная заработная плата* (т.-е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью или со стоимостью всей продукции) и *действительная заработная плата* (т.-е. количество средств существования, которые рабочий приобретает на нее) могут быть очень низки.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 541.

В тех странах, где капиталистическое производство сильно развито, производительность и интенсивность труда больше, чем в тех странах, где это производство не получило широкого распространения. А на мировом рынке считают, что более производительный и более интенсивный труд известной нации создает бо́льшую стоимость. Предположим, что в России прядильщик — плохо питающийся, мало развитой, перегруженный работой, имеющий дело с устаревшими машинами — перерабатывает в среднем в час 1 клгр. хлопка, а английский прядильщик перерабатывает в тот же промежуток времени 6 клгр. хлопка. Однако, 1 клгр. русской пряжи не будет в силу этого стоить на мировом рынке дороже, чем 1 клгр. английской пряжи. Следовательно, английский прядильщик создает в данное время бо́льшую стоимость, чем русский; стоимость продукта, изготовленного в единицу времени, овеществляется в Англии в большем количестве золота, чем в России. Поэтому в стране с высоко развитой капиталистической промышленностью денежное выражение заработной платы может быть выше, чем в капиталистически-отсталой стране, и в то же самое время цена труда, по сравнению с прибавочной стоимостью, может быть в первой стране гораздо ниже, вследствие того, что стоимость ее общей продукции выше.

Но в стране, где производительность труда выше, стоимость денег ниже. Поэтому, хотя в такой стране цена рабочей силы и выше, но рабочий все же не в состоянии приобрести на свой более высокий заработок больше средств существования.

При постройке железных дорог в Азии английские капиталисты нанимали не только дешевых туземных, но и дорогих английских рабочих. В этом, как и во многих других подобных случаях, выяснилось, что труд, который казался самым дорогим, был на самом деле (по сравнению с продукцией и прибавочной стоимостью), самым дешевым.

Русская дореволюционная промышленность, в которой заработная плата была мизерная, а эксплоатация труда безграничная, влачила жалкое существование и держалась только благодаря запретительной системе таможенных пошлин. Она не могла конкурировать с английской промышленностью, в которой заработная плата гораздо выше, рабочий день короче, применение женского и детского труда сильно ограничено, существует охрана здоровья рабочих и т. д. В России *абсолютная цена* труда, выраженная в *деньгах,* была низка. Его же *относительная цена* (по сравнению со стоимостью продукта на мировом рынке) была *высока.*

ГЛАВА II.

ДОХОД С КАПИТАЛА.

Нам уже известно, каким образом деньги превращаются в капитал и каким образом наемный рабочий своим трудом не только сохраняет стоимость израсходованной на приобретение необходимых средств производства части общего капитала, но и создает новую стоимость, равную стоимости его рабочей силы + прибавочной стоимости.

Но образованием прибавочной стоимости движение капитала еще не заканчивается. Товар не выполнил своего назначения, если он не превратился в деньги; то же самое следует сказать и о прибавочной стоимости, ибо первоначально и она содержится в определенном количестве товаров, прибавочном продукте. После того как прибавочная стоимость, выражающаяся в форме прибавочного продукта, *произведена,* ее стоимость должна быть *реализована* в деньгах, т.-е. изготовленный товар должен быть продан на рынке. При этом прибавочную стоимость, как и всякий другой товар, ожидают разнообразные приключения иногда веселого, а иногда и грустного характера. Вчера она была реализована по чрезмерно высокой цене, сегодня же по неслыханно низкой, а то и совсем не была реализована. Случается, что товар, в котором она овеществлена, раскупается еще до появления его на рынке, но не редки и такие случаи, когда он годами валяется в лавках на полках и т. д. Но как во время, так и после этих приключений прибавочной стоимости угрожают еще другие опасности. Купец, который занят продажей товара, урывает часть прибавочной стоимости в свою пользу в виде торговой прибыли. Фабрикант, изготовляющий товар, должен платить земельную ренту, налоги, проценты за полученные взаймы деньги и т. д.; остаток прибавочной стоимости капиталист кладет в свой карман: это — его прибыль.

Все эти приключения и превращения прибавочной стоимости не принадлежат к числу непосредственно интересующих нас здесь вопросов. Некоторые из них, связанные с процессом обращения капитала, Маркс рассматривает во втором томе «Капитала», остальные же он исследует в третьем томе, посвященном анализу общего процесса капиталистического способа производства. В первом томе «Капитала» идет речь только об одной из сторон общего процесса производства, о *непосредственном процессе производства.* Поэтому нас интересует здесь дальнейшая судьба про-

изведенной прибавочной стоимости лишь постольку, поскольку последняя влияет на непосредственный процесс производства в тесном смысле. Следовательно, мы попрежнему (за исключением особо оговоренных случаев) исходим из предположения, что капиталист продает свои товары на товарном рынке по их действительной стоимости; кроме того, мы предполагаем, что прибавочная стоимость целиком возвращается к капиталисту. Предположения обратного характера только осложнили и затруднили бы наше исследование и не внесли бы никаких существенных изменений в его окончательные выводы.

Прибавочная стоимость влияет на процесс производства только *при воспроизведении, при повторении* этого процесса.

Каждый общественный процесс производства есть в то же время и процесс воспроизводства; при каждой общественной форме процесс производства либо протекает непрерывно, либо повторяется периодически. Поэтому при каждой общественной форме необходимо постоянно производить не только предметы потребления, но и средства производства.

Если производство принимает капиталистическую форму, то такую же форму принимает и воспроизводство. Подобно тому как всякое общество нуждается в том, чтобы потребительные стоимости производились непрерывно или в регулярно повторяющиеся промежутки времени, так и капитал нуждается в том, чтобы *прибавочная стоимость производилась непрерывно,* чтобы она *воспроизводилась* постоянно—иначе он перестает быть капиталом. Однажды извлеченная прибавочная стоимость употребляется на извлечение новой прибавочной стоимости и т. д.; таким образом капитал безостановочно производит все новую и новую прибавочную стоимость, воспроизводит ее; как периодически вновь произрастающий плод движущегося капитала, она приобретает форму *постоянного дохода* с капитала, *прибыли.*

Так обстоит дело с прибавочной стоимостью, поскольку она *вытекает* из воспроизводства. Но процесс воспроизводства предоставляет ей возможность снова *влиться в процесс* производства. Предположим, что капиталист вложил в дело капитал в 1.200.000 рублей, приносящий ему ежегодно доход в 20.000 рублей. Куда он денет этот доход? Здесь возможны два крайних случая: либо он его целиком потребит, либо он увеличит свой капитал, присоединит к нему весь свой доход. В действительности эти крайние случаи редки; обычно одна часть прибавочной стоимости потребляется, а другая присоединяется к первоначальному капиталу. Если прибавочная стоимость потреблена целиком, то вложенный в дело капитал не изменяется. В данном случае мы говорим о *простом воспроизводстве.* Если же прибавочная стоимость целиком или отчасти присоединяется к капиталу, то происходит *аккумуляция* (накопление) капитала, и процесс воспроизводства идет дальше *на расширенном основании.*

ГЛАВА III.

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

Простое воспроизводство есть только повторение процесса производства в прежнем объеме. Однако, самое повторение сообщает процессу ряд новых признаков.

Предположим, что владелец некоторой суммы денег — быть может, его трудовых сбережений — превращает эту сумму в капитал. Он вложил в дело 10.000 рублей; из них 9.000 рублей — постоянный капитал, а 1.000 рублей — переменный капитал, заработная плата.

Затраченный им капитал создает запас продуктов стоимостью в 11.000 рублей; при продаже этого запаса он выручает полностью указанную сумму. Прибавочную стоимость в 1.000 рублей он потребляет без остатка, и процесс воспроизводства протекает в прежнем объеме: 9.000 рублей составляют постоянный капитал, а 1.000 рублей — переменный капитал. Однако, между первым и вторым процессом производства существует определенное различие: та 1.000 рублей, которая в первом процессе была израсходована на заработную плату, была создана не трудом занятых в предприятии рабочих, а может быть, личным трудом самого капиталиста или возникла каким-либо другим образом. Напротив, та 1.000 рублей, которая была израсходована на заработную плату в повторном процессе производства, представляет реализованную *стоимость, созданную рабочими в прежнем процессе производства.* Во втором случае рабочие не только перенесли на изготовленный ими продукт стоимость постоянного капитала (9.000 рублей), но и создали новую стоимость (2.000 рублей), одна половина которой равна стоимости их рабочей силы, а другая составляет прибавочную стоимость.

Если мы будем рассматривать капиталистический процесс производства, как однократный (или первичный), то мы заключим, что капиталист выдает заработную плату *вперед,* из своих *личных средств.* Если же мы станем рассматривать этот процесс как процесс воспроизводства, то мы увидим, что рабочие вознаграждаются частью *продукта своего собственного труда.* В этом

смысле справедливо говорят, что в виде заработной платы рабочий получает некоторую долю продукта своего труда, но только уже проданного продукта прежнего производства.

Вернемся к нашему примеру. Предположим, что каждый законченный период производства длится полгода. Следовательно, ежегодно наш капиталист загребает 2.000 рублей прибавочной стоимости и проживает ее полностью. За 5 лет он проживает 10.000 рублей, т.-е., стоимость, равную его первоначальному капиталу. И все-таки он будет обладать капиталом в 10.000 рублей. Но хотя стоимость нового капитала и стоимость первоначального капитала одинаковы, происхождение их различное. Первоначальный капитал в 10.000 рублей не был создан трудом занятых в его предприятии рабочих, а возник каким-либо другим образом. Эти 10.000 рублей капиталист растратил в течение 5 лет; те же 10.000 рублей, которыми он еще располагает, образовались из *прибавочной стоимости*. Таким образом, каждый капитал, каков бы ни был источник его происхождения, превращается со временем, даже в процессе простого производства, в капитализированную прибавочную стоимость, в доход от избыточного чужого труда, в аккумулированный, *накопленный* капитал.

Исходным моментом капиталистического процесса производства является обособление рабочего от средств производства, скопление неимущих рабочих на одной стороне и скопление средств производства и средств существования на другой. В капиталистическом *процессе воспроизводства* этот *исходный момент* возникает как *результат* самого процесса производства. Капиталистический процесс воспроизводства непрерывно сам создает и поддерживает условия для своего развития: капитал и класс наемных рабочих.

Средства существования и средства производства — продукт труда наемных рабочих, но они принадлежат не им, а капиталистам. Наемный рабочий в конце каждого периода производства — такой же неимущий пролетарий, каким он был в его начале; напротив, капиталист в конце того же периода располагает новыми средствами существования, на которые он покупает рабочую силу, и новыми средствами производства, которые он применяет в своем предприятии.

Итак, сам рабочий постоянно создает почву для своего порабощения и своей нищеты.

Но процесс воспроизводства капитала в свою очередь вызывает необходимость воспроизводства рабочего класса.

Пока мы исследовали производство, как *однократный, изолированный процесс,* мы имели дело с *отдельными* капиталистами и *отдельными* рабочими. В этом случае казалось, что рабочий и неотделимая от него рабочая сила принадлежат капиталисту только в период *производительного* потребления последней, т.-е. в течение рабочего дня. Остальное время принадлежит, повиди-

мому, рабочему и его семье. Он ест, пьет, спит, — думали мы, — в своих интересах, а не в интересах капиталиста.

Но если мы взглянем на капиталистический процесс производства в общем и целом, т.-е. как на процесс воспроизводства, то мы с первой же минуты увидим перед собой не отдельных рабочих и не отдельных капиталистов, а *рабочий класс* и *капиталистический класс*. Процесс воспроизводства капитала стремится увековечить рабочий класс; это значит, что ради непрерывности процесса производства рабочие должны постоянно восстанавливать израсходованную ими рабочую силу и следить за безостановочным притоком подрастающих свежих рабочих. Капитал великодушно возлагает выполнение этих важных функций самосохранения и размножения на самих рабочих.

Хотя в свободное от работы время рабочие делают, повидимому, то, что им угодно, но в действительности, даже «бездельничая», они не перестают работать на класс капиталистов. Когда они в часы досуга едят, пьют и т. д., они поддерживают существование класса наемных рабочих, а следовательно и капиталистического производства. Вручая рабочему заработную плату, капиталист (*кормилец*, как его называли в патриархальные времена, *работодатель*, как его окрестили немецкие профессора-экономисты) снабжает его средствами, едва достаточными для того, чтобы как-нибудь просуществовать и поддержать в своем лице частицу рабочей силы рабочего класса, столь необходимой капиталистическому классу.

Но, потребив средства существования, приобретенные на заработанные деньги, рабочие снова вынуждены продавать свою рабочую силу.

Итак, с точки зрения процесса воспроизводства, рабочий служит капиталисту не только в рабочее, но и в «свободное» от работы время. Он ест и пьет не в своих интересах, а для того, чтобы сохранить свою рабочую силу для класса капиталистов. Поэтому, как он ест и пьет — для капиталиста не безразлично. Если он по воскресеньям, вместо того, чтобы отдохнуть и восстановить свои силы, напивается, а по понедельникам опохмеляется, то капиталист смотрит на это не как на вред, причиняемый рабочим самому себе, а как на преступление против капитала, как на *растрату* принадлежащей последнему рабочей силы.

Не только *купленная рабочая сила*, а *весь рабочий, весь рабочий класс* становится на почве процесса воспроизводства *придатком капитала*. Если рабочий не желает с этим примириться и имеет возможность избегнуть этого, напр., эмигрируя, то капиталист удерживает его силой, если в этом встречается надобность. Так, в прежние времена в большинстве государств эмиграция квалифицированных рабочих была запрещена в законодательном порядке. В настоящее время этого не требуется. Капиталистическое производство настолько окрепло, что его законы обычно

выполняются без всякого вмешательства законодательства, в силу *экономической* необходимости.

Рабочий в настоящее время привязан к капиталу невидимыми путами, и он находит капитал всюду, куда он ни обратится.

Впрочем, наши «социальные» реформаторы считают такую зависимость рабочего класса от капиталистического класса не совсем достаточной. В качестве методов «разрешения социального вопроса» они предлагают закрепощение рабочих за *отдельными* капиталистами путем ограничения свободы передвижения, устройства специальных «рабочих» домов и тому подобных «реформ».

ГЛАВА IV.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ.

1. Как прибавочная стоимость становится капиталом.

Обычно капиталист не растрачивает всей прибавочной стоимости, а снова превращает ее, по крайней мере частично, в капитал. «Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением (аккумуляцией) капитала» [1]).

Поясним это на нашем прежнем примере. Капитал в 10.000 рублей приносит его владельцу за год прибавочную стоимость в 2.000 рублей. Если капиталист не израсходует ее, а присоединит к своему первоначальному капиталу, то, по истечении одного года, он будет обладать капиталом в 12.000 рублей; этот капитал, при прежних условиях, принесет за год 2.400 рублей прибавочной стоимости. После присоединения и этой суммы к первоначальному капиталу последний возрастет до 14.400 рублей, а годовая прибавочная стоимость до 2.880 рублей. Дальнейшие операции в том же духе увеличат через год первоначальный капитал до 17.280 рублей, а прибавочную стоимость до 3.456 рублей, т.-е. капитал составит 20.736 рублей и т. д. Следовательно, за 4 года капитал возрос вследствие накопления прибавочной стоимости больше чем в два раза.

Аккумулируется ли вся прибавочная стоимость или только часть ее — это безразлично.

Также не имеет в данном случае значения, каким образом аккумулируется прибавочная стоимость, образует ли она *добавочный* или *новый* капитал. Владелец прядильной фабрики может затратить прибавочную стоимость на расширение своей фабрики, на закупку новых машин и увеличение числа рабочих и запасов сырья; но он может также израсходовать ее на постройку новой прядильной фабрики или на организацию совсем другого предприя-

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 563.

тия, напр., ткацкой фабрики или угольных копей и т. д. На какую бы цель ни употребил капиталист в данном случае прибавочную стоимость, она всегда снова превратится в капитал, в стоимость, создающую прибавочную стоимость.

Но для того, чтобы превратиться в капитал, прибавочная стоимость должна сперва превратиться из товара в деньги, а затем вторично превратиться из денег в товар. Предположим, напр., что владелец прядильной фабрики продал пряжу и обладает теперь не только первоначальным капиталом, но еще некоторой суммой денег, составляющей прибавочную стоимость. На-ряду со своим первоначальным капиталом он желает превратить в капитал и прибавочную стоимость. С этой целью товары, которые служат средством производства, он должен приобрести в большем количестве, чем раньше: для превращения прибавочной стоимости в добавочный капитал необходимо достать добавочное количество сырья (в нашем примере хлопка) и орудий производства (машин), нанять новых рабочих и раздобыть средства существования для поддержания их рабочей силы. Это значит, что предварительным условием накопления капитала является наличность материального базиса (основы) для расширения производства.

Владелец прядильной фабрики может быть вполне уверен в том, что на мировом рынке он найдет нужные ему добавочные средства производства; ведь *прибавочная стоимость,* а следовательно и *прибавочный продукт* создаются не только на прядильных фабриках, но в то же самое время и на хлопковых плантациях, на машиностроительных заводах, в угольных копях и т. д.

Имея в виду не ту прибавочную стоимость, которая достается в течение года отдельному капиталисту, а годичную сумму прибавочных стоимостей, извлекаемых всем капиталистическим классом, мы приходим к следующему выводу: прибавочная стоимость (полностью или частично) может быть превращена в капитал лишь потому, что прибавочный продукт (полностью или в соответственной части) состоит из средств производства и средств существования (для поддержания рабочих сил).

Но где взять добавочных рабочих? Капиталисту не приходится ломать себе голову над разрешением этого вопроса. «Достаточно того, — рассуждает он, — что в виде заработной платы я даю рабочим нужные для жизни средства; о продлении же своего рода пусть они позаботятся сами».

Итак, *рабочий класс сам производит добавочных рабочих, необходимых для расширения производства,* при воспроизводстве — в увеличенном числе.

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве всякий капитал становится через несколько лет аккумулированным капиталом, состоящим исключительно из накопленной прибавочной стоимости. Но первоисточником образования такого капитала могут служить трудовые сбережения его владельца. Иное дело —

капитал, первоисточником которого является аккумулированная прибавочная стоимость. Он с первой же минуты своего существования представляет результат труда тех, кто им не владеет. Аккумуляция прибавочной стоимости означает присвоение неоплаченного чужого труда с целью дальнейшего присвоения подобного труда в более широких размерах. Какое противоречие с основными законами товарообмена. Мы знаем, что при товарообмене, с одной стороны, товар является частной собственностью его производителя, а с другой стороны, обмениваются лишь равные стоимости; следовательно, завладеть известной стоимостью может только тот, кто затратил свой труд, кто уступил равную стоимость.

При капиталистическом же способе производства мы обнаруживаем: во-первых, отделение рабочего от продукта его труда, ибо тот, кто создает продукт, и тот, кто им владеет, — совершенно различные лица; во-вторых, прибавочную стоимость, т.-е. присвоение стоимости без уступки равной стоимости. Но, кроме того, выясняется, что прибавочная стоимость — не только *результат*, но и *основа* капиталистического процесса производства. Не только капитал создает прибавочную стоимость, но и прибавочная стоимость создает капитал; таким образом, всякое богатство состоит преимущественно из стоимостей, присвоенных без уступки равных стоимостей.

Однако, такое обращение законов товарного производства в их прямую противоположность происходит не *вопреки* этим законам, а на *основании* их.

«В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения. Нельзя не удивляться поэтому остроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства» [1]).

2. Воздержание капиталиста.

Мы рассмотрели пока только два крайних случая, когда прибавочная стоимость либо целиком потребляется, либо целиком аккумулируется. Но мы уже говорили, что обычно одна часть прибавочной стоимости потребляется, а другая часть аккумулируется. Первая часть составляет *доход* в *тесном смысле* этого слова.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 572.

Какую часть прибавочной стоимости следует потребить и какую превратить в капитал — это зависит, собственно говоря, от усмотрения самого капиталиста. При решении этого вопроса в его душе происходит сильная внутренняя борьба.

Вместе с Фаустом может он воскликнуть:

«Два помысла живут в груди моей;
Один с другим стремится разлучиться.
И одному из них нужна земля,
Его прельщает все, что в этом мире;
Другому нравятся прелестные поля»,—
Где... родятся дукаты в изобилии.

Да, капиталист переживает в своеобразном виде давнишний разлад между плотскими увлечениями и аскетизмом, между язычеством и христианством. Всей душой стремится он к радостям земной жизни, но всякое наслаждение, которое не может достаться ему даром, он считает грехом.

Та часть прибавочной стоимости, которую капиталист расходует на свои личные нужды, является величиной не произвольной, а определенной, исторически сложившейся; как и заработная плата, она должна соответствовать привычному, «подобающему» образу жизни соответственного общественного слоя.

Наравне с рабочим, хотя и в совершенно другом смысле, капиталист на всю жизнь прикован к капиталу.

Конкуренция заставляет его подчиняться требованиям законов капиталистического производства не только в предприятии, но и в *частной жизни*. Если он прожигает жизнь, кутит не по средствам, то его считают мотом, и его кредит падает. Если он скуп, если он не живет сообразно своему общественному положению, то возникает предположение, что его дело не приносит ему среднего дохода, и кредит его тоже падает. Поэтому капиталист вынужден расходовать на свои нужды определенную часть своей прибавочной стоимости; размеры последней зависят от условий времени и от того общественного слоя, к которому принадлежит капиталист. Но это величина гораздо более изменчивая, чем величина заработной платы.

Что же касается аккумулируемой части прибавочной стоимости, то она не ограничена ничем, кроме общей суммы прибавочной стоимости и образа жизни капиталиста. Чем больше аккумулируется, тем это лучше для капиталиста. Самый способ капиталистического производства делает необходимой непрерывную аккумуляцию капитала. Мы видим, что вследствие технического процесса капитал, необходимый для организации и эксплоатации предприятия, в котором продукты должны вырабатываться в среднем необходимое рабочее время, постоянно увеличивается. Если, напр., сегодня, в данное предприятие, чтобы оно могло конкурировать

с другими подобными же предприятиями, нужно вложить не менее 20.000 рублей, то через 20 лет, в связи с необходимостью применения новых методов работы, более усовершенствованных машин и т. д., эта минимальная сумма повысится до 50.000 рублей.

Если капиталист, начавший дело с капиталом в 20.000 рублей, упустил аккумулировать прибавочную стоимость в достаточном количестве, вследствие чего через 20 лет он будет иметь в своем распоряжении не 50.000 рублей, а скажем, только 30.000 рублей, то очень возможно, что он не выдержит конкуренции и погубит свое дело. Стремление к аккумуляции ради аккумуляции развито при современном капиталистическом способе производства в такой же степени, в какой прежде, в эпоху товарного производства, было развито стремление к накоплению золота и серебра и хранению их в сундуках. Подобно накоплению сокровищ, аккумуляция капитала безгранична. Какими бы суммами ни владел капиталист, как бы велики ни были его доходы и как бы ни превышали они его потребностей, он неустанно извлекает все новую и новую прибавочную стоимость, не с целью удовлетворения своих потребностей, а с целью увеличения своих капиталов.

Классическая политическая экономия выяснила причины и последствия как накопления, так и потребления прибавочной стоимости капиталистическим классом совершенно беспристрастно; но она интересовалась только экономической стороной этих процессов, а не нравственной, что, разумеется, очень безнравственно.

Между тем, пролетариат постепенно пробуждался и проникался классовым самосознанием. С конца 20-х годов XIX столетия стало энергично развиваться рабочее движение во Франции и в Англии. Поэтому буржуазным ученым пришлось оставить *исследование* экономических проблем и заняться защитой капитала. В политическую экономию была введена «этика»; эта почтенная дама на старости лет стала проповедывать мораль. Знания были отодвинуты на задний план; главная роль была поручена «чувству», при помощи которого было вскоре установлено, что капиталист проявляет необычайный героизм, когда он, вместо того, чтобы расходовать прибавочную стоимость на свои нужды, *воздерживается* от этого и аккумулирует ее. Само собой разумеется, что рабочие должны быть преисполнены уважения и признательности по отношению к этому «святому», но столь же очевидно, что этот «святой», несмотря на свое величайшее воздержание, не может питаться одним лишь уважением и признательностью; поэтому для поощрения его сытой добродетели и продажной морали буржуазные экономисты признали, что «святой» имеет право на вознаграждение за присвоение и аккумуляцию неоплаченного чужого труда: столь неприятно звучащее слово «прибыль» было заменено термином «*вознаграждение за воздержание*».

3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер аккумуляции.

Чем больше «воздержание» капиталиста, тем больше размер аккумуляции. Но, к его счастью, существуют еще другие факторы, определяющие размер аккумуляции. Все то, что увеличивает сумму прибавочной стоимости, увеличивает также — при прочих равных условиях — размер аккумуляции. Нам уже известны обстоятельства, влияющие на размер прибавочной стоимости. Мы остановимся здесь только на тех из них, которые освещают интересующий нас вопрос с только-что установленной нами точки зрения. Одним из самых главных факторов является *воздержание рабочего*. Ясно, что чем меньше плата рабочему, тем больше норма прибавочной стоимости, тем больше аккумулируемая часть (при неизменности потребляемой части) последней. Все то, что понижает стоимость рабочей силы или содействует ее понижению, способствует аккумуляции капитала. Этим объясняется негодование капиталистов и их прислужников по поводу «мотовства» рабочих, позволяющих себе курить папиросы и пить пиво и подрывающих тем самым «народное благосостояние». В 1872 году по Берлину распространилась сплетня, будто какой-то рабочий опорожнил бутылку шампанского; эта сплетня облетела всю капиталистическую печать, которая начала трубить о том, что этот рабочий наложил позорное клеймо на весь рабочий класс.

Изумительную изобретательность проявил капиталистический мир в придумывании бесчисленных способов и рецептов, содействующих воздержанию рабочих, начиная с румфордской похлебки [1]) и кончая вегетарианской пищей. Маркс приводит многочисленные примеры таких рецептов, к которым мы и отсылаем читателя [2]).

Капиталиста смущает то обстоятельство, что всякое расширение предприятия требует довольно значительных затрат постоянного капитала. Эти затраты увеличиваются по мере усовершенствования машин, применяемых крупной промышленностью. Но у него есть в данном случае хороший выход из затруднительного положения: если в его распоряжении имеется необходимый для поддержания дела постоянный капитал, то до известных пределов он может расширить свое производство за счет добавочного переменного капитала, не увеличивая одновременно в той же про-

---

[1]) В. Томсон (он же граф Румфорд) — автор сочинения «Essays political, economical and philosophical» (3 тома, Лондон, 1796—1802), которое Маркс («Капитал», т. I, стр. 587) называет «поваренной книгой, наполненной всякого рода рецептами, указывающими, как заменить дорого стоющие нормальные предметы потребления рабочих дешевыми суррогатами». (*Примеч. перев.*)

[2]) «Капитал», т. I, стр. 585 — 589.

порции постоянного капитала. Если, напр., дела фабриканта идут хорошо и он желает расширить свое производство, то он может достичь этого без особенного труда путем удлинения рабочего дня на 2 — 3 часа. Ему не нужно приобретать новых машин и возводить новых фабричных построек; он должен только закупить добавочное количество сырья и вспомогательных средств.

Но существуют такие отрасли промышленности, которые совершенно не закупают сырья (напр., горные промысла) или закупают его в небольшом количестве (напр., закупка семян и удобрений в сельском хозяйстве); это такие отрасли, которые добывают сырье из земли; для увеличения своего производства им приходится увеличивать только число рабочих. Увеличение продукции обусловлено здесь исключительно наличностью земли и труда; «овладевая этими двумя первоначальными факторами, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, повидимому, его собственной величиной, т.-е. стоимостью и массой тех, уже произведенных средств производства, в которых реализуется бытие капитала» [1]).

Но капитал присваивает себе не только землю и человека, но и науку; несмотря на то, что сам он не принимает в науке никакого участия, он все же широко пользуется плодами ее прогресса, повышая при ее содействии производительность труда и тем самым увеличивая аккумуляцию капитала. С повышением производительности труда понижается стоимость рабочей силы и увеличивается норма прибавочной стоимости. Благодаря повышению производительности труда, а следовательно и понижению стоимости предметов первой необходимости и предметов роскоши, капиталист, не увеличивая потребляемой части прибавочной стоимости, может приобретать эти предметы в большем количестве, чем раньше, или же может покупать их в прежнем количестве, но зато с меньшей затратой прибавочной стоимости; итак, он имеет теперь возможность вести более широкий образ жизни без всякого уменьшения аккумулируемой части своей прибавочной стоимости, или же, не увеличивая своих потребностей, но и не уменьшая их, увеличить аккумулируемую часть своей прибавочной стоимости; нередко ему удается добиться того и другого одновременно.

Чем больше вложенный в предприятие капитал и чем выше производительность труда, тем больше не только норма, но и масса прибавочной стоимости, тем больше может капиталист потреблять и тем больше аккумулировать.

Уже из вышеизложенных соображений видно, что капитал есть *величина не неизменная, а очень эластичная,* то расширяющаяся, то сокращающаяся. Капитал составляет только *часть* общественного богатства; он увеличивается благодаря притоку

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 590.

определенной доли других составных частей общественного богатства — потребительных фондов капиталистического и рабочего класса, и наоборот, он уменьшается в случае отлива некоторой части его в указанные фонды. Мощь его увеличивается посредством удлинения рабочего времени, увеличения производительности труда и усиления эксплоатации земли. Мы здесь совершенно оставляем в стороне процесс обращения капитала, ускорение и замедление этого процесса; мы не учитываем здесь также кредитной системы, играющей такую большую роль при расширении и сокращении капитала и сферы его действия. Этих вопросов мы пока не будем касаться. Но условия самого процесса производства доказывают нам эластичность капитала. Тем не менее, буржуазные экономисты утверждают, что капитал — величина постоянная, имеющая определенную сферу действия. Переменный капитал они также рассматривают, как величину неподвижную, называя ее *рабочим фондом*. «Такой-то капитал,—говорят они,—предназначен для расплаты с рабочими. Чем больше рабочих, тем меньше та доля, которая достается каждому из них; чем меньше рабочих, тем больше эта доля». Приравнивая переменный капитал к средствам существования, потребляемым рабочими, они продолжают: «Число рабочих, занятых в данной стране, и размер их заработной платы зависят от количества имеющихся на-лицо средств существования. Низкая заработная плата и массовая безработица объясняются исключительно тем, что рабочие размножаются скорее, чем увеличивается наличный запас средств существования. Поэтому источником нищеты рабочего класса является *природа, а не способ производства.*

Основываясь на этих воззрениях, *Мальтус* построил свою знаменитую теорию.

ГЛАВА V.

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ.

1. «Железный закон заработной платы».

Мальтузианцы (последователи теории Мальтуса) утверждают, как известно, что рабочие по своему «легкомыслию» размножаются скорее, чем увеличивается наличный запас средств существования, или, выражаясь точнее, чем возрастает переменный капитал. На этой почве возникает перенаселение, заключающееся в том, что предложение рабочих сил превышает спрос на эти силы, что наличного запаса средств существования не хватает для удовлетворения всех рабочих, что, следовательно, до тех пор, пока размножению рабочих не будет положен предел, по крайней мере часть рабочего класса будет, в силу неумолимого закона природы, подвержена голоду, безработице и всем вытекающим отсюда бедствиям и страданиям.

Таковы взгляды мальтузианцев. Познакомимся теперь со взглядами Маркса на действительное взаимоотношение между увеличением капитала и размножением рабочего класса.

«Важнейшие факторы этого исследования — состав капитала и те изменения, которые претерпевает он в ходе процесса накопления. Состав капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемый со стороны *стоимости,* состав определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, т.-е. стоимость средств производства, и переменный капитал, т.-е. стоимость рабочей силы, общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны *материала,* функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле состав капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения, — с другой. Первый я называю *составом капитала по стоимости,* второй — *техническим составом капитала.* Между тем и другим существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить это взаимоотношение, я называю *органическим составом капитала* его состав по стоимости,

поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменения технического состава. В тех случаях, где просто говорится о составе капитала, всегда следует подразумевать его органический состав» [1]).

Этот состав для каждого отдельного капитала различен. В наших дальнейших рассуждениях мы исходим из *среднего* состава общественного капитала данной страны.

После этих предварительных замечаний перейдем теперь к вопросу о накоплении капитала.

Начнем с самого простого случая: аккумуляция происходит *без изменения* состава капитала, т.-е. определенное количество средств производства всегда приводится в движение одинаковым количеством рабочих сил. Допустим, что у нас имеется капитал в 100.000 рублей, $^3/_4$ которого составляют постоянный капитал, а $^1/_4$ переменный капитал. К этому первоначальному капиталу присоединяется прибавочная стоимость в 20.000 рублей. При принятых нами условиях этот добавочный капитал разделится в той же пропорции, как и первоначальный капитал. Таким образом, общий капитал (120.000 рублей) будет состоять из 90.000 рублей постоянного капитала и 30.000 рублей переменного капитала; как один, так и другой капитал возросли в одной и той же мере, а именно на 20%.

Для реализации дополнительного капитала необходимы добавочные рабочие силы. Предназначенная для акумуляции прибавочная стоимость в 20.000 рублей может превратиться в капитал только в том случае, если число занятых в данном предприятии наемных рабочих увеличится на 20%.

Если при неизменности состава капитала число наемных рабочих не будет увеличиваться с такой быстротой, как самый капитал, то спрос на рабочие руки опередит предложение, и заработная плата повысится.

Имея в виду этот случай, мальтузианцы предлагают разрешить социальный вопрос путем ограничения размножения рабочих. Они упускают при этом из виду, что повышение заработной платы нисколько не влияет на капиталистическое отношение, на отношение между капиталистами и наемными рабочими. Аккумуляция капитала означает воспроизводство капиталистического отношения *в расширенном масштабе*, означает увеличение капиталов и массы прибавочной стоимости, неоплаченного труда, с одной стороны, и *увеличение пролетариата* — с другой.

Даже *увеличение* заработной платы, в связи с аккумуляцией капитала, способствует росту пролетариата, ибо область господства капитала при этом расширяется.

Но заработная плата не может достичь таких размеров, которые причинят ущерб самой прибавочной стоимости. Спрос на

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 600 — 601.

рабочую силу возникает при капиталистическом способе производства вследствие стремления капитала к самовозрастанию, к производству прибавочной стоимости. Поэтому капитал не станет покупать рабочую силу по такой цене, которая исключала бы возможность извлечения прибавочной стоимости.

Если заработная плата, вследствие аккумуляции капитала, повышается, то здесь возможны два случая: 1) увеличение цены труда не препятствует увеличению аккумуляции (хотя *норма* прибавочной стоимости здесь и понижается, но *масса* прибавочной стоимости может при этом увеличиться вследствие аккумуляции). «В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда нисколько не препятствует распространению господства капитала». Или 2) накопление, вследствие повышения цены труда, ослабевает, потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли. «Накопление уменьшается. Но вместе с его уменьшением исчезает причина его уменьшения [1])», потому что потребность капитала в самовозрастании удовлетворена в достаточной мере. «Следовательно, самый механизм капиталистического процесса производства устраняет те преходящие препятствия, которые он создает» [2]).

Между оплаченным и неоплаченным трудом возникают своеобразные взаимоотношения. «Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но если это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается воспроизводство последней в расширяющемся масштабе» [3]).

Колебания в аккумуляции капитала, удерживающие заработную плату в известных границах, представляются буржуазным экономистам, как колебания в количестве предлагающих свой труд наемных рабочих. Они заблуждаются подобно людям, которые думают, что солнце движется около земли, а земля стоит неподвижно [4]). При замедлении аккумуляции капитала кажется, будто

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 608.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 608.
[3]) «Капитал», т. I, стр. 609—610.
[4]) Маркс говорит: «Таким образом, когда промышленность проходит в своем цикле фазу кризиса, общее понижение товарных цен выражается

рабочее население увеличивается скорее, чем в другое время; при ускорении аккумуляции кажется, будто рабочее население уменьшается или увеличивается медленнее, чем обычно. Чаще всего, как это, вероятно, знает большинство читателей, колебание заработной платы вверх и вниз, ограниченное известными пределами, так называемый «железный закон заработной платы», экономисты объясняют тем, что повышение заработной платы содействует быстрому размножению рабочего населения, а увеличившееся предложение труда понижает заработную плату; падение же заработной платы увеличивает нищету и смертность среди рабочего класса, вследствие чего предложение рабочей силы уменьшается, а заработная плата снова возрастает.

Этому объяснению противоречит уже тот простой и общеизвестный факт, что заработная плата колеблется не от поколения к поколению, а в более краткие промежутки времени. Об этом мы еще будем говорить впоследствии.

2. Промышленная резервная армия.

До сих пор мы исходили из предположения, что аккумуляция совершается без изменения состава капитала. Но время от времени известные изменения в процессе аккумуляции происходят в силу необходимости.

На *технический* состав капитала влияет каждое изменение в *производительной силе труда*. Количество средств производства, превращаемых рабочим в продукт, увеличивается, при прочих равных условиях, вместе с увеличением производительности труда: увеличивается количество перерабатываемого им сырья, употребляемых им средств производства и т. д. Следовательно, вместе с производительностью труда возрастает также количество средств производства по отношению к овеществленной в них рабочей силе или, другими словами, уменьшается количество затраченного труда по отношению к количеству использованных им средств производства.

Это изменение в *техническом составе* капитала отражается в свою очередь на его органическом составе (составе по стоимости) и влечет за собой относительное уменьшение его *переменной*

как повышение относительной стоимости денег, а когда она проходит фазу процветания, общее повышение товарных цен получает такое выражение, как будто происходит относительное понижение стоимости денег. Так называемая школа Currency делает из этого тот вывод, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало, а при низких — слишком много денег. Ее невежество и полное забвение фактов находит себе достойную параллель в экономистах, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, что в одном случае имеется слишком мало, а в другом — слишком много наемных рабочих». («Капитал», т. I, стр. 609.)

части и *увеличение* его постоянной части. Но изменения в органическом составе капитала не вполне соответствуют изменениям его технического состава, ибо с повышением производительности труда не только *увеличивается количество* использованных средств производства, но и уменьшается их *стоимость,* хотя и в меньшей степени, чем увеличивается их *количество.* Например, в начале XVIII столетия капитал, вложенный в прядильное предприятие, состоял, примерно, наполовину из постоянного и наполовину из переменного капитала. В настоящее время прядильщик употребляет при одинаковой затрате труда в сотни раз больше сырья, орудий труда и т. д., чем тогда, и между тем отношение между стоимостями постоянного и переменного капитала изменилось в меньшей степени; постоянный капитал, вложенный в современную прядильную фабрику относится к переменному капиталу приблизительно, как 7 : 1.

Во всяком случае, при капиталистическом производстве повышение производительности труда сопровождается *относительным* уменьшением переменного капитала. Но производительность труда связана самым тесным образом с аккумуляцией капитала.

При товарном производстве средства производства принадлежат частным собственникам. Но развитие производительных сил общественного труда создает почву для мощной кооперации, требующей обширных мастерских, больших запасов сырья, значительного количества средств труда и т. д. Однако, при господстве товарного производства концентрация (сосредоточение) средств производства в крупном масштабе в руках отдельных лиц возможна лишь путем достаточно сильной аккумуляции индивидуальных капиталов. «На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиться лишь в капиталистической форме» [1]). Следовательно, определенная степень накопления капитала является предпосылкой известного уровня производительности труда. Но при капиталистическом производстве всякий метод повышения производительности труда есть в то же время метод увеличения производства прибавочной стоимости и тем самым содействует увеличению аккумуляции. Последняя в свою очередь способствует расширению производства, которое опять-таки служит самым могущественным стимулом к повышению производительности труда. Таким образом, аккумуляция капитала и производительная сила труда обусловливают друг друга в своем непрерывно увеличивающемся развитии.

Процессу увеличения индивидуальных капиталов путем их аккумуляции противодействует распадение существующих капиталов (напр., при разделе наследства) и образование новых самостоятельных капиталов. Однако, это противодействие в очень значительной мере парализуется *централизацией, соединением уже*

[1]) «Капитал», т. I, стр. 614.

сложившихся капиталов, возникающей главным образом путем поглощения мелких капиталов крупными. Эта централизация, как и аккумуляция, содействует повышению производительности труда и влечет за собой изменение технического состава капитала. Затем, аккумуляция поощряет централизацию, и наоборот. Чем больше аккумулированный капитал, тем с большей легкостью победит он конкурирующие с ним мелкие капиталы и поглотит их, а чем больше мелких капиталов поглотит он, тем выше будет производительность эксплоатируемого им труда, тем значительнее будет аккумуляция.

Но собирание огромных капиталов в немногих руках не ограничивается увеличением производительности труда в тех отраслях промышленности, в которых уже давно господствует капиталистический способ производства. Целый ряд мелких капиталов, вытесняемых из главных отраслей промышленности, устремляется в те отрасли, где капиталистическое производство еще не закрепилось, где поэтому мелкие капиталы еще могут выдержать конкуренцию; там они подготовляют почву для окончательного подчинения этих областей власти капитализма.

Итак, при капиталистическом способе производства происходят постоянно технические революции, результатом которых является беспрерывное увеличение постоянного капитала и относительное уменьшение переменного капитала. Однако, уменьшение переменного капитала совершается значительно быстрее, чем аккумуляция. Вновь возникший в процессе аккумуляции капитал притягивает, по сравнению со своей величиной, все меньшее число добавочных рабочих. Но на-ряду с аккумуляцией происходит переворот в *прежнем* капитале. Изношенная машина заменяется обычно не другой, одинаковой с ней машиной, а — поскольку техника непрерывно прогрессирует — более усовершенствованной, применение которой дает рабочему возможность производить больше продуктов, чем раньше. Итак, прежний капитал воспроизводится каждый раз в новой, более производительной форме; уменьшается вместе с тем число эксплоатируемых им рабочих непрерывно.

Централизация — один из самых могучих факторов этого преобразования прежнего капитала. Чем быстрее совершается централизация прежнего капитала, чем быстрее революционизируется его технический состав, тем скорее должна протекать аккумуляция нового капитала, во избежание уменьшения числа занятых рабочих. А ускорение аккумуляции в свою очередь содействует ускорению централизации и революционизирования технического состава капитала.

Мальтузианцы объясняют «перенаселение» тем, что средства существования (точнее: переменный капитал) увеличиваются *в арифметической прогрессии* (1:2:3:4:5 и т. д.), а население — *в геометрической прогрессии* (1:2:4:8:16 и т. д.). Поэтому числен-

ность населения увеличивается, по их мнению, быстрее, чем запасы средств существования; естественный результат этого — пороки и нищета.

В действительности же переменный капитал прогрессивно *уменьшается*, в то время как общий капитал *увеличивается*. Если первоначально переменный капитал был равен $^1/_2$ общего капитала, то с течением времени он постепенно уменьшается до $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$ и т. д. общего капитала. «Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала или средств для занятия этого населения. В действительности капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т.-е. *избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании*, а потому излишнее или добавочное рабочее население или перенаселение» [1]).

Весь общественный капитал изменяется в отдельных частях своего состава далеко не равномерно. В одном случае капитал, возрастающий благодаря аккумуляции, не изменяет на первых порах своей технической основы и привлекает поэтому добавочные рабочие силы по мере своего увеличения. В другом случае состав капитала изменяется без увеличения его абсолютной величины, исключительно в силу возмещения прежнего капитала в более производительной форме; при этом число занятых рабочих абсолютно и относительно уменьшается. В пределах этих двух крайних случаев встречаются бесчисленные комбинации, обусловленные взаимодействием аккумуляции капитала, централизации его и преобразования прежнего капитала в более производительную форму капитала. Все эти случаи имеют своим результатом либо прямое увольнение рабочих, либо «не столь заметную, но не менее действительную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами» [2]). Таким образом, рабочее население находится в постоянном движении, притягивается в одном месте, отталкивается в другом, и это движение тем сильнее, чем быстрее изменяется состав капитала, чем резче повышается производительность труда, чем шире развивается аккумуляция капитала.

Маркс иллюстрирует относительное, а отчасти и абсолютное уменьшение числа рабочих, занятых в различных отраслях промышленности, примерами, заимствованными из материалов английских переписей [3]). Пользуясь данными более новых переписей, мы

[1]) «Капитал», т. I, стр. 621.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 621.
[3]) «Капитал», т. I, стр. 621 — 622.

приведем здесь два примера абсолютного уменьшения числа занятых рабочих на-ряду с одновременным расширением производства.

Первый пример имеет в виду *хлопчатобумажную промышленность в Англии* в период 1861 — 1871 г.г. Статистические данные о ней следующие:

Ч и с л о.	1861 г.	1871 г.
Фабрик.	2.887	2.483
Веретен.	30.387.467	34.695.221
Паровых ткацких станков .	399.992	440.676
Рабочих	456.646	450.087

Как показывает приведенная таблица, число занятых рабочих за 10 лет уменьшилось, а число фабрик, веретен и механических станков увеличилось; это свидетельствует о централизации и аккумуляции капитала.

С 1895 г. по 1904 г. потребление хлопка в Англии увеличилось с 1550 до 1700 миллионов фунтов; вместе с тем число рабочих бумагопрядильных фабрик уменьшилось с 539.000 до 523.000.

Подобная же картина наблюдается в некоторых отраслях германской текстильной промышленности, а именно: сильное уменьшение числа рабочих, но лишь в мелкой промышленности; в крупной же промышленности число предприятий и занятых в них рабочих возрастает — следовательно, здесь происходит сильная централизация и аккумуляция капитала при одновременном сокращении *общего* числа рабочих.

Вот, напр., данные о шелко-ткацкой промышленности в Германии:

Г о д.	Мелк. предпр. (до 5 рабочих).		Средн. предпр. (5 до 50 рабоч.).		Крупн. предпр. (св. 50 рабоч.).	
	Предпр.	Рабоч.	Предпр	Рабоч.	Предпр.	Рабоч.
1882	39.500	57.782	412	4.902	69	13.580
1895	16.527	20.484	192	3.469	140	32.129
1897	8.272	12.823	346	5.650	240	48.719
Увелич. (+) Уменьш. (—)	—31.228	—44.959	—66	+748	+171	+35.139

То же самое наблюдается в льно-ткацком производстве, а именно:

Год.	Мелкие предприятия.		Средние предприятия.		Крупные предприятия.	
	Предпр.	Рабоч.	Предпр.	Рабоч.	Предпр.	Рабоч.
1882	71.915	91.039	404	5.226	73	7.543
1895	34.082	43.228	291	4.598	120	19.966
1907	14.275	18.949	265	5.214	180	28.177
Увелич. (+) Уменьш. (—)	—57.640	—72.090	—139	—12	+107	+20.634

Итак, *общее* число рабочих в обоих производствах *понизилось* за 25 лет на 60.540 человек, но это понижение произошло исключительно вследствие резкого сокращения *мелкой* промышленности, где число предприятий уменьшилось (в обоих производствах) на 88.868, т.-е. на 80%, а число рабочих на 116.959.

Напротив, число *крупных* предприятий *увеличилось* с 142 до 420, т.-е. *утроилось,* а число занятых в них рабочих возросло с 21.123 до 76.896, т.-е. *увеличилось больше чем в три раза.*

До сих пор мы исходили из того предположения, что увеличению и уменьшению переменного капитала точно соответствует увеличение и уменьшение числа занятых им рабочих. Однако, на самом деле это случается не всегда. Если, напр., фабрикант *удлинил рабочий день,* в то время как цена труда осталась прежняя, то его расход на заработную плату увеличится и переменный капитал возрастет несмотря на прежнее или даже уменьшившееся число рабочих.

Представим себе, что в предприятии занято 1000 человек; их рабочий день—десяти-часовой, однодневный заработок—2 рубля. Капиталист желает вложить в предприятие добавочный капитал. Он может осуществить это различными путями: построить новые фабричные здания, приобрести новые машины и привлечь добавочных рабочих; но этот добавочный капитал, поскольку последний ему не нужен для закупки добавочного запаса сырья, он может использовать, удлиняя рабочий день наемных рабочих. Предположим, что рабочий день удлиняется на 5 часов, а цена труда не изменяется; однодневная заработная плата составит тогда 3 рубля, а переменный капитал, при прочих равных условиях, увеличится на 50%, хотя число рабочих и не возросло. Для капиталиста гораздо выгоднее увеличить свою продукцию при помощи удлинения рабочего дня или увеличения интенсивности труда, чем посредством увеличения числа рабочих, ибо в первом случае при расши-

рении производства величина постоянного капитала, который он должен вкладывать в дело, возрастает медленнее, чем во втором. И эта выгода тем больше, чем крупнее масштаб продукции, следовательно, чем значительнее аккумуляция.

Если орудием труда служит, напр., лопата, стоящая 2 рубля, то капиталист едва ли будет иметь что-либо против увеличения количества затрачиваемого рабочими труда путем увеличения их числа.

Иное дело, если ему надо приобрести машину, стоящую 100.000 рублей. Однако, аккумуляция капитала не только увеличивает стремление капиталиста к увеличению количества затрачиваемого рабочими труда без соответственного увеличения их числа, но и уменьшает силу сопротивления рабочего класса этой тенденции.

Вследствие избытка рабочих, возникающего на почве аккумуляции капитала, возрастает и конкуренция этих избыточных рабочих с занятыми рабочими.

Поэтому занятые рабочие вынуждены соглашаться на чрезмерный труд, который в свою очередь пополняет ряды избыточного рабочего населения. Итак, безработица одних обусловливает чрезмерный труд других, и наоборот.

Мы видим, что аккумуляция капитала, с сопутствующими ей явлениями и вытекающими из них результатами — централизацией капиталов, техническим преобразованием старых капиталов, чрезмерным трудом и т. д., — стремится к относительному (по сравнению с вложенным в предприятие общим капиталом), а иногда и к абсолютному *уменьшению* занятых рабочих, и в то же время она *увеличивает* предложение труда, число готовых к услугам капитала рабочих в такой мере, которая далеко превышает естественный прирост населения.

Во втором отделе мы познакомились с тем, как в мануфактуре, а еще больше в крупной промышленности, квалифицированные рабочие постепенно заменяются мало подготовленными; период учения сокращен до минимума, рабочий получает возможность поступить на фабрику в более раннем возрасте; время воспроизводства рабочего класса, таким образом, сокращается. Одновременно с этим во многих отраслях труда женщины и дети вытесняют взрослых мужчин. В результате этого армия рабочих невероятно возрастает, а материальная независимость юношей и девушек, их совместная работа, а также возможность получения работы малолетними на-ряду с их родителями — поощряют ранние браки и тем самым опять-таки содействуют сокращению времени воспроизводства рабочего класса.

Другой, очень существенной причиной быстрого увеличения рабочей армии является применение капиталистического способа производства *в сельском хозяйстве*. Здесь увеличение производительности с самого начала влечет за собой не только относительное, но и абсолютное уменьшение числа занятых рабочих. Так,

напр., в Англии число земледельческих рабочих составляло в 1861 г. — 2.210.449, а в 1871 г. — только 1.514.601, т.-е. уменьшилось почти на 700.000. Эти «лишние» рабочие переселяются в промышленные области (если только они совершенно не покидают своей родины) и пополняют ряды рабочей армии, предлагающей свой труд капиталу.

Наконец, нельзя забывать роли железнодорожного и пароходного сообщения, позволяющего капиталу привлекать рабочих из более отсталых в промышленном отношении стран — ирландцев, поляков, словаков, итальянцев, китайцев и т. д.

Таким образом рабочее население возрастает необычайно скоро, скорее, чем это соответствует потребности капитала в добавочных рабочих силах; в результате этого возникает относительное *перенаселение,* обусловленное, как мы знаем, *аккумуляцией* капитала, — не *понижением* производительности труда, как это утверждают буржуазные экономисты, а наоборот, *повышением* ее.

Но наличность этого так называемого перенаселения, этой промышленной резервной армии отнюдь не препятствует расширению капиталистического производства; напротив, на известной ступени его развития оно становится одним из условий его дальнейшего существования.

Мы уже говорили, что капитал — величина эластичная. Чем сильнее развивается капиталистический способ производства, тем стремительнее и обширнее становится его периодическое расширение и сокращение. Современная крупная промышленность, как мы это выяснили еще во втором отделе, совершает своеобразные, ей одной свойственные, периодические кругообороты; каждый из них длится примерно (по крайней мере так было до 1873 г.) 10 лет. Эти кругообороты начинаются со среднего оживления промышленности, быстро разрастающегося и вскоре достигающего грандиозных размеров; происходит экономический подъем, лихорадочное, внезапное расширение производства; затем следует крах, промышленная жизнь замирает до тех пор, пока рынки не расширятся и не поглотят избыточной массы продуктов, после чего наступает затишье и кругооборот возобновляется, но уже в более крупных размерах.

Именно такое положение вещей существовало тогда, когда Маркс писал свой «Капитал», впервые изданный в 1867 г.; в послесловие ко второму изданию «Капитала» (датировано 24 января 1873 г.) Маркс предсказал приближение всеобщего экономического кризиса, и это пророчество исполнилось без промедления и с пунктуальной точностью [1]).

[1]) Упомянутый нами уже во втором отделе Штегеман с ужасом замечает по поводу этого пророчества: «*Маркс, не задумываясь (!)* предсказывает приближение всеобщего кризиса» («Preussische Jahrbücher», LVII, стр. 227). В действительности Маркс говорит в указанном месте о колебаниях того

Начавшийся в 1873 году кризис создал впечатление, будто капиталистический способ производства вступил в новую фазу своего развития.

В то время, как раньше продукция крупной промышленности возрастала с такой быстротой, что мировой рынок не поспевал за ней в своем расширении, в 1873 году казалось, что вследствие огромного прогресса техники и необычайного расширения подвластной господству капитала территории (кроме Западной Европы, он захватил Россию, Америку, Ост-Индию и Австралию) мировой рынок — не считая преходящих и временных явлений — совершенно не будет в состоянии впитать в себя всей массы продуктов мировой промышленности: вместо десятилетней продолжительности цикла, в течение которого обычно сменяются периоды среднего оживления, лихорадочного развития, краха, затишья и нового оживления экономической жизни, с 1873 г. наступил *хронический застой, длительное затишье* в экономической сфере; правда, в 1889 г. промышленность зашевелилась, произошла кратковременная вспышка спекуляции, но вскоре она сменилась еще более ужасным экономическим застоем. Многие полагали, что сколько-нибудь значительный «промышленный подъем» вообще никогда уже не повторится.

Однако, это предположение оказалось ошибочным. С 1895 г. по 1900 г. опять начался период промышленного подъема, столь энергичного, что некоторые оптимисты пришли к противоположному выводу и стали уверять, что время кризисов миновало безвозвратно или, по крайней мере, наступит с огромным опозданием.

Но ошиблись и эти оптимисты. Кризис, неизбежный при капиталистическом производстве, разумеется, наступил, и притом без всякого промедления.

Нас интересует, однако, кратковременное расширение и сокращение капитала, одинаково происходящие как во время хронических застоев, так и в нормальные, десятилетние периоды экономических кругооборотов — промышленных кризисов и подъемов.

В период промышленных подъемов потребность капитала в рабочей силе увеличивается.

Каким образом удовлетворяется эта потребность? Повышение заработной платы влечет за собой, по мнению буржуазных экономистов, увеличение народонаселения; «за 20 лет,—говорят они,—

периодического цикла, который пробегает *современная промышленность и кульминационным пунктом* которого является всеобщий кризис» («Капитал», т. I, стр. XLII); кажется, яснее быть не может. Это не помешало, однако, ученому критику истолковать кризис, о котором идет речь, в смысле *революции*. «Подобные недоразумения» (выражаясь парламентарным языком), конечно, всегда на руку любителям потрясающих истин и часто встречаются у «ученых», которые читали — или не читали — и цитируют сочинения Маркса.

рабочее население увеличивается настолько, что капитал может спокойно использовать благоприятную для него конъюнктуру». Но дело в том, что экономический подъем длится каждый раз всего лишь несколько лет, а то и несколько месяцев. К счастью для капиталистов, дело обстоит не так печально, как это изображают сторонники «железного закона заработной платы». Мы уже знаем, что капиталистический способ производства создает искусственным путем избыточное рабочее население, *резервную армию,* которая может предоставить капиталу в любую минуту нужное ему количество добавочных рабочих; без такой армии не было бы возможно своеобразное, совершающееся толчками, развитие крупной промышленности. Что стало бы с немецкой промышленностью, если бы она в начале 70-х и второй половине 90-х годов XIX столетия не нашла бы того огромного количества «свободных» рабочих рук, в котором она тогда нуждалась? Целые рабочие армии бросила она на постройку железных дорог, на разработку новых залежей железа и угля и т. д. Эта резервная армия не только делает возможным мгновенное расширение капитала, но и понижает заработную плату, и в виду того, что даже в самые цветущие времена резервная армия не может быть использована промышленностью полностью, заработная плата не переступает известных пределов, как бы велик ни был экономический подъем.

Кажущиеся увеличения и уменьшения численности населения представляют на самом деле лишь отражение периодических расширений и сокращений капитала. Мальтузианцы требуют, чтобы рабочие размножались в соответствии с существующим спросом на их труд; другими словами, они предлагают рабочим уравновешивать свою численность с изменчивыми требованиями капитала.

Мальтузианство основано на смешении крайне изменяющихся потребностей капиталистического производства с производительной силой наличных средств производства. Это смешение не выдерживает никакой критики; выходит, что избыток сельского населения, образовавшийся в последние десятилетия XIX века, заключается в избытке средств существования, является результатом конкуренции поставщиков американского, индийского и австралийского хлеба и мяса!

Но, несмотря на всю свою бессмысленность, требования мальтузианцев выражают в рельефной форме отношение капитала к рабочему классу; последний — только придаток капитала; в процессе производства он служит средствам производства, а не они ему; во вне-рабочее время он тоже находится в распоряжении капитала; потребляя, поддерживая свои силы и размножаясь, он соблюдает прежде всего интересы капитала. Продукт труда рабочего всецело подчиняет себе рабочего; к услугам продукта не только силы рабочего, но и все другие стороны деятельности последнего.

ГЛАВА VI.

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА.

В предыдущих главах мы установили, что капитал непрерывно сам создает все новые и новые предпосылки для своего дальнейшего существования. Но ясно, что в своей классической форме капитал мог образоваться только после того, как эти предпосылки достигли известной ступени своего развития. Но какие отношения эти предпосылки вызвали к жизни—вот вопрос, на который мы еще не ответили. Исследуя процесс превращения денег в капитал, мы исходили из предположения, что, с одной стороны, значительные денежные суммы стали частной собственностью отдельных лиц, а с другой стороны — на рынке появилась в виде товара рабочая сила. Каким образом рабочая сила стала товаром и каким образом отдельные денежные суммы соединились в более крупные капиталы — этих вопросов мы еще не рассматривали. Обратимся теперь к выяснению самых существенных сторон этих вопросов.

Аккумуляция капитала означает возобновление условий образования капитала. Первоначальное образование предпосылок капитала, предшествовавших развитию последнего, Маркс называет *первоначальной аккумуляцией, первоначальным накоплением.*

Вопрос о происхождении капитала буржуазные экономисты разрешают при помощи того метода, к которому они прибегают во всех тех случаях, когда они не знают или не хотят знать действительных отношений — при помощи *робинзонады.* Этот метод имеет двоякое преимущество: во-первых, его изобретение не требует никаких предварительных познаний; во-вторых, посредством его можно доказать все что угодно.

А те робинзонады, которые пытаются объяснить происхождение капитала и согласовать этот вопрос с ходячими правовыми представлениями, принадлежат к числу самых пошлых небылиц указанного рода. От детских басен они отличаются только тем, что они гораздо скучнее [1]).

[1]) Так, напр., Рошер говорит: «Представим себе народ, занимающийся исключительно рыболовством, не имеющий понятия ни о капитале, ни о частной собственности на землю, живущий в пещерах, расхаживающий

Все они сводятся к старой сказке о том, как храбрый, прилежный и воздержанный работник сделался капиталистом, и как ничтожные оборванцы, прокутившие все свое состояние, в наказание за это должны были вместе со всем своим потомством трудиться в поте лица своего на пользу ретивых и их детей, внуков и правнуков.

Иной вид будет иметь первоначальная аккумуляция, если мы познакомимся с историей Европы, начиная с XIV столетия. Первоначальная аккумуляция имеет две стороны, но только одна из них известна широким массам благодаря содействию либеральных историков.

Промышленный капитал не мог бы возникнуть, если бы не было свободных рабочих, не скованных ни условиями рабства, ни крепостной зависимостью, ни предписаниями цеховых уставов. С этой точки зрения борьба, которую нарождавшийся капитализм вел за освобождение производства от цепей феодализма, от опеки вассалов, представляется борьбой против порабощения и привилегий феодальных господ, — борьбой за равенство и свободу.

На эту сторону постоянно указывают народу защищающие интересы капитала литераторы. Мы вовсе не намерены умалять значения этой борьбы, особенно теперь, когда буржуазия сама начинает отрешаться от своего прошлого. Но не следует упускать из виду и *обратной стороны* этой блестящей медали — образования пролетариата и самого капитала. Эта сторона еще не была освещена достаточно полно. Маркс исследовал ее в «Капитале» основательно только по отношению к *одной* стране, к *Англии,* родине капиталистического способа производства, единственной стране, в которой первоначальная аккумуляция проявилась в ее классической форме [1]). Некоторые указания по данному вопросу содержатся также в другом сочинении Маркса—«Нищета философии» (глава II, § 2, стр. 121, нем. изд.).

В Германии процесс аккумуляции капитала нельзя проследить, к сожалению, с достаточной ясностью, так как течение его замедлилось и изменилось вследствие перемещения торговых путей на

нагишом и питающийся морской рыбой, которую он собирает руками, когда ее выбрасывают на берег морские волны.

Допустим, что каждый рыболов вылавливает и съедает ежедневно по 3 рыбы. Но среди них нашелся один умный человек, который решил, что ему выгоднее съедать 2 рыбы в день, оставляя одну про запас. Через 100 дней у него образовался запас в 100 рыб, который дал ему возможность использовать свою рабочую силу в течение 50 дней для изготовления лодки и сетей. С помощью этого капитала он увеличил свой улов до 30 рыб в день». («Основы политической экономии», Штутгарт, 1874, I, стр. 423.)

Нечто, подобное этим гнилым рыбам, лежит в основе всех сказок о происхождении капитала.

[1]) «Капитал», т. I, стр. 709 — 726.

восток, от Средиземного моря к Атлантическому океану, вследствие тридцатилетней войны, а также вследствие того, что Германия на несколько столетий была оттеснена от мирового рынка.

На первых порах своего развития капитал встретил сильное противодействие со стороны цеховой организации в городах и общинного земледелия в деревнях и селах, ибо тогда еще не было никакого пролетариата.

Однако, на помощь капиталу поспешило феодальное дворянство. Со времени крестовых походов торговля и товарное производство начали усиленно развиваться. Постепенно увеличивался спрос на *товары,* которые производили городские ремесленники и доставляли за *деньги* городские купцы. Но богатство феодальных дворян заключалось в натуральных или личных повинностях подвластных им крестьян. *Денег* у них было мало. Тогда они стали *грабить* то, чего они не могли *купить.* Между тем государственная власть все более усиливалась. Против дворянских ополчений, состоявших из представителей мелкого дворянства, выступили наемные войска богатых городов и князей: разбой сделался невозможным. Тогда вассалы стали вымогать деньги и сокровища у своих крестьян и довели последних до отчаяния: вспыхнули крестьянские войны. Дворянство ничего от этого не выгадало и постепенно пришло, наконец, к заключению, что удовлетворять свои увеличившиеся потребности оно будет иметь возможность только в том случае, если оно, по примеру горожан, займется *товарным производством* и станет получать деньги, производя сельско-хозяйственные продукты — шерсть, зерно и т. д. — не только для *собственного потребления,* но и *на продажу.*

Это обстоятельство способствовало расширению сельско-хозяйственных предприятий, заведывание которыми перешло к управляющим, инспекторам или арендаторам. Но указанное расширение было возможно только *за счет крестьянства.* Обращенные в крепостное состояние крестьяне лишались своей земли, которая присоединялась к владениям их властелина. Общинные земли также постепенно превращались в частную собственность вассалов; в результате всего этого экономическое благосостояние крестьянства было окончательно подорвано.

Из сельско-хозяйственных продуктов наиболее ходким товаром была *шерсть,* в которой нуждалась городская текстильная промышленность. Но расширение производства шерсти повлекло за собой превращение значительного количества пахотных полей в пастбища для овец и захват у крестьян их земельных участков, при чем это происходило различными путями — законными и незаконными, в силу экономической необходимости и при помощи открытого насилия.

По мере развития городской текстильной промышленности число лишившихся своей земли крестьян увеличивалось. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что дворянство ликвиди-

ровало свои многочисленные дружины, которые при новых условиях уже не могли служить ему надежным оплотом, а только обременяли его финансовое положение. Наконец, выгодной для капитала оказалась и *реформация;* она превратила обитателей уничтоженных монастырей в пролетариев, а церковные имения продала за бесценок спекулянтам, которые массами изгоняли оттуда старых наследственных арендаторов.

Такими путями у значительной части сельского населения были экспроприированы их земельные участки, их средства производства, и тем самым было искусственно создано «перенаселение», была создана армия неимущих пролетариев, вынужденная изо-дня в день продавать капиталу свою рабочую силу.

Итак, феодальные господа расчищали почву для капитала, пополняли в его интересах ряды городского и сельского пролетариата и содействовали расширению сельского товарного производства и образованию капиталистического сельского хозяйства. Крепостничество и кабальная зависимость не *смягчили*, а только *исказили* капиталистическую основу сельского хозяйства.

Поэтому хочется смеяться, когда современные крупные земельные собственники начинают уверять, что они представляют тот класс, который *самой природой* призван для защиты рабочих от притеснений капиталистов и для восстановления гармонии между теми и другими.

Бесчисленные экспроприации земли у крестьян привели к тому, что в XV и XVI столетиях бродяжничество получило в Западной Европе повсеместное распространение. Общество боролось с этой серьезной опасностью самым решительным образом; бродяги подвергались телесным наказаниям (битье кнутом, клеймение, отсечение ушей) и даже смертной казни.

Но, несмотря на непрерывный приток новых свободных рабочих, численность которых постоянно превышала потребности промышленности, капитал не всегда располагал достаточным количеством нужных ему рабочих. В мануфактурный период капиталистическое производство зависело от отдельных категорий рабочих, имевших специальный навык в той или иной частичной операции. Проходили годы, пока такой рабочий приобретал должную сноровку. В то же время переменный капитал был тогда гораздо больше постоянного. Поэтому спрос на наемный труд повышался быстро, возростал с каждой аккумуляцией капитала; напротив, число нужных рабочих увеличивалось сравнительно медленно. Кроме того, среди квалифицированных рабочих были еще сильны традиции эпохи ремесленничества, когда подмастерье был социально близок к мастеру и сам надеялся стать мастером. В силу указанных причин рабочие того времени чувствовали себя независимыми и отличались упрямством и строптивостью; они не могли и не желали подчиняться дисциплине и вечному безразличию капиталистической промышленности.

Только «высшая власть» могла предоставить в распоряжение последней покорных рабочих.

Государственная власть, боровшаяся с бродягами и содействовавшая превращению общинных земель в частную собственность [1]), позаботилась также о том, чтобы приучить рабочих к капиталистической дисциплине. Строгие указы устанавливали высший размер заработной платы, удлиняли рабочий день и запрещали образование рабочих объединений.

Насколько все это соответствовало идеологии боровшейся тогда за «свободу» буржуазии, доказала французская революция; после захвата политической власти буржуазия повела ожесточенную борьбу против сохранившихся еще во Франции остатков общинного земледелия и самым решительным образом запретила организацию рабочих ассоциаций.

Одновременно с появлением пролетариата возникли внутренние рынки для капитала. Раньше каждая крестьянская семья сама производила все для нее необходимое — продукты питания и домашней промышленности. В мануфактурный же период производство средств существования в качестве *товаров* перешло к крупным земельным собственникам, захватившим и объединившим общинные земли и отдельные крестьянские хозяйства; эти товары отправлялись в промышленные округа, где их приобретали городские и сельские рабочие и безземельные крестьяне.

У многих крестьян было так мало земли, что она не могла их прокормить; поэтому они вынуждены были заниматься земледелием как побочным промыслом; на первый план выдвигался ими кустарный промысел, но не для удовлетворения собственных потребностей, а для изготовления товаров, поставляемых капиталистам, купцам. Здесь мы имеем дело с одной из самых ужасных и в то же время самых доходных форм капиталистической эксплоатации.

Мы выяснили, каким образом создаются пролетариат и искусственный избыток населения; они содействуют развитию капиталистического способа производства; последний в свою очередь воспроизводит пролетариат и относительное перенаселение во все увеличивающемся масштабе.

Но откуда взялись те богатства, сосредоточенные в немногих руках, которые послужили основанием для дальнейшего развития капиталистического способа производства?

Два вида капитала достались средневековью в наследство от древних веков: *ростовщический* капитал и *торговый* капитал. Со времени крестовых походов торговые сношения с восточными странами сильно возросли; в связи с этим увеличился торговый

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 717.

капитал и его централизация в немногих руках (вспомним Фуггеров — этих немецких Ротшильдов XV и XVI столетий).

Но ростовщичество и торговля не были единственными источниками происхождения тех богатств, которые, начиная с XV столетия, стали все больше и больше превращаться в *промышленный* капитал. Маркс указал в «Капитале» еще целый ряд других источников образования промышленного капитала. Мы отсылаем читателя, интересующегося подробностями этого вопроса, к § 6 24-й главы «Капитала», достойным образом завершающему блестящий исторический очерк первоначальной аккумуляции. Здесь же мы ограничимся только краткой заключительной характеристикой различных методов этой аккумуляции в изложении самого Маркса.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была *утренняя заря капиталистической эры производства*. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в виде таких грабительских походов, как война с Китаем из-за опиума и т. д.

«Различные моменты первоначального накопления распространяются теперь между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией, — и притом более или менее в известной исторической последовательности. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма (покровительственных таможенных пошлин). Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются *государственной властью, т.-е. концентрированным и организованным общественным насилием*, чтобы обеспечить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. *Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым.* Само насилие есть экономическая потенция (сила)» [1]).

Предпоследняя фраза приведенного отрывка цитируется часто, но обычно без всякой связи с предыдущим. Кому известна эта связь, тот не ошибется в понимании ее смысла. Одним из факторов, выполнявших обязанности повивальной бабки капиталистического способа производства, является «государственная власть,

[1]) «Капитал», т. I, стр. 744.

концентрированное и организованное общественное насилие», не власть «государства вообще», витающего где-то в облаках, над классовыми противоречиями, а власть государства, как орудие энергично устремляющегося вперед класса.

С одной стороны, увеличивающаяся пролетаризация населения, особенно крестьянского, и возникновение внутренних рынков, а с другой стороны, накопление и концентрация крупных богатств и в то же время образование внешнего рынка, как результат торговых войн и колониальной политики — таковы условия, которые, начиная с XV столетия, постепенно превратили в Западной Европе производство для собственного потребления в товарное производство, а простое товарное производство — в капиталистическое. Раздробленные мелкие крестьянские хозяйства и ремесленные предприятия мало-по-малу уничтожались и вытеснялись капиталистической крупной промышленностью.

ГЛАВА VII.

ЗАКАТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА.

Мы закончили описание процесса капиталистического производства, следуя шаг за шагом за Марксом.

Мы видели, что *первобытный способ производства* основан на общественном, планомерно организованном труде, что средства производства и продукт составляют при этом способе производства *общественную собственность*. Правда, продукты распределяются и становятся таким образом индивидуальной собственностью, но лишь постольку, поскольку они являются для отдельных лиц *предметами потребления*. Как непосредственный результат общественного труда, продукты прежде всего принадлежат обществу.

Этот способ производства вытесняется *простым товарным производством*, производством независимо друг от друга работающих частных лиц, при чем каждый из них изготовляет продукты самостоятельно, при помощи ему самому принадлежащих средств производства, вследствие чего и самый продукт составляет, разумеется, его частную собственность.

Затем, из простого товарного производства развивается *капиталистическое товарное производство*. Независимых друг от друга, самостоятельно производящих товар отдельных лиц сменяют крупные предприятия, концентрирующие значительное число рабочих. Каждое из них производит товары самостоятельно, но внутренняя организация их покоится на принципах планомерного общественного производства. В виду того, что эти крупные капиталистические предприятия противостоят друг другу как независимые производители товаров, их взаимные сношения регулируются правилами товарообмена; следовательно, право частной собственности на средства производства и самый продукт играет здесь такую же роль, как и при простом товарном производстве.

Но самый характер частной собственности при этом изменился в диаметрально противоположном направлении. При простом товарном производстве частная собственность была результатом и плодом труда. Средства производства и продукт составляли соб-

ственность того, кто лично трудился над их изготовлением. Капиталистическое же производство разрывает связь между трудом и собственностью. Трудящийся перестает быть собственником изготовленного им продукта. Напротив, средства производства и продукты принадлежат тому, кто не трудится. Обобществление производства на капиталистической основе влечет за собой постепенно усиливающееся превращение нетрудовых элементов в собственников всех богатств, а трудящихся в неимущих.

Этим, однако, не исчерпывается противоречие между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения.

Мы знаем, как просто и гладко протекал процесс производства в эпоху первобытного коммунизма, как направление его определялось задачами и потребностями общества.

В системе товарного производства условия общественного производства обращаются в такую силу, которая не по плечу отдельному производителю. Последний становится рабом этих условий; его положение тем плачевнее, что повелевающая им сила не осведомляет его о том, какие потребности он должен удовлетворять и что он должен в этом отношении предпринять; ему предоставлено самому догадываться, что от него требуют. Производство подчинено теперь законам, которые не только не зависят от усмотрения производителя, но, подобно законам природы, нередко противодействуют ему, законам, с которыми связаны периодически повторяющиеся отклонения от нормального пути, — напр., падение цен, дороговизна и т. п. Эти отклонения, поскольку они вызываются общественными причинами, были в период простого товарного производства незначительны, в соответствии с низкой производительностью мелких предприятий, отдельных производителей. Но капиталистический способ производства резко повышает производительность труда, освобождает и мощно укрепляет те производительные силы, которые присущи общественному, целесообразному труду, и те силы природы, которые наука предоставляет к услугам человека.

Поэтому периодические отклонения от нормального пути, вытекавшие из законов товарного производства и представлявшие преждевременные, местные осложнения, которые скоро забывались и нередко без труда устранялись, находят теперь свое выражение в периодических катастрофах, длящихся годами, захватывающих целые государства и даже части света и производящих ужаснейшие опустошения, катастрофы, размах и сила которых возрастают вместе с капиталистическим способом производства и становятся, повидимому, хронической язвой.

К этому присоединяется еще одно обстоятельство. В эпоху первобытного коммунизма, когда продукт общественного труда принадлежал обществу, которое распределяло его между отдельными членами общины в соответствии с общественными потребно-

стями, доля каждого увеличивалась по мере повышения производительности труда. При господстве товарного производства с повышением производительности труда увеличивалось количество потребительных стоимостей, которое соответствовало определенной величине меновой стоимости. При простом товарном производстве продукт обычно составлял собственность производителя, который мог потребить его полностью или частично; очевидно, что в этом случае количество находившихся в его распоряжении предметов потребления увеличивалось в той же мере, как и производительность его труда. Но он мог также обменять его полностью или частично (при простом товарном производстве только небольшая часть изготовленного продукта обращалась в товар). За обмениваемый продукт он получал тем больше потребительных стоимостей, чем выше была общая производительность труда. Следовательно, и в этом случае повышение производительности труда благоприятствовало производителю. При капиталистическом же товарном производстве рабочая сила сама товар, стоимость которого, как и стоимость всякого другого товара, понижается в такой же степени, в какой повышается производительность труда. Таким образом, чем выше производительность труда, тем относительно меньше выгод от этого получает рабочий, тем ниже цена рабочей силы (заработная плата). С другой стороны, чем больше расширяется господство капиталистического способа производства, тем скорее увеличивается армия наемных рабочих, следовательно, тем большая часть населения устраняется от пользования плодами увеличивающейся производительности ее собственного труда.

Все эти противоречия естественно и неизбежно вызывают конфликты между классом капиталистов и рабочим классом; под влиянием этих конфликтов в рабочих пробуждается классовое самосознание и интерес к политической деятельности и к организации рабочих партий во всех капиталистических странах. Но указанные обстоятельства причиняют также бесчисленные невыносимые страдания, и не только рабочему классу, но и другим широким слоям современного общества.

В результате всего этого возникает настойчивое желание разрешить то противоречие, которое лежит в основе капиталистического способа производства — противоречие между общественным характером труда и ненормальной формой присвоения средств производства и продуктов труда.

Только двумя путями, повидимому, можно разрешить это противоречие; оба они ведут в конечном счете к согласованию способа производства со способом присвоения. Один путь, это—уничтожение общественного характера труда, возврат к простому товарному производству, к замене крупной промышленности ремесленными предприятиями и мелким крестьянским хозяйством.

Другой путь стремится подчинить не способ производства способу присвоения, а наоборот, способ присвоения способу производства; этот путь ведет к общественной собственности на средства производства и на продукты.

В настоящее время многие пытаются направить ход исторического развития по первому пути; они исходят из ложного предположения, что любой способ производства может быть осуществлен предписаниями закона. Даже буржуазная вульгарная экономия — по крайней мере та часть ее, которая, защищая интересы капитала, все же не утратила еще способности соображать — считает этот взгляд совершенно неприемлемым. Но она сама совершает аналогичную ошибку. В целях согласования господствующего способа производства с господствующим способом присвоения, она отбрасывает при изложении своей экономической теории все наиболее характерные и существенные черты современного способа производства и обрисовывает этот способ производства в виде простого товарного производства. Просмотрите самые распространенные труды представителей вульгарной экономии. По их мнению, в культурных странах и теперь еще происходит первобытный товарообмен; охотников и рыбаков, свободно распоряжающихся в лесу и на море, они считают их наемными рабочими, а лук, стрелы, лодки, и рыболовные сети — капиталом [1]).

---

[1]) Иллюзии, которые пытаются вызвать эти господа, решительно опровергаются тем, что мы наблюдаем в *колониях*, т.-е. в местах с девственной почвой, заселенной колонистами. Здесь существует полная свобода договоров личного найма, за трудящимся признается право собственности на продукт его труда, на его трудовой доход; здесь мы вообще встречаем все те условия, которые, по мнению буржуазных экономистов, являются основой капиталистического способа производства; но, как это ни странно, именно при этих условиях капитал перестает быть капиталом.

В этих колониях свободная земля имеется в избытке и доступна всякому. Каждый трудящийся может здесь производить самостоятельно. Никто не заставляет его продавать свою рабочую силу. Поэтому все предпочитают работать на себя, а не на других. В связи с этим деньги, предметы первой необходимости, машины и другие средства производства перестают быть капиталом. Их стоимость не реализуется.

Те самые экономисты, которые в капиталистических странах с таким пафосом кричат о святости собственности и о свободе договоров личного найма, требуют, чтобы в новых колониях, ради поощрения капитала, трудящиеся были лишены права собственности на землю, чтобы колонизация производилась под контролем государства и даже за счет прежних поселенцев; другими словами, они предлагают насильственно лишить трудящихся средств существования и средств производства и искусственным путем образовать избыточное рабочее население, которому в действительности придется продавать свою рабочую силу не добровольно, а в силу необходимости. Но там, где имеется покорный рабочий класс — в особенности, когда речь идет об отсталой в культурном отношении расе, которому можно навязать все эти меры, раньше или позже его привлекают к незамаскированным принудительным работам и затем обращают в рабство.

Те самые интересы, — говорит Маркс («Капитал», т. I, стр. 758), — которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретически обосно-

Экономистов этого типа Маркс основательно разделал в своем «Капитале». Но он не ограничился разоблачением всей пошлости и лживости вульгарной экономии.

Правда, Маркса часто называют духом отрицания, который все критикует, все разрушает и не создает взамен ничего положительного. Но это совершенно не соответствует действительности.

Уже настоящий краткий очерк развития капиталистического процесса производства показывает, что Маркс создал новую историческую и экономическую теорию. Критика им его предшественников служит у него только в качестве обоснования его собственного учения.

Не может осилить устарелых взглядов тот, кто не усвоил более возвышенной точки зрения; не может критиковать тот, кто не проникся более глубокими взглядами; не может разрушить крупной теории тот, кто не опирается на другое, более глубокое и всеобъемлющее учение.

Маркс первый раскрыл фетишизм товара, первый доказал, что капитал — не вещь, а *отношение между людьми, возникающее при посредстве вещей,* что капитал, это — историческая *категория* (понятие). Он первый исследовал законы движения и развития капитала. Он первый указал, что цели современного социального движения не взяты им из головы и не выражают требований какой-то произвольно сконструированной «вечной справедливости», а представляют неизбежный результат предыдущего исторического развития.

С той точки зрения, на которую поднял нас Маркс, понятно, что все попытки вульгарной политической экономии доказать примитивный патриархальный характер современных экономических отношений столь же тщетны, как тщетна возможность преобразовать их в таковые.

Следовательно, для дальнейшего прогресса общества остается только один путь: приспособление форм присвоения к способу производства, обобществление средств производства, решительное и последовательное осуществление задачи, выполненной капиталом только наполовину, а именно превращение индивидуального производства в производство общественное. Но вместе с этим начинается новая эра в истории человечества. Беспорядочное товарное производство будет заменено планомерной, целесообразной организацией общественного производства. Господству продукта над производителем придет конец. Человек упрочит свою власть над силами природы и станет управлять ходом общественного развития.

вывать в метрополии тождество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью, — эти же самые интересы побуждают его здесь «очистить свою совесть в этом отношении» и громко «провозгласить противоположность этих способов производства».

«Только с этого момента, — говорит Энгельс, — люди сами с полным сознанием начнут творить свою историю, только с этого момента приведенные ими в движение общественные факторы будут преимущественно и в беспрерывно увеличивающейся мере вызывать желательные для них результаты. *Это прыжок человечества из царства необходимости в царство свободы*».

ДОМ
ПРОПАГАНДИСТА
МК ВКП(б)
ст.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Предисловие к первому изданию 3
Предисловие к четвертому изданию 8
Предисловие к восьмому изданию 9

ОТДЕЛ I.

Товар, деньги, капитал.

Глава I. Товар.
1. Характер товарного производства 13
2. Стоимость 20
3. Меновая стоимость 28
4. Товарообмен 31
Глава II. Деньги.
1. Цена 34
2. Продажа и купля 37
3. Денежное обращение 39
4. Монета. Бумажные деньги 41
5. Остальные функции денег 43
Глава III. Превращение денег в капитал.
1. Что такое капитал 47
2. Источник прибавочной стоимости 50
3. Рабочая сила, как товар 52

ОТДЕЛ II.

Прибавочная стоимость.

Глава I. Процесс производства 59
Глава II. Роль капитала в образовании стоимости 65
Глава III. Степень эксплоатации рабочей силы 69
Глава IV. Прибавочная стоимость и прибыль. 73
Глава V. Рабочий день 87
Глава VI. Прибавочная стоимость «мелкого хозяйчика» и прибавочная стоимость капиталиста 97
Глава VII. Относительная прибавочная стоимость 100
Глава VIII. Кооперация. 104
Глава IX. Разделение труда и мануфактура.
1. Двоякое происхождение мануфактуры. Ее элементы: частичный рабочий и его орудие. 110
2. Две основные формы мануфактуры 112

СТРАН.

Глава X. Машины и крупная промышленность.
1. Развитие машин 117
2. Перенесение стоимости машины на продукт 123
3. Ближайшее воздействие машинного производства на рабочего. 125
4. Машина, как «воспитательница» рабочего 131
5. Машина и рынок труда 135
6. Машина, как революционный фактор 140

ОТДЕЛ III.

Заработная плата и доход с капитала.

Глава I. Заработная плата.
1. Изменение величины цены рабочей силы и прибавочной стоимости 149
2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату . . 152
3. Повременная плата 154
4. Поштучная плата 157
5. Национальные различия в заработной плате 159
Глава II. Доход с капитала 161
Глава III. Простое воспроизводство 163
Глава IV. Превращение прибавочной стоимости в капитал.
1. Как прибавочная стоимость становится капиталом. . . . 167
2. Воздержание капиталиста 169
3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер аккумуляции 172
Глава V. Перенаселение.
1. «Железный закон заработной платы» 175
2. Промышленная резервная армия. 178
Глава VI. Утренняя заря капиталистического способа производства. 188
Глава VII. Закат капиталистического способа производства 195

1980